

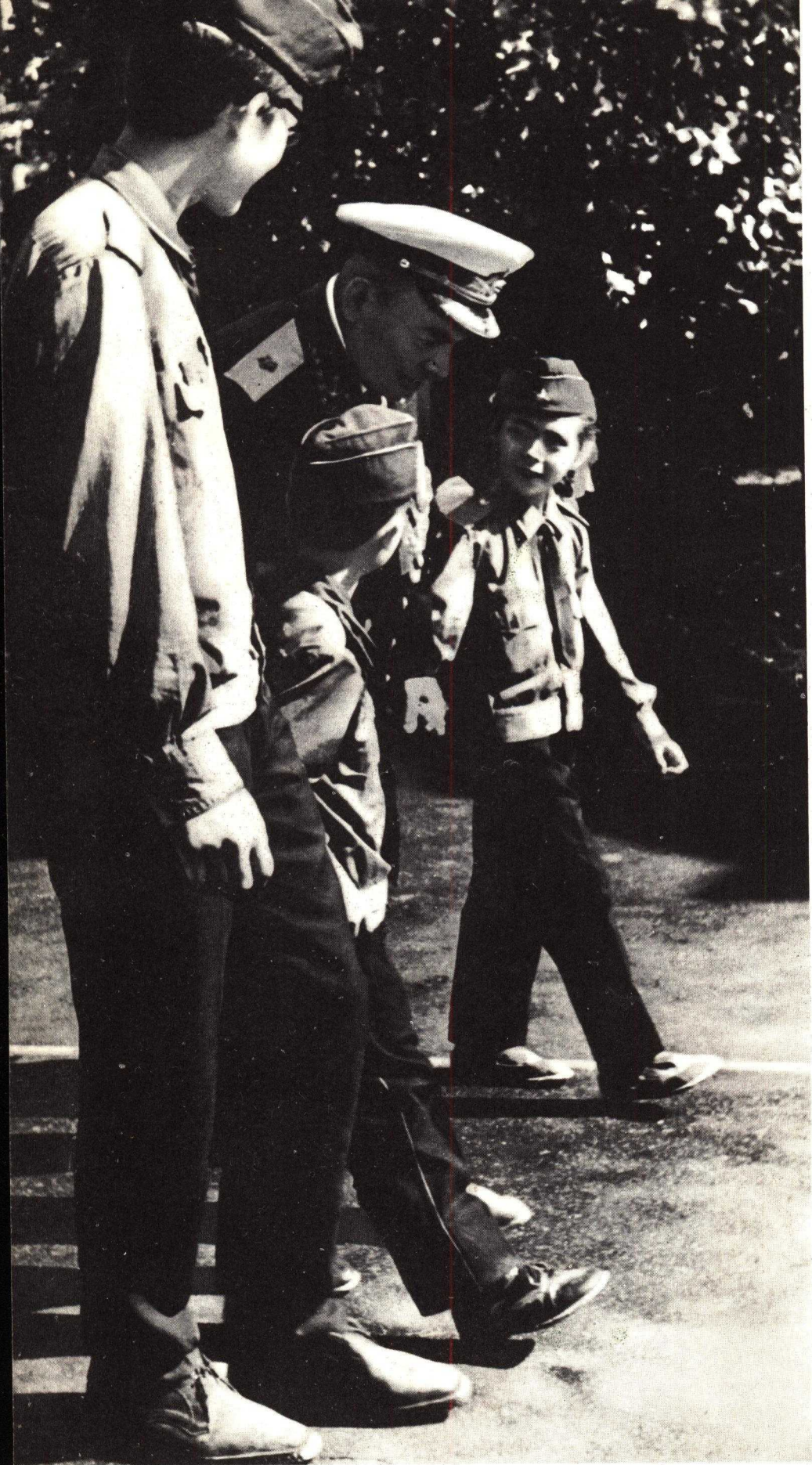
ПИОНЕР

НОЯБРЬ

11

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1968 г.

Вот они идут в ряд, оживленно беседуя: весь в орденах адмирал и трое ребят, глядящих на него влюбленными глазами, — коммунист, комсомолец, пионеры. Три поколения спаяны неразрывно одной идеей, одной целью: счастье людей — в справедливо устроенном коммунистическом мире.

Эта мысль о трех поколениях возникала не раз у каждого, кто был на слетах участников походов «Дорогой славы отцов» — в Бресте ли, в Москве ли, в Ленинграде ли, в Киеве...

Три поколения, сменяя друг друга, идут к одной великой цели вот уже столетия. Мальчишки и девчонки становятся взрослыми и встают на место ушедших бойцов, а новые поколения юных сердцами, полными огня, бережно хранят память о боевых подвигах и боях, чтобы ни крупинка не утерялась, чтобы каждый из героев — погибший и живой — был окружен любовью и почетом.

Фото И. Агафонова и И. Гричера.

Два дня из жизни старого солдата. Почему он так часто вспоминает их, вставая в памяти каждую самую мельчайшую подробность?

Потому, что это были дни Октябрьского штурма, первых часов Советской власти.

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ рассказ Н. Ерушева «Встречи, которых не забыть».

«Аник, хорошо мне! Знаешь, бывает и грустно, тяжело, а все-таки хорошо — таковы уж все мы. Понимаешь, кто? Наша группа, тесная группа социал-демократов...»

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ письма и дневники Люсик Люсиновой, молодой большевички, которая во время Октябрьских боев вела за собой рабочие отряды.

«Живу я хорошо. Плохо я никогда не живу, и опасно и трудно, но не плохо» — эти слова четверть века спустя написала на фронте другая девушка-воин — Ирина Лапина.

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ документальную повесть Б. Медового и Т. Яковлева «Вперед! Вперед! И не сдавайся!».

«Мы, не колеблясь, называем свое движение армией. Но это армия, вооруженная только искренностью, у которой нет другого мундира, кроме решимости, нет другого арсенала, кроме веры, нет других материальных средств, кроме совести» — это сказал Мартин Лютер Кинг.

О жизни борца, прерванной пулей ракистов, читайте рассказ журналиста Р. Орловой «На том стою и не могу иначе».

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

«— Твоя фамилия — Братишка?»

— Нет! — сказал Сестренка. — Сестренка! Ничего не понимаю! Ты мальчик или девочка?

— Разве вы не видите? — обиделся Сестренка. — Мальчик!

— Как же так: мальчик — и вдруг Сестренка?

— А мы двоюродные, — пояснил Братишка.

— Тогда понятно, — сказал служащий, хотя было ясно, что ему ничего не понятно...

Это рассказ Григория Голлендера «Прозвища».

«— Знаешь, кто я?.. В это трудно поверить в наше время... Я ведь был совсем маленьким, когда злая колдунья превратила меня в человека, чтобы отомстить мне за то, что я съел у нее весь мед.

— Врешь! — раскрыла рот девчонка.

— Весь мед, — грустно подтвердил я.

— А как же ты, — заморгала девчонка, — а как же ты... зимой?

— А что зимой... Зимой я целыми днями сплю и сосу лапу».

Это рассказ Владимира Панкова «Заколдованный».

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

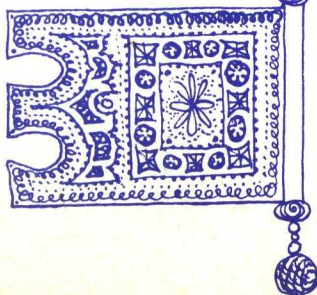
«Кораблик» отправляется в свой очередной рейс.

«Трое неизвестных» встречаются нам... с томиком рассказов Чехова в руках!

«Пионерский глобус» переносит нас в самые далекие страны и континенты.

Звучит радиопередача из космоса! Кто радирует нам? Что? Откуда?

Мы на озере Городно. Туман, тишина и тайна.

**КЛЮЧ
К НОМЕРУ**

Декабристы

Сергей АЛЕКСЕЕВ

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Рисунки В. КАТАНОВА

ОСОБАЯ ЧЕСТЬ

Как поступить с царем? — Вот вопрос, который не раз возникал у декабристов.

Большинство декабристов было за то, чтобы царя убить.

Разные были планы: убить на маневрах, убить на балу, устроить засаду возле Зимнего дворца, напасть на царя в масках среди дороги.

Года за полтора до восстания группа молодых офицеров собралась для того, чтобы бросить жребий, кому из них, если понадобится, совершить покушение на царя.

В числе офицеров был и Иван Якушкин.

— Не надо жребия, — заявил Якушкин. — Предлагаю свои услуги. Сочту за честь.

После разгрома декабристов, на следствии генерал-адъютант Левашев допытывал у Якушкина, кто был на том памятном совещании.

— Я был, — ответил Якушкин.

— Так, так, ну, а еще кто?

— Еще был Иван Якушкин.

Левашев усмехнулся.

— Так, ну, а кроме Якушкина?

— Был еще один капитан...

Левашев придвинул лист бумаги, записал «капитан».

— Ну, ну, как же его фамилия?

— Капитан Якушкин, — ответил Якушкин.

— Значит, только одного Якушкина и помните? — уже зло спросил Левашев.

— Так точно, ваше превосходительство...

Понял генерал-адъютант Левашев, что Якушкин не выдаст своих товарищей. Решил не тянуть с допросом.

— А ведь мне, милостивый государь, давно уже все известно. И кто на том злодейском собрании был и кто о чем говорил. Все, все, — повторил Левашев. — Знаю и тех, кто выступил там

в зачинщиках, знаю и о том, что на вас пал жребий убить государя.

— Вот и неправда, — резко ответил Якушкин.

— Нет, правда, — сказал Левашев.

— Неправда, ваше превосходительство, — повторил Якушкин. — Жребий вовсе не пал на меня.

Поднял глаза Левашев на Якушкина.

— Я вызвался сам нанести удар императору, — произнес Якушкин. — Счел за особую честь. Не хотел уступить никому из товарищей.

В это время дверь, ведущая в соседнюю комнату, с шумом раскрылась. На пороге стоял Николай I.

— За особую честь?! — закричал государь.

Повернулся Якушкин навстречу царю, поставил каблук к каблуку по-военному:

— Так точно, ваше величество.

«НА КОЛЕНИ!»

За день до восстания Михаил Бестужев со своей ротой находился в Зимнем дворце. Он командовал караулом, который нес охрану у царской спальни.

Неспокойно спал в ту ночь Николай. Ворочался с боку на бок. В голову лезли тревожные мысли. Николаю стало уже известно, что в России существует тайное общество.

Где-то в дворцовых залах половица чуть слышно скрипнула, не скрипнула — просто скорей вздохнула, и сразу же вздрогнул, замер, застыл Николай. В окно застучал ветер, да где застучал — просто игриво прошел по стеклам, и сразу мурашками покрылось холёное царское тело.

Но вот сомкнулись в дремоте усталые веки. И вдруг — металлический звяк, словно удар штыками. Николай встрепнулся. Повел глазами. За дверями спальни услышал шаги. «Все, — пронеслось в голове у великого князя. — Сейчас ворвутся, сейчас убьют». Закрыв он глаза. Приоткрылся.

Но нет. Все тихо опять за дверью. Николай поднялся с постели, осторожно двинулся к двери. Минуту стоял. Открыл.

— Ах, это ты, Бестужев?!

Царь узнал начальника караула.

— Так точно, ваше высочество.

— Что здесь такое?

Объясняет Бестужев: менялись, мол, на посту часовые, повернулись не очень точно, вот штык и задел за штык.

Николай облегченно вздохнул. Вернулся назад к постели.

14 декабря Михаил Бестужев со своей ротой оказался в числе восставших. Он был именно тем офицером, который вместе с братом Александром и штабс-капитаном Щепин-Ростовским первыми вывели войска на Сенатскую площадь. В числе первых он был и схвачен после поражения восстания. В числе первых прошёл допрос.

Николай I, который присутствовал на этом допросе, кричал:

— Злодей! Совершенный злодей! Да он же караулил меня перед бунтом. Признавайся — хотел убить?!

— Нет, ваше величество, не хотел.

— А на Сенатской, на Сенатской, — наседал царь, и сам же давал ответ: — Не пожалел бы. Мерзавец, только о том и думал! Все вы мерзавцы, все. На колени! — кричал Николай. — На колени!

Не стал на колени Бестужев.

— В кандалы! В Алексеевский равелин!

«ПРАВДУ СВЯТУЮ НЕГОДНИК ПИШЕТ...»

Из Петропавловской крепости от декабриста Александра Якубовича царь получил письмо.

Рад государь письму. Раз прислал Якубович письмо, значит, будет, конечно, каяться, будет просить прощения.

Глянул — письмо большое.

«Эка, сколько всего написал. Совесть, видать, пробрала. А он ничего. Он молодец. Надо его помиловать», — стал рассуждать Николай I.

Царь уже знал о том, что Александр Якубович не выполнил поручения декабристов. Именно он 14 декабря должен был захватить Зимний дворец.

Уселся царь в кресло, начал читать письмо. Пишет Якубович ему о том, что Россия — страна богатая. Не считаны богатства ее, не мерыны.

«Прав Якубович, прав, — кивает царь головой. — Правду святую негодник пишет...»

А дальше Якубович пишет о том, что страна, мол, богатая, но народ вот в России несчастен, замучен народ поборами, гнетом дворян придавлен.

Хмыкнул на это царь Николай I. Недовольно поморщился.

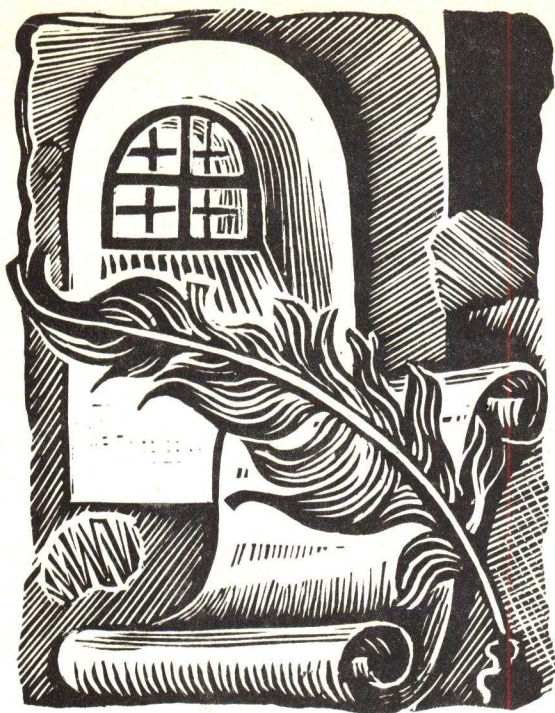
Пишет Якубович царю о русских солдатах. Мол, более геройских солдат не сыщешь на целом свете.

«Прав Якубович, прав, — соглашается царь. — Правду святую негодник пишет...»

А дальше Якубович пишет о том, что этот самый русский солдат-герой солдатской лямкой, словно удавкой, схвачен. Бесправен. Начальством бит. Трудно порой понять, человек ли вообще солдат?

Хмыкнул снова царь Николай I, на письмо покосился недобрым взглядом.

Пишет Якубович царю о законах (мол, писаны эти законы богатыми против бедных), о жизни торгового люда (и эти от разных поборов стонут), о многих других делах.

Читает царь Николай I письмо, мрачнеет от строчки к строчке.

«Не прошу, не прошу,— шепчет царь.— Пусть хоть трижды теперь покается».

Тем более хочется Николаю I, чтобы Якубович попросил у него прощения. Гадают царь, на какой странице начнет Якубович каяться, на пятой, шестой, на последней?..

Глянул царь на страницу пятую, читает: «Нет защиты утесненному».

Глянул на страницу шестую, читает: «Нет грозы и страха утеснителю».

Морщится в гневе царь. Сжал кулаки от злобы. Дочитал письмо до конца. А где же слова о прощении? Нет ни строчки о том в письме.

— Ах ты, разбойник, дрянь! — совсем не по-царски ругается царь.— Все они сволочи, все. Нет им прощения, нет им пощады.

ПРИМЕРНЫЙ СУКИН

Петропавловская крепость. Алексеевский равелин. Равелин — это крепость в крепости. В казематах холод и мрак. Каменный пол. Каменный потолок. Сырость кругом. Стены, как в бане, стоят вспотевшие. Сюда, в Алексеевский равелин, и были брошены декабристы.

Комендантом Петропавловской крепости был генерал-адъютант Сукин. Наводил на подчиненных он страх и грозным видом своим и своей фамилией.

Умом большим Сукин не отличался. Но служакой он был примерным.

— Из крепости, мне отцом-государем доверенной, муха и та не вылетит,— любил говорить генерал Сукин.— Блоха, простите, и та не выпрыгнет.

И вдруг оказалось, что на волю попало письмо, написанное в крепости «государственным преступником» декабристом Иваном Пушиным. Слух о письме проник в Зимний дворец. Стало известно о нем царю.

Поднял комендант на ноги всю охрану, молнии мечет, ведет дознание.

— Да чтобы в крепости, мне отцом-государем доверенной, такое и вдруг случилось! Государю о том известно. Кто виноват, говорите!

Молчат подчиненные.

— Да я любого из вас сгною! В кандалы вас, в Сибирь любого!

Молчат подчиненные.

И даже те, которые готовы были бы обо всем рассказать, тоже сказать ничего не могут. Нет свидетелей тому, как попало письмо на волю.

Трудно гадать, что бы предпринял примерный Сукин, да тут нашелся один из подчиненных:

— А может, вины здесь, ваше высокопревосходительство, вовсе ничьей и нет?

— Как так нет?! — поразился Сукин.

— А может, письмо из крепости ветром выдуло? — ответил охранник и тут же добавил: — Вестимо — ветром. Только это и может в доверенной отцом-государем вашему высокопревосходительству крепости быть.

Подумал Сукин. Ответ понравился.

— Опора, опора, — шептались люди. — На сукиных все и держится.

ЧУДНОЙ

Страшное место — Алексеевский равелин. Тут и здоровый недолго выдержит.

Декабрист Михаил Митьков был болен чахоткой. Стала мать Митькова обивать пороги у разных начальников, писать письма, прошения. Просит она совсем о небольшом: хотя бы передачу разрешили принять для сына.

— Он же болен у нас, поймите. Христом богом прошу о милости.

Гонят отовсюду старушку мать.

В тот же вечер комендант докладывал царю:

— Ваше величество, все проверено.

— Так, так.

— Виновных по этому делу нет. В крепости, доверенной мне вашим величеством, все в полном порядке. Письмо из крепости выдуло ветром.

Царь посмотрел удивленно на Сукина. Шутит, что ли, примерный Сукин? Однако вид у генерала вполне серьезный. Стоит аршином. Грудь колесом. Не моргнет, «ест глазами» отца-императора.

— Ладно, ступай, — произнес Николай I. Понял: ждать от Сукина больше нечего.

— Да он же дурак, — сказал царю присутствовавший при этом разговоре князь Федор Голицын.

— Дурак, но опора отечеству, — ответил Голицыну Николай I.

— Опора, вот что сказал обо мне государь, — хвастал после этого Сукин.

— Тюрьма не больница. Шел на царя — не кричал, что хворый.

И все же кто-то из добрых людей нашелся.

Наготовили дома для заключенного узел: теплое белье уложили, носки из верблюжьей шерсти, шарф из козьего пуха, поддевку из заячьих шкурок, большие крестьянские валенки. Собрали мешок съестного.

Приняла охрана для заключенного передачу. Унтер-офицер Соколов понес ее в камеру.

Стал Митьков разворачивать узел. Вот это тебе богатство: и шарф, и поддевка, и валенки.

— А вот тут еще, — уточняет унтер-офицер Соколов, — вот в этой холстине для вас харчи: и сдобный калач, и тушка утиная, и сала целых четыре фунта.

Наголодался Митьков, как и все заключенные, сидел на воде и хлебе. При виде съестного обилия закружилась у него голова. Хотел он тут же потянуться к сдобному калачу, да постеснялся охранника.

— Ешьте, ешьте,— сказал Соколов.— Другой бы вам позавидовал.

Митьков насторожился. Повернулся к тюремщику:

— Как позавидовал? Что, разве другим...

— Не полагается. Ни-ни.— Покачал головой Соколов.— Это вы уж матушке в ноги своей поклонитесь. Сие никому не позволено.

— Как не позволено?

— Строжайше,— сказал Соколов.

— Вот что, любезный.— Митьков посмотрел на еду и на вещи, отломил кусок от сдобного калача, отложил в сторону шарф, остальное придвинул к тюремщику.— Вот это тебе — раздели, как сочтешь разумным. Рылеева не забудь и Лунина. Валенки лучше б всего — Фонвизину. Поддевку из заячьих шкурок — Басаргину.

— Да что вы, Михаил Фотиевич, что вы, бог с вами! Да за такие дела...

— Как?! И этого тут нельзя?!

— Ни-ни. И думать об этом страшно.

— Любезный,— просит Митьков,— сделай такую милость. Каховского не обдели, Бестужевых...

— Нельзя,— строго сказал Соколов.

Митьков сразу как-то обмяк, осунулся. Страшный кашель сдавил его грудь.

— Нельзя! Ах, так! Нельзя!

Он хотел сказать еще что-то, но кашель мешал. Слова вырывались хрипом.

Тогда поспешно, не разбирая, где провиант, где вещи, Митьков сгреб все в один мешок, сунул туда же оставленный шарф и кусок калача, бросил мешок Соколову.

— Уноси!

— Да что вы, Михаил Фотиевич! Да как же так! Так ведь матушка, они старались...

— Уноси! — кричал Митьков.— Уноси! Слышишь?—И неожиданно скомандовал:—Кругом!

Соколов растерялся. Попятился к двери. Унес мешок.

Поступок Митькова произвел впечатление даже на самых суровых тюремщиков.

— Чудной,— говорили одни.

— Чахоточный, с придурью.

Однако нашлись и другие.

— Эка, каков молодец. Не мог такой ради дурного идти на площадь. Э-эх, не помог им тогда господь...

Правда, эти говорили негромко. Шептались из уха в ухо.

ЭТО ЕЩЕ СТРАШНЕЕ

Страшное место — Алексеевский рavelин. Но, если ты кинул в бою товарищей, если совесть твоя в огне,— это еще страшнее.

На совещании у Рылеева полковник Александр Булатов дал слово захватить Петропавловскую крепость. Подвел Булатов своих товарищей. Не явился в тот день к войскам.

И вот вместе с другими схвачен теперь Булатов.

Сидит за крепкой тюремной стеной. Сырость кругом и мрак.

Не замечает Булатов сырости. Безучастен к тому, что мрак. Холод кругом.

Не ощущает Булатов холода.

Казнит сам себя Булатов. Не может себе простить того, что предал, подвел товарищей.

Лучшие люди России — Рылеев и Пестель, братья Муравьевы, братья Бестужевы, Якушкин и Лунин, Пущин и Кюхельбекер и много, много еще других — не там, на свободе, а здесь.

Бесстрашные дети России, герои войны 1812 года — генералы Волконский, Орлов, Фонвизин, командиры полков и рот — Артамон Муравьев, Повало-Швайковский, Давыдов, Юншевский, Батенков и много-много еще других — не там, на свободе, а здесь.

Повисла петля над всеми. Близок расправы час.

Терзает себя Булатов: это он, Булатов, за все в ответе. Из-за него, по его вине на смерть и муки пойдут товарищи.

Снятся ему кошмары. Приходит к нему Рылеев, приходят к нему Каховский, Лунин, Якушкин, братья Бестужевы, Пестель, Сергей Муравьев-Апостол. Обступают они Булатова, на бывшего друга с укором смотрят.

— Простите! — кричит Булатов.

Молча стоят друзья.

Проснется Булатов, едва успокоится. На смену кошмару новый идет кошмар. В тюремной, до боли в глазах, темноте, в тюремной, до боли в ушах, тишине вдруг явно Булатов слышит:

— Предатель.

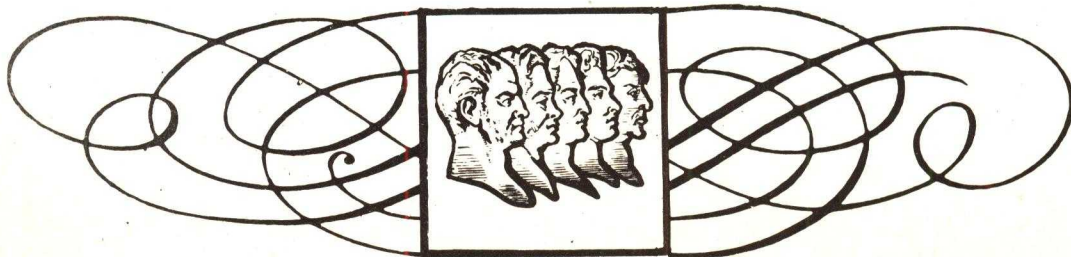
— Предатель.

— Предатель.

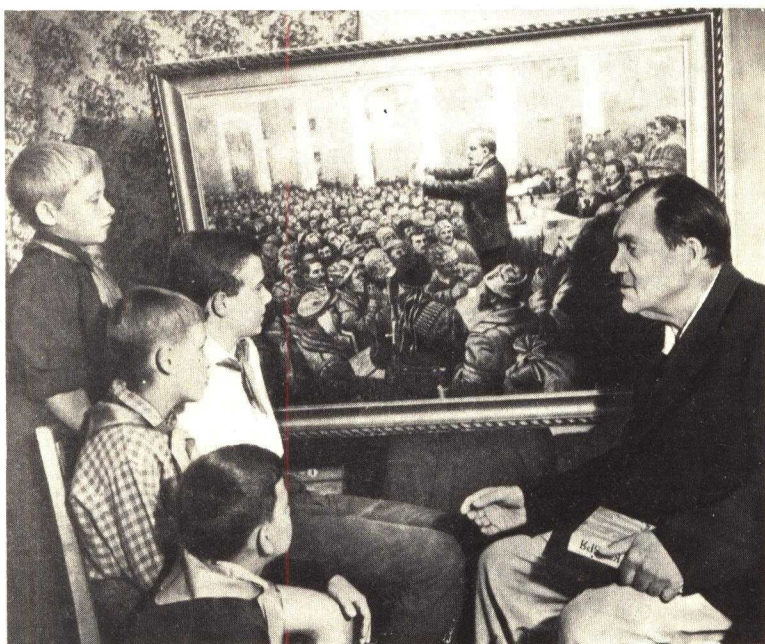
Не вынес Булатов душевных мук. Покончил с собой. Разбил о тюремные стены голову.

Страшное место — Алексеевский рavelин. Но, если совесть твоя в огне,— это еще страшнее.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ВСТРЕЧИ, КОТО- РЫХ НЕ ЗАБЫТЬ

Часто приходят ребята к старому большевику и просят Николая Васильевича рассказать, как он встречался с Лениным. Веселый, добрый, живой, словно юноша, Ерушев показывает им на своей картине человека в папаше, самого себя: «Вот как близко стоял я тогда к Ильичу, все разглядел, все запомнил».

В первом зале Центрального музея Вооруженных Сил СССР бережно хранится под стеклом солдатская папаша. Старенькая, потертая. Красной лентой перевязана.

В этой папаше промозглым осенним днем 1917 года в бурлящий революционный Петроград прибыл солдат Николай Ерушев, человек, служивший в армии уже седьмой год. Ехал он по удостоверению, в котором указывалось, будто послан Ерушев командованием военной части западного фронта в столицу «по служебной надобности». На самом деле солдата Еруше-

ва выбрали его товарищи по окопам делегатом на II Всероссийский съезд Советов и дали ему с собой важные партийные документы.

Ехал делегат, прямо скажем, без удобств: большей частью на крыше солдатского вагона-теплушки, уцепившись за трубу. Чем ближе к Петрограду, тем чаще рыскали на станциях заградительные отряды Керенского. Они якобы вылавливали «дезертиров и предателей», покидающих фронт. В действительности боялись пропустить большевиков в кипящий перед решительной схваткой Питер.

В кармане Николая Ерушева лежал поддельный документ. Но стоило кому-либо подпороть подкладку его шинели, оттуда посыпались бы десятки резолюций солдатских митингов: против империалистической войны, за справедливый мир, за передачу земли трудовому крестьянству. Опасные, грозные для богатей и помещиков речи! Не сдобровать бы «командированному», если б нашли золотопогонные ищейки у него эти резолюции.

Послушаем-ка самого Николая Васильевича; крепкий и здоровый, без единого седого волоса, он сидит рядом с нами и неторопливо вспоминает те необыкновенные дни.

— Пахло от нас дымом-порохом. Шинели — солдатские, а души под шинелями — крестьянские. Всю дорогу не спали, кипели у нас споры-разговоры о новой деревне — какой ей быть?.. Я гармонистом был неплохим. И сейчас гармонь люблю, а тогда великую службу сослужила она фронтовой агитации. Конечно, с собою ее не взял, во фронтовой землянке на сохранение друзьям оставил. Но на полустанках, где потише, а иной раз и в теплушке, где попросторней, передадут тебе ребята свой инструмент и подмигнут:

— Давай, братец, нашу, солдатскую!

Я и запевал солдатскую.

Помню, были такие куплеты:

Нам в бой идти приказано:
«За землю станьте честно!»
За землю — чья? Не сказано.
Помещичью, известно!
Нам в бой идти приказано:
«Да здравствует свобода!»
Свобода — чья? Не сказано,
А только — не народа...

Поэта Демьяна Бедного песня.

Ух, как грохотала теплушка после каждого припева! Если же где-то вблизи начинала маячить офицерская физиономия с настороженным видом, мне товарищи быстренько заказывали: «Вальс!» Так и ехали...

Перрон петроградского вокзала. Грязный, осыпанный шелухой подсолнухов. Солдатская толпа высадилась из фронтового поезда, потекла рекой, потом разбилась на ручейки-отряды. Бледный солнечный луч освещал суровые, сосредоточенные лица. Ни слова, ни лишнего движения. Двинули в Смольный, там дали нам винтовки, патроны. Вот тогда я вынул свою красную ленту и прикрепил ее к шапке не

торопясь: ведь с нею идти в первый революционный бой!

Был самый канун восстания. Большевики готовились брать Зимний дворец, выгонять оттуда ненавистное народу правительство Керенского.

Но, представьте, в ожидании боевого сигнала многие из нас, солдат, красногвардейцев и матросов, успели тогда впервые в жизни послушать Шаляпина! В Народном доме давали оперу «Борис Годунов».

Наш отряд в полной боевой готовности стоял рядом. Контролерши Народного дома незаметно пропускали нас. Без всяких билетов, конечно. То один, то другой на цыпочках проскальзывал в зал. Послушаешь минут пять великого артиста и обратно — в наши ошестиненные ряды. Какое-то торжественное делалось настроение. Федор Иванович и не подозревал даже, как он нам в тот вечер помог своим великим искусством.

Вспыхнул красный фонарь на Петропавловской крепости — сигнал! Мы бросились к месту штурма. Когда наш отряд бегом спустился на набережную, к крепости провели, уже под конвоем, бывших министров Временного правительства, нахохленных и угрюмых.

...Заночевали в Зимнем дворце. Прямо на полу. Смертельно уставшие. Я улегся возле самого царского трона, свою папаху под голову положил. А утром делегаты Всероссийского съезда через весь город протопали к Смольному. Там мы узнали, что на первом заседании Ленина не было: он руководил восстанием. Второе заседание съезда начнется в девять вечера. Ильич будет!

Народу в большом зале набилось видимо-невидимо. Мне удалось-таки пробраться вперед, к сколоченным наспех подмосткам из сосновых досок. Хотел лучше разглядеть Владимира Ильича.

Сейчас любят изображать этот съезд в торжественной такой обстановке: знамена, транспаранты, плакаты, трибуна... Ничего похожего! Скромно было, бедно. Все плавало в махорочном дыму. Света не хватало. Всего три лампы освещали стол президиума. Помню, был подсвечник из пустых патронов, чтобы вставлять свечи (сейчас этот подсвечник тоже в военном музее стоит), его мы смастерили на фронте. Огромный портрет Екатерины II простыней завесили, чтобы царица не мешала.

Но вот под грохот оаций взмошел Влади-

мир Ильич на помост. В руках у него свернутые трубкой листки с декретом.

— ...Вопрос о мире есть жгучий вопрос, большой вопрос современности...

Как все слушали, затаив дыхание! И словно электрическая искра пробежала, когда пошло голосование великого декрета.

Вскинули мы руки с винтовками. Винтовками голосовали солдаты за мир.

Я с детства был любителем рисовать, но учиться бедняку-мордвину, да еще в Сибири (семья наша из переселенцев), негде было. Самоучкой я пытался писать красками.

В тот незабвенный вечер обожгла меня мечта запечатлеть все, что вижу, на холсте. Матросов, раненых и перевязанных солдат, Ленина на помосте, листки с декретом в его руках. Серьезные лица товарищей из президиума... Так врезалось все в память.

Ночью опять никто из нас не спал. Подремлешь на делегатских нарах в полутемном длинном коридоре Смольного часок-другой, потом невольно просыпаешься от волнующих солдатских разговоров.

Не помню, вторую ли, третью ли ночь лежу, ворочаясь в духоте, слышу — рядом стон. Стонет солдат, бородатый рязанец. Ногу растер в кровь, рана довольно грязная, не дает ему покоя.

— Братцы, — обращаюсь к соседям, — у кого есть сальца кусок? Спасибо... давай, рязанец, ногу!

Запалил зажигалку, нагрел на ней кусочек сала, стал капать на рану. Слышу — притихли все вокруг... Обернулся и ахнул — рядом Ленин.

Подошел незаметно, присел на корточки, уперся руками в колени и глядит.

— Что это вы, товарищ, делаете?

Кто-то из солдат говорит:

— Тут, товарищ Ленин, сибиряк рязанца лечит.

— И как же вы лечите? — обращается он ко мне.

Я объясняю, что горячего сала на рану накапать — наипервейшее средство. Меня еще в деревенской кузне так обучили, когда я молотобойцем работал.

Ленин нахмурился.

— Но ведь здесь не деревенская кузница, а столица. Разрешите, товарищ (это он к рязанцу), взглянуть на вашу рану... Ого, как это вас угораздило? Немедленно к врачу. Да-да, немедленно. Внизу лечебный пункт. Мне как раз по пути... Идемте, идемте.

Взял прихрамывающего рязанца под руку и увел его.

Когда оба скрылись за поворотом, делегаты весело, возбужденно заговорили:

— Вот это мужик! Свой, нашенский! От солдатской портянки нос не воротит.

Пробыли мы с неделю в Питере. Охраняли Смольный, патрулировали по городу, несли революционную службу. Пора было возвращаться организованным порядком на фронт, в свои части, и я очутился с товарищами на Витебском вокзале. Стоим с вещевыми мешками за плечами, с винтовками. У каждого при себе объемистая пачка листовок с декретами о земле и мире. Ждем чего-то. Нам говорят: сейчас Ленин будет, хочет попрощаться с отъезжающими. Вздвинулись, на двери глядим.

Вдруг дверь распахивается — стремительно входит Ленин, здоровается с солдатами. И рязанца моего узнал. Сразу к нему:

— Как ваша нога, товарищ?

Тот отвечает:

— Нормально, Владимир Ильич. Я уже и забыл, какая болела, левая или правая.

Оглядел нас Ленин, увидел пачки листовок и сказал:

— Хорошо, что вас успели снабдить самым сильным, самым нужным сейчас оружием! Наши декреты должны дойти до сердца каждого солдата, рабочего, крестьянина, должны привлечь на сторону революции миллионы людей...

Он говорил, а я не мог оторвать взгляд от его блестящих глаз. Таких за всю свою жизнь ни у кого не видел. И опять захотелось мне его нарисовать. Но я снова отогнал эту мысль: впереди фронты, тяжелая борьба, еще неизвестно, кто из нас вообще уцелеет. Ленин словно читал в наших сердцах. Указал на винтовки и добавил:

— Но и это оружие не кидайте, берегите! Оно еще пригодится. Революция совершена, но еще нужно отстоять, защитить ее от всяких посягательств...

Прощался с каждым (а было нас сорок человек) по отдельности, за руку:

— Вы, фронтовые, опаленные порохом солдаты-большевики, составите основное ядро рабоче-крестьянской армии, ее костяк. Счастливого вам пути! Привет передайте товарищам!

...Вагоны тронулись. Иной раз вспомнишь тот отъезд и ленинское напутствие солдатам — сердце забьется по-молодому, будто снова чувствуешь теплую ладонь Ильича в своей руке.

В пионерском лагере под Миланом проводят лето дети итальянских рабочих. Ходят в походы, купаются, играют. Живут весело. Однако местным властям не по душе лагерь, на мачте которого развевается красный флаг.

— Здесь детей плохо воспитывают, — заявили они и под этим предлогом решили закрыть лагерь.

Однажды летним утром к воротам лагеря подкатили полицейские машины.

— Собирайтесь, да поживее! — командовал офицер ребятам. — Мы развезем вас по домам. — И направился к мачте, чтобы спустить флаг.

Но не успел он сделать двух ша-

БАРРИКАДЫ В ЛАГЕРЕ

гов, как на его пути встали пионеры: «Не пустим!»

Пока офицер уговаривал ребят разойтись, весь лагерь покрылся баррикадами — в ход пошли столы, стулья, кровати, шкафы и даже большие кухонные котлы.

— Немедленно расходитесь! — кричали полицейские.

Но в ответ пионеры пели боевую песню отцов о красном знамени — «Бандьерра rossa».

Весь день проторчали полицейские в лагере перед баррикадами, а вечером уехали, так ничего и не добившись.

На мачте по-прежнему развевался красный флаг.

Ютта Хемпель заинтересовалась шахматами, когда ей не было и двух лет. Первые партии она разыгрывала с отцом. Однако он вскоре стал проигрывать дочке. В шесть лет Ютта одержала победы над опытными шахматистами Западной Германии и даже некоторых других стран. Редкие способности девочки, ее умение предугадывать много ходов вперед вызывают нескончаемые удивление и восторг у любителей шахмат.

ЧАПАЕВ-666

В одной из школ города Пловдива можно встретить ребят с эмблемой на груди: «Чапаев-666».

— Это знак нашего клуба юных чапаевцев, — говорят ребята. — У нас девиз: «Учиться на отлично, работать на отлично, знать технику на отлично». Кто получит три отлично — три шестерки, тот имеет право на эмблему «Чапаев-666».

Над клубом шефствуют воины Болгарской народной армии. Они проводят со школьниками военные игры, занятия по стрельбе, рассказывают им о боевом пути легендарной дивизии Чапаева, объясняют устройство автомата.

ТОРТ И ОРУЖИЕ

Это было, когда на Кубе разгорелась борьба против диктатора Батисты.

В провинции Камагуэй крестьяне собрали деньги на оружие повстанцам — около семи тысяч песо. Их нужно было отвезти в горы Сьерра-Маэстро, и поручили это одной женщине и семилетнему Хуану Лопесу, сыну повстанца. Деньги спрятали в торт и коробку вручили Хуану.

Автобус петлял по горной дороге, пока на одном из поворотов его не остановил патруль. Солдаты Батисты обыскивали все машины, даже пассажирские рейсовые автобусы. Тех, у кого находили оружие, большие суммы денег, расстреливали.

Хуан крепко прижимал к груди коробку с тортом. Когда солдаты подошли к нему, он громко заплакал. Пассажиры обступили солдат и стали кричать:

— Хоть ребенка в покое оставьте!

И солдаты отступили. На коробку Хуана наклеили ярлык, как и на все чемоданы, корзины, саквояжи: «осмотрено».

После такого первого «боевого крещения» Хуан стал связным у партизан. Ему даже доверили пистолет. Настоящий пистолет, только маленький, дамский. Хуан с ним не расставался.

Когда, выполняя одно задание, он опять попал в облаву, то вытащил из кармана свой пистолет, подбросил его в руке и, приплясывая, закричал:

— У меня есть, и у меня тоже есть!

Патрульные, обыскивавшие людей, и мысли не допустили, что пистолет у Хуана настоящий: откуда ему быть у мальчишки? И не обратили на него внимания — пусть балуется игрушкой.

Много таких отважных ребят было на Кубе в дни революции.

Сейчас Хуан уже большой: он заканчивает школу.

Японские дети, живущие на островке Оу, ходят в школу... на ходулях. Дело в том, что их школа находится на соседнем острове, а когда долго нет дождей, пролив мелеет, на лодке не проплывешь и, чтобы не пропустить занятия, приходится надевать ходули. Кстати, ребята это делают с удовольствием и ловкостью цирковых артистов.

Так выглядят многие вьетнамские школы: яма, обнесенная земляным валом, а сверху соломенная крыша. Как только прозвучит сигнал воздушной тревоги, ребята через подземные коридоры спускаются еще ниже, в убежище.

ЖОЗЕФ НА СВОБОДЕ!

Жозеф шел по улице, насвистывая мелодию из последнего фильма. Вдруг его кто-то грубо схватил за локоть и больно вывернул руки назад. Жозеф попробовал вырваться, но резкая боль полоснула лицо.

Очнулся Жозеф в камере. Он лежал на холодном каменном полу. В слепое окошко под самым потолком заглядывали лучи солнца.

«Уже утро,— испуганно подумал он,— а мама и не знает, где я».

Пятнадцатилетнего португальца Жозефа Августо Сильва арестовали лишь за то, что он отказался вступить в бойскаутскую организацию.

Об этом узнали московские ребята из клуба интернациональной дружбы Дворца пионеров.

Состоялось экстренное заседание клуба. Потом члены его отправились по своим школам, рассказали ребятам об их португальском сверстнике, томящемся в застенке. Восемьсот тысяч подписей протеста против беззакония португальских властей послали москвичи в Организацию Объединенных Наций и в Международный Союз журналистов.

И вот в адрес клуба пришла радостная телеграмма: «Жозеф Августо Сильва на свободе!»

США. С протестом против войны во Вьетнаме выступили и американские дети. Двести тысяч школьников Нью-Йорка не пришли на занятия. «Наши братья во Вьетнаме. Мы хотим, чтобы они вернулись домой!» — скандировали ребята на демонстрации.

Антivoенные выступления школьников прошли в Чикаго, Детройте и других городах Америки. В забастовке протеста участвовал миллион учеников.

БОЛГАРИЯ. Ребята города Димитровграда пригласили в свой интернациональный клуб «Заграничный друг» рабочих из Франции. Гости рассказали пионерам, как дети французских шахтеров и докеров помогают своим бастующим родителям. Члены клуба попросили передать юным борцам боевой пионерский салют.

БОЛГАРИЯ. Пионеры Разградского округа посадили Аллею болгаро-русской дружбы. Восемьдесят два дерева — дубы, ели, сосны, липы — зашумели в селе Езерче, где в жестоком сражении с турками погибли восемьдесят два русских воина.

ПОЛЬША. Четырнадцатилетний школьник Мариан Шукала, живущий в Семяновицах, установил своеобразный рекорд. В день его рождения письмоносец вручил ему сто сорок восемь поздравительных открыток от польских, советских, чешских и болгарских друзей, с которыми Мариан уже несколько лет ведет переписку.

ПОЛЬША. Учрежден новый орден — орден Улыбки. Его кавалерами будут друзья детей, люди, умеющие радовать подростков. Польское телевидение и популярная варшавская газета «Курьер польски» объявили конкурс на проект нового ордена. Из сорока четырех тысяч присланных работ жюри выбрало проект Эвы Хробак, школьницы из Опольского воеводства.

ЗНАМЕНИТЫЙ ГУД

Этого озорного, веселого парнишку прозвали Гуд, что по-английски означает «хорошо». Он самый обыкновенный малийский мальчуган, не очень-то красивый. Лицо его изрыто оспой, но стоит ему улыбнуться, и вы сразу забываете о том, что он некрасив,— столько в нем жизни, искрящегося веселья.

Гуд поспевает всюду: он принесет воды старой женщине, залезет на кокосовую пальму, чтобы нарвать орехов малышам. Только что Гуд помогал продавцу перенести тяжелые ящики со склада, а вот он уже чертит на песке буквы: показывает крестьянке, как пишется ее имя.

Однажды Гуд бежал куда-то по делам (а дел, как вы могли заметить, у него много). Его остановил человек и стал расспрашивать дорогу к границе. Человек был явно не местный, и Гуд сразу же сообразил, как быть. Он показал незнакомцу самую запутанную дорогу через джунгли, а сам побежал в бригаду бдительности (такие бригады создали члены молодежной организации Мали).

Подозрительного человека поймали, он оказался шпионом. С тех пор Гуд стал знаменитым пионером у себя на родине. В этом году он блестяще сдал экзамены в колледж.

Б. МЕДОВОЙ
Т. ЯКОВЛЕВ

Окончание

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

Глава, в которой рассказывается о том, почему Иру не взяли в армию и каким образом она, испытывая отвращение к медицине, очутилась на курсах медсестер.

Вы захлопнули толстую тетрадь, в которой Ира прощается со своим дневником.

Но вот перед вами другая тетрадь. И на первой странице мы тоже читаем: «Та-гил». И дата стоит: «3 декабря», то есть сделана она через день после получения повестки.

«Получила я первого декабря повестку, вознеслась на облака от радости, переполошила всех и... осталась дома!

После получения повестки я начала готовиться к отправке. В этом мне помогали Вера, тетя Нюра и тетя Зоя. Они с ног сбились, собирая мне вещи, шили, стирали, пекли, стряпали. Второго вечером я пошла к Наде. Вечер выдался, словно по заказу. Было тепло, шел крупный снег. Я шла и улыбалась. Все во мне пело, хотелось бежать и бежать навстречу пушистому, холодному снегу. Снежинки слепили глаза, оседали на волосах, холодили щеки. У Нади завели в последний раз мои любимые пластинки: «Вот мчится тройка удалая», «Люблю», «Все, как прежде», «Серенаду» Шуберта, «Оглянись» и, конечно, «Полно, сокол, не грусти».

«Давай, Надюша, потанцуем, в последний раз», — предложила я. Танцевали до тех пор, пока не устали ноги.

На следующее утро Ира уже была на призывном пункте. Здесь, кроме Иры, оказалось много девушек-добровольцев. Это

страшно обрадовало Иру: она перестала чувствовать себя одинокой и «ненормальной». Значит, и другие девчата рвутся на фронт.

Ирина снова благополучно прошла комиссию, хоть и не без обмана. Дело в том, что близорукость Иры могла ее крепко подвести. Выручила подруга. Она подсказывала Ире, какие буквы значатся на таблице.

«Осталось самое страшное — военная комиссия. Я сильно волновалась: остальные девчата были двадцать четвертого и двадцать третьего года рождения. Только одна я двадцать пятого года.

В кабинет вошла первая девушка и вскоре вернулась сияющая. «Прошла!» — сказала она весело. Девушки заходили поодиночке и возвращались счастливые. Дошла очередь до меня. С замирающим сердцем вошла я в кабинет. Один из членов комиссии прочитал мою карту, и убийственно-спокойно заявил: «Молодая». С болью смотрела я, как красный карандаш выводил на моей карте страшное слово «освободить».

Потом кто-то сказал мне: «Можете идти домой». Ошеломленная, я вышла из кабинета.

Затем Ира стремительно вернулась в кабинет и стала горячо упрямить членов комиссии все же зачислить ее добровольцем.

«В ответ члены комиссии только улыбались. И велили подрасти. Долго не уходила я из кабинета, и только когда поняла, что уговоры и требования напрасны,

закусила губу и, опустив голову, вышла. Возле двери комнаты толпились девушки. С завистью смотрела я на них. Счастливые: они прошли комиссию! Все прошли, кроме меня и двух девушек. Но те совсем пугливые, маленькие, слабенькие. А я сильная, здоровая оставалась вместе с ними. Было тяжело, но слез не было. В груди вместе с болью росло упрямство: «Все равно уеду! Уеду!»

Не отдыхая, отправилась в горком, затем в военкомат. И все безрезультатно. Домой вернулась уставшая, разбитая, по-прежнему непокоренная. Девчата мои разошлись по домам. Туго набитый рюкзак лежал на стуле, ненужный и бесполезный.

Стоит ли говорить, как мне тяжело, с какой болью и обидой сжимается сердце. Еще много придется бороться, чтобы выйти победителем, то есть поехать на фронт.

А я буду бороться! Не отступаю от своей цели, буду добиваться своего! У меня созрел план. Только для его исполнения мне необходима подходящая партнерша. Короче говоря, я в следующий раз должна явиться на комиссию в двух лицах. План рискованный, но если мне этот трюк удастся, тогда победа будет за мною.

На всякий случай схожу в горком. Поссорюсь с Мышкиным».

«Ходила в горком ВЛКСМ, говорила с Мышкиным, снова подала заявление. Мышкин уверяет, что меня мобилизуют в этом месяце, но точно не знает когда.

Скорее бы! До тех пор я не успокоюсь, пока не сяду в вагон».

Потянулись дни и месяцы ожидания. Ира с неусыпающим упрямством продолжала добиваться отправки на фронт.

«Повестки все еще нет, и неизвестно, когда будет. В горком уже давно не ходила, потому что надоело слышать один и тот же ответ: «Ждите повестки».

Ира решила круто поменять тактику: «поставить ответственных за призыв лиц в безвыходное положение». Она знала, что медсестер отправляют на фронт немедленно. И вот, уволившись с работы, она поступает на курсы медсестер. Выпуск должен был состояться через два с половиной месяца.

Надо понять, почему после записи о решении поступить на курсы Ира написала такую фразу: «Плохи твои дела, Ирина, очень плохи».

Во-первых, ей казалось невыносимым ждать еще несколько месяцев отправки на фронт («к тому времени, поди, и война-то кончится»).

А во-вторых, Ира с детства питала непреодолимое отвращение к медицине.

Но, как пишет она, «из двух зол я выбираю меньшее», то есть это лучше, чем неопределенность.

«Дела на курсах у меня идут сравни-

тельно хорошо. По всем предметам «картошки», только по фармакологии еще не сдала. Просто задурила — предмет не нравится. И эта фармакология двухпудовым камнем лежит у меня на душе. Но вчера я немного успокоилась. Оказывается, и великие люди фармакологию учили не лучше меня. У Мамина-Сибиряка, например, учебник фармакологии лежал три дня открытым на одной странице».

«Чуть было не забыла написать о нашем уважаемом «Иван Ивановиче». «Иван Иванович» — это скелет. Мы с ним обращаемся очень вежливо и зовем его только на «вы».

«Мне пришлось командовать: «На плечо!», «К ноге!», «На руку!» Набокова никак не могла научиться этим приемам, я с ней прямо замучилась. Подаю общую команду: «На плечо! Раз, два!» Все исполняют дружно, только у Набоковой винтовка торчит, как грабли. Командую: «К ноге! Раз, два!» Едва успею сказать «два» — у нее винтовка уже брякнулась об пол.

Горло даже заболело. А военрук, возложив на меня командование, сидел да цигарку покуривал».

Ира одолевает медицинские науки, а между тем ее гложет тяжелая мысль: она еще не на фронте, она все еще «отсидывается в тылу».

«Вот сидишь тут, в тылу, и чувствуешь себя совершенно бесполезной пешкой. Ведь не жизнь это, а существование. Как это подло по отношению к фронтовикам! На фронте умирают прекрасные, умные, мужественные люди.

Не могу я мириться с такой жизнью. Не могу, да и не хочу жить так».

Ирина много размышляет о своем фронтном будущем, размышляет серьезно, повзрослому:

«Я уже не раз писала об Ульякиной. Это веселая, славная девушка, но мне не нравится в ней практичность и расчетливость. Ей страшно хочется поехать на фронт, но, когда у нас зашел разговор о партизанском отряде, Надя заявила, что в партизаны она не пойдет. «Хотя там и интересно, но зато очень опасно и трудно. Сразу тебя и повесят, нет уж, я умирать не хочу».

Она хочет попасть туда, где не опасно, хочет носить форму, получить орден, но умирать не хочет.

Мне почему-то кажется, что подобная практичность в таких делах унижительна. Если идешь на фронт, то забудь о своих интересах, отдай все, что у тебя есть, делу, за которое ты воюешь!

Жизнь перестает тогда принадлежать тебе, и спасти шкуру за счет других — это настоящая подлость. Раз стала воином, так будь им до конца и не бойся умереть за других.

А Ульякина ни за что не согласится спасти жизнь бойца за счет своей жизни. Она слишком практична и слишком заботится о себе. Я очень не люблю практичных людей. У них на первом месте расчет...»

Запись оборвана — надо было идти на ночное дежурство в больницу. А утром, вернувшись с дежурства, Ира записала:

«9 марта 1943 года

Я пришла сейчас с дежурства из больницы.

Дома Лида мне сообщила о том, что пришла повестка — явиться в военкомат. Это была та долгожданная повестка, которой я бредила эти месяцы. Сейчас она не вызвала во мне ни радости, ни огорчения.

Хочу уехать сразу же, без шума. Не хочу, чтобы меня кто-нибудь провожал. Через полчаса иду на комиссию».

И, наконец, самая последняя запись, на которой обрывается дневник:

«10 марта 1943 года

Еду! Повестка на руках. В 8 часов явиться с вещами в Первомайский клуб. Ух, наконец-то свободно вздохнула.

Еду! Я никак не могу поверить, что это правда, что я еду.

Вот и сейчас сижу за столом в своей комнате, все здесь знакомо. Здесь стоит и моя кровать, этажерка, стол, на кровати спит кошка. А завтра не будет ни комнаты, ни этажерки, ни кошки. Странно это как-то. Вдруг ничего не будет. Не будет простой девушки в черной, потертой жакетке, в белом берете...»

Глава, в которой приводится послужной список старшего сержанта Ирины Лапиной, а также некоторые официальные документы.

ПРОХОЖДЕНИЕ СЛУЖБЫ:

Эвакогоспиталь... Армейский полевой госпиталь... Согласно личному рапорту, за-

числена в разведроту танкового соединения... Приказом командования назначена в медсанбат по специальности... Согласно личному рапорту, назначена санинструктором батареи истребительного противотанкового полка... Убыла в санбат после тяжелой контузии... Вернулась на батарею...

(Из послужного списка.)

«Одна среди сотен бойцов, все время в ожидании смерти, в напряженной борьбе с врагами. Сплю на голой земле, на снегу, а то и вовсе не сплю по суткам.

Я стараюсь быть настоящим солдатом, владею автоматом, научилась наводить пушку в цель. Не раз я ползала в разведку и часами лежала под градом пуль, ни одним движением не выдавая себя. Уж, кажется, закалилась, стала суровым солдатом, а вот сегодня вдруг прорвалась вся девичья грусть».

На обратной стороне «Боевого листка» Ира написала в тот вечер четыре строчки:

Холодом вея, тихо спустилась
Южная ночь.

Что ж ты задумалась, что загрустила,
Севера дочь?..

Далеко-далеко позади осталась прежняя жизнь, давние заботы, они сейчас казались смешными и мелкими: подруги, Райка с ее религией, артель «Металлист», фармакология на курсах... Давным-давно это было и видится словно в тумане. Другие события властно вступили в Ирину жизнь...

«Признаться, здесь, на фронте, я научилась по-настоящему любить жизнь. Иногда после жаркого боя оглянешься кругом и почувствуешь буйную радость от того, что ты можешь дышать, можешь видеть это глубокое, теплое небо, можешь ходить по земле. Это чувство поймет только тот, кто сам побывал на фронте.

Конечно, жизнь — хорошая штука, спорить с этим не приходится. И умирать не хочется, особенно когда все кругом цветет».

Вот строчки, написанные Ирой в Румынии:

«...забралась в самый глухой уголок огромного сада румынского боярина, вспомнила все прошлое, прижалась к земле и вдруг почувствовала себя такой маленькой и беспомощной, оторванной от любимых людей и мест, что плакать захотелось. И небо чужое, и земля чужая, и даже эти яблони и груши чужие».

А отец Иры, Феодорит Иванович Лапин, с гордостью читал полученное с фронта письмо, подписанное командиром части, в которой служила дочь. И вот что было написано в этом письме:

«Дорогой товарищ Лапин! Поздравляем Вас с новым 1944 годом!

Ваша дочь, Ирина Лапина, живет и сражается в нашей части. За время пребывания у нас тов. Лапина показала себя исключительно дисциплинированным бойцом, бесстрашным и самоотверженным воином. В семье отважных разведчиков Ирина пользуется заслуженной славой.

Ира Лапина в марте 1943 года.

Скромная, хладнокровная в опасности, готовая в любую минуту отдать свою жизнь за товарища, юная разведчица не раз показывала пример, как надо воевать. Не один раз тов. Лапина, стоя перед лицом смерти, с честью выдерживала любые испытания, и ни разу друзья не слышали от нее жалоб.

Умная и выдержанная, она находит выход из любого трудного положения, личным примером увлекает других. Разведчики гордятся ею, любят ее и дорожат ею. Появление Ирины в землянке всегда вызывает большое оживление и радость всех бойцов. Она находит общий язык с каждым, всегда поможет в горе, разделит радость...

Командир части капитан Громов и замполит Перов».

В Тагил же прислали номер армейской газеты «Вперед», где под заголовком «Боевая подруга» была напечатана следующая заметка:

«Санинструктор Ира Лапина пришла в наше подразделение перед последними боями и сразу же проявила бесстрашие и смелость. Она все время находится среди бойцов и, несмотря на сильный огонь, рискуя собой, оказывает раненым первую медицинскую помощь. Ира вынесла с поля боя десять раненых.

Комсомолка Лапина помогала доставлять на огневую позицию горячую пищу и чай, организовала просушку обуви, по собственной инициативе она окрасила мелом орудия и автомашины.

«Ира — наша боевая подруга», — с любовью отзываются о ней наши артиллеристы.

За отличную работу и смелость отваж-

ная комсомолка награждена медалью «За отвагу».

А. Крашенников».

А в письме Иры своим родным есть такие слова:

«Живу я хорошо. Плохо я никогда не живу, и опасно и трудно, но не плохо».

Про свои «бытовые условия» Ира пишет:

«Прodelав метров семь на животе, я попадаю в свой «медицинский переулок», а оттуда и в окопчик.

Тебя, конечно, интересует «обстановка» моей «квартиры». Особенного комфорта нет, но фронтового уюта не лишена. Представляет она из себя длинную узкую щель в стене. Потолок (большая роскошь!) деревянный. Пол окопчика устлан соломой и служит прекрасной кроватью. В головах рядом с автоматом — санитарная сумка (она и подушка). В стене сделано углубление, где лежат следующие вещи: полотенце, мыло, брошюрки, план комсомольской работы, запасный диск, пара ручных гранат и фляга с водой. Шинель завершает прочную обстановку моей скромной квартиры.

Если встанешь на колени, непременно стукнешься затылком о потолок, если ляжешь на спину, плечи коснутся стен. Перед входом на бруствере лежат противотанковые и ручные гранаты. Впрочем, хозяйка этой квартиры редко бывает дома».

Во фронтовых записках Ирины, в ее письмах к родным и друзьям есть и оптимизм, и юмор, и доброе расположение к тем, кто рядом с нею, к однополчанам.

«Подойдешь к бойцу, скажешь ему ласковое слово или просто руку на плечо положишь, и сразу теплеют глаза солдата. «Ты для нас, Ирочка, и мать и товарищ», — говорят бойцы. А какой радостью вспыхивает лицо раненого, когда я подползаю к нему! «Словно жизнь с тобой приходит», — сказал мне раненый наводчик».

Или вот еще запись.

«Когда мы идем в бой, — говорят бойцы, мы ничего не боимся. Знаем: ранит нас — Ирочка наша будет сразу рядом. И перевяжет, и приласкает, еще и улыбнется».

У меня сейчас нет личной жизни. Вся жизнь принадлежит этим суровым и смелым в бою, веселым и заботливым на отдыхе ребятам».

«...Да и вообще кинуть мне не приходится. Нужно поддерживать настроение среди бойцов. Бывает на душе тяжело, а виду не подаешь. Будто тебе все трын-трава».

Как и любого фронтовика, думы о родных, о доме не оставляли Иру. И вдруг строчка прорвется:

«Скучаю я об Урале. Как у нас там?»

А ночной бой Ира описывает лаконично и сурово:

«Помню один ночной бой.

Двигались на батарею немецкие танки. Оглушительный грохот стоял вокруг. Казалось, что земля дрожит под ногами. Пятый раз шли в атаку «тигры», пятый раз батарея выдерживала натиск. Устали бойцы, четвертые сутки проводили, не смыкая глаз. Устали так, что едва не падали с ног. Забрызганная кровью с ног до головы, металась я от пушки к пушке. Мне казалось, что никогда эта ночь не кончится, было трудно дышать от дыма. Падая, один товарищ зацепил меня и всей тяжестью тела придавил к земле. Я ударилась о разбитый автомат головой и минут десять не могла подняться. И почему-то в этот момент я вспомнила нашу комнату, этажерку и трех зайцев, которых мне подарил папа. И мысль о том, что никогда не увижу эту тихую комнату, показалась мне страшной. Я собрала все силы и освободилась от мертвого тела.

Мы отбили атаку. Не помню, как заснула я, обняв станину пушки рукой. И снились мне зайчики на этажерке. Они постепенно росли, росли, и, когда я протянула руку, чтобы взять их, они вдруг превратились в «тигров» и, рыча, поползли на меня.

Открыв глаза, я с трудом поняла, где я. Меня тряс за плечо наводчик Рдюшин. Зайчиков не было, а «тигры» и в самом деле ползли в атаку. И снова бой, и снова кровь товарищей».

Думы о родных, о далеком доме, непрестанные думы фронтовика о победе и возвращении домой. Ира хорошо подмечала, в чем это выражалось. У нее есть немало зарисовок на эту тему. Вот одна из них:

«...Разговор начался с того, что один старший лейтенант нашел железнодорожный свисток и, войдя в блиндаж, свистнув, объявил: «Граждане пассажиры, поезд «Кировоград — Москва» готовится к отправке. Посадка производится с главных ворот, поезд стоит на третьем пути». И сразу же на него со всех сторон посыпались вопросы: когда пойдет поезд на Новосибирск, на Владивосток, на Саратов, на Свердловск, на Тагил и т. д.

Стали вспоминать, через какие города каждый должен ехать домой, вынули карты и совершенно серьезно принялись спорить, как быстрее и короче проехать домой. Завязался крупный спор, каждый доказывал свою правоту с таким жаром, словно он уже получил разрешение ехать домой и имеет на руках билет. Один кричит: «Да ты сообрази, Петька, что по этой дороге ты попадешь в свою Коломну ровно через месяц. А вот если бы ты поехал здесь...» и т. д. Другой лезет из кожи вон, доказывая: «Ты брось, Васенька, если я поеду здесь, то у меня не будет пересадок». «Черт с тобой, поезжай здесь, но ты будешь ослом».

Потом все понемногу замолкли, и каж-

дый занялся своим вещевым мешком. Одним словом, у всех появилось чемоданное настроение. Перебирали вещи, укладывали, словно и впрямь собирались в дорогу. И делали это мы как-то непроизвольно. А когда опомнились, то не выдержали и хохотали больше часа. Потом бросили вещи и решили «еще повоевать». Но настроение у всех было лирическое, и мы долго пели, сидя в блиндаже дружной, тесной семьей. Здесь особенно искренне звучала «Землянка», так как немцы были почти в четырех шагах и с минуты на минуту можно было ожидать атаки «тигров».

Глава, в которой рассказывается об Ирином девятнадцатилетии, об одном из приключений в разведке, ее обещании не играть на нервах комбата и о горьких стихах, навеянных гибелью друзей.

И вот исполнилось Ирине Лапиной девятнадцать лет. Фронтная обстановка не очень-то приспособлена для празднования дней рождения. Ира, собственно, никому

и не сказала о своем празднике. Воспользовавшись затишьем, она совершила накануне — 30 апреля — лирическую прогулку. Решила остаться наедине, поразмышлять о своих делах, «подвести некоторые итоги».

О том, как завершилась эта прогулка, вы узнаете из записей Иры:

«Пришлось побывать мне «в гостях» у немцев. Случайно забрела да думала, что там и останусь. Уж очень большое гостеприимство проявили они ко мне. И сейчас в ушах звенят их ожесточенные крики. По счастью, балка была близко, добралась я до нее и тут только облегченно вздохнула. Ну, думаю, дорогая Ирина Феодоровна, на этот раз вы опять воскресли. Не теряйте-ка зря времени да тикайте поскорее к своим, пока вас гады с девятнадцатилетием не поздравили. А то как раз влепят.

Ну и ползла на пузе, как пресмыкающееся, полтора километра. В часть явилась «без боевых потерь», если не считать занозы в пальце. Но ведь это не смертельно, хотя и больно. Комбат для формы поругал меня, ну а я обещала ему «не лезть в пекло поперед батьки», тоже, конечно, больше для формы.

Пришлось мне услышать, кажется, в двадцатый раз, что не сносить головы на плечах, что я абсолютно не думаю о себе и своих родных, «которые, по-видимому, очень любят свою «сорвиголову».

Узнала я из слов комбата, что я еще очень молода, что впереди у меня вся жизнь, что я вечно лезу на рожон и т. д. и т. п.

Покаялась я во всем со смиренным видом грешницы и тут же попросила разрешения отправиться вечером в разведку. На что наш бедный комбат ответил чем-то похожим на стон: «Неисправимая!» И, заметив на моем лице решительное выражение, добавил: «Не играйте, пожалуйста, на моих нервах». На что услышал примирительный ответ: «Отпустите в разведку, тогда не буду играть».

Но комбат у меня тоже упрямый, не отпустил в разведку. Ну тут я с досады устроила для ребят баню. Воды нагрела в бочке из-под бензина, а мылись в немецких касках (благо у них головы большие, хоть и пустые). Мылись, правда, с небольшим антрактом (была бомбежка), но помылись на славу. После бани собрались на полянке и поговорили по душам. Русские заметили, что после бани неплохо бы чайку выпить, украинцы поправили, что лучше чая узвар из груш и яблок, а киргиз Адыгейцев выразил скромное желание «мал-мал» выпить кумысу. Кончилось дело тем, что приполз наш повар и принес нам термос замечательной каши с бараниной. Чай греть было уже нельзя. Был вечер. Напились мы холодной румынской воды, которая, впрочем, ничем не отличается от нашей.

И в очередной поиск разведчики отправились в хорошем настроении. Никто не предполагал, чем обернется вылазка. Немцы обнаружили группу, едва она вышла к распадку. И с этого момента огневой смерч методично стал выкашивать разведчиков одного за другим. Ирина припала к мерзлой глине и замерла. Нельзя было даже пошевелиться. Прошел час, прошел другой. Залегенело тело. Но немцы не успокаивались, и приходилось лежать неподвижно. Боец, распластавшийся на земле рядом с Ирой, вдруг хрипло кашлянул и умолк. Из его раны на шее хлестала кровь. Телогрейка и гимнастерка Иры пропитались насквозь. И невозможно было подняться, нельзя было пошевелить онемевшими руками и ногами — иначе смерть.

Так шел час за часом.

О чем тогда думала Ира, лежа на мерзлой, окровавленной глине под убийственным обстрелом, вдали от родного дома, в этот рассветный час?

О многом. Почему-то вспомнилась с удивительной отчетливостью тетрадь стихов, которую она когда-то завела в Тагиле. Тетрадь, на которой нарисовала озеро, парусники, ветряные мельницы, баобаб и лучистую звезду над ними. Там на одной из страниц записала Ира свое стихотворение «Будущему сыну». И сейчас строчка за строчкой звучало это стихотворение, словно кто-то неведомый медленно читал его:

Слышишь, ветер тихо шепчет
За твоим окном.
Спи, сыночек мой любимый,
Крепким сладким сном.
Спи, усни, а я, мой детка,
Песенку спою:
Маму в дальнюю разведку
Вызвали твою.
Надо путь в тайге прорезать.
Снег да снег кругом,
А вдали стоит стеною
Черный бурелом...

Разведка, разведка... Там разведка и здесь разведка. Думала стать геологом-разведчиком. Стала боевым разведчиком.

Ирине с несколькими бойцами удалось в конце концов выбраться из проклятого распадка. Она вернулась в часть невредимая, но подавленная, как никогда. Почти все товарищи погибли.

«Временами мне кажется, что никогда не исчезнет из сердца боль от потери друзей.

Это — самое страшное из всего, что только может быть.

Но мы не падаем духом. Мы крепко держимся, и песня всегда бывает с нами. Не слезами, а мстью отвечаем мы на гибель друзей.

СМЕРТЬ ДРУГА

Среди орудийного шквала,
Рыданья скрывая в груди,
Я другу могилу копала
Саперной лопатой в степи».

Глава, содержание которой можно определить фразой из письма Иры: «Плохо я никогда не живу. И опасно и трудно, но не плохо».

Как-то однажды, в минуты передышки, Ира написала шутовское стихотворение «С того света»:

Если буду в одном из боев
Я убита осколком гранаты,
Не печальтесь тогда обо мне,
Не грустите напрасно, ребята.

Все равно я вернусь назад:
На том свете мне не ужиться.
В старых книгах ведь что говорят:
Там, мол, грешники будут вариться!

В рай, конечно, не пустят меня:
Там нужны только скромные души,
Да и, право, совсем не по мне
Петь псалмы и архангелов слушать.

Попаду я прямехонько в ад.
Постараюсь на черта свалиться.
Но и ад мне будет не рад —
Черт с досады начнет молиться.

Всех чертей я схвачу за хвост
Да покрепче ударю прикладом.
Всех их выброшу на мороз
Вместе с ветхим, ненужным адом.

Испугаются страшно они,
Заскулят, запищат чертенята
И дадут мне живой воды,
Чтобы только ушла обратно.

Обольюсь я живой водой,
И на землю начну спускаться,
И вернусь к вам, ребята, в строй,
Чтобы снова с врагом сражаться.

Во время одного из боев взрывом снаряда Иру Лапину бросило о землю. Когда бойцы принесли ее на плащ-палатке в медсанбат, казалось, Ирина обречена. Ее хотели эвакуировать в госпиталь. Но бойцы с таким ожесточенным отчаянием просили не отправлять любимого человека из части, что в медсанбате сдались. Несколько дней Ира не приходила в сознание. А когда очнулась, то выяснилась страшная истина: Ира утратила слух и способность говорить. Глухонемота!

Она лежала на спине. В глазах ее бушевал сухой, напряженный огонь. Несчастье

было так велико, что Ира твердо решила: чем жить инвалидом, лучше не жить совсем. «Покончу с собой без всяких слов!»

Больше месяца пробыла Ира в медсанбате, глядя отрешенным взглядом в потолок. Постепенно вернулся к ней слух, а потом и речь. В этот месяц Ира поседела.

Чего-чего только не передумала Ирина в трагический месяц, проведенный в безмолвии! Ей вспоминались картины милого детства:

«Сейчас я вспомнила свое детство. Какое оно хорошее, светлое и какое далекое! Вернуть бы сейчас все, что прошло, снова стать маленькой, бойкой и неугомонной Ирочкой, какой я была в детстве. Смотреть на жизнь широко открытыми, изучающими глазами, бегать босой по лужам, стряпать из грязи пирожки и слушать песенку о сером козлике.

Мне вспоминается наш старый дом, зеленый двор и густой малинник в огороде. Все это встает в памяти далеким сказочно-прекрасным сном. И становится радостно, но немного грустно оттого, что детство не вернется. И знакомая улица, и родной дом, и малинник — все это отошло назад.

Я очень любила забраться вечером к маме на колени, устроиться поудобнее и слушать, как мама разговаривает с соседкой Елизаветой Петровной.

«Ирочка, ты спишь?» — спросит мама. Я только сильнее глаза зажмурю и даже дышать перестану. Мама осторожно донесет до кровати и тихонько положит. А мне этого и надо. Вскочу на ноги, обниму маму за шею и смеюсь от радости, что хитрость моя удалась. И мама со мной вместе смеется.

Маму я любила какой-то особенной, нежной и безграничной любовью. Так можно любить только одну маму. Такую

любовь нельзя выразить словами, и только мама может понять и оценить ее.

Я любила прятать на груди мамы голову, слушать ее тихий, спокойный голос, ее милый смех, гладить ее седые волосы.

Все самое теплое, самое светлое в моем детстве связано с мамочкой.

Она была на редкость добрая, любящая, отзывчивая и самая прекрасная из мам. С ней можно было всем поделиться, обо всем рассказать. Мама не спала ночи, только чтобы сделать нам что-нибудь приятное. Она умела помочь в горе, успокоить. Вот сейчас бы обнять ее, прижаться к ней и заплакать, как в детстве».

Ирина вернулась из медсанбата на батарею. Встретили Иру восторженно. Казалось, перед ними была все та же Иринка, жизнерадостная, энергичная, бесстрашная. Мало кто догадывался, что контузия тяжело отразилась на ней и порою ей приходится ожесточенно умирять свои нервы. Порой накатывала тоска.

Но в письмах родным она представлялась прежней, веселой Ирой:

«Настроение у меня хорошее. Обо мне особенно не беспокойтесь. Немцы пока еще не приготовили для меня пули. В последних боях возле меня убило и ранило пять человек, меня же даже не царапнуло. Как я вам уже писала, я сейчас санинструктор. Когда люди выходят из строя, я подаю снаряды и помогаю возле пушки.

Здоровье у меня отличное. На фронте я основательно закалилась. Однажды, перебегая через реку, я провалилась по пояс в воду и после этого часа два ползала по снегу, собирая и перевязывая раненых. Холода совершенно не чувствовала, тем более, что сверху поддал жару «мессершмитт». Сплю я зачастую или прямо на земле, или же в окопах. Иногда по целым неделям мы не видим воды и вместо

нее едим снег. О существовании своих желез (по поводу которых очень беспокоится Верочка) я совершенно забыла.

Страшно хочется повидаться с вами, мои родные».

Или другое письмо:

«Занесла меня война туда, куда я и не думала попасть».

Помню, кажется, в седьмом классе, вызвали меня на уроке географии к доске, и пришлось мне перечислять горы некоторых государств. Все перечислила, а как дошла до Румынии — ну, убей, не помню, что за горы там.

Думала, думала, наконец подсказали: «Карпаты». Получила тройку, а когда шла от доски, подумала со злостью: «На черта мне эта Румыния, все равно в Карпатах не бывать».

А вот и пришлось побывать здесь. Теперь уж всю жизнь не забуду, какие горы в Румынии.

И вообще я за эту войну замечательно ознакомилась с географией многих мест. Особенно Украины.

На войне, брат, извозчиков нет, география нужна крепко. Тут на дядю не будешь надеяться».

«Сегодня ночуем в барском доме. Обстановка роскошная, зеркала, разные столики, плюшевая мебель. Хозяин убежал. И вот теперь хозяйничаем мы. В саду фонтан и много беседок.

Румынский король, как вам известно, убежал. А Румынией правит Антонеску. Сын короля Михай (ему двадцать лет) пока в Румынии, но и он долго не пробудет.

Ваша Ира.

Крепко, крепко целую».

Пока почта доставляла Ирино письмо на Урал, наши войска, преодолевая третью полосу вражеской обороны, выходили к крупнейшим жизненным центрам Румынии. Где-то в катящейся лавине танков и автомашин с мотопехотой мчался и дивизион Ирины Лапиной. Улучив минуту, она бралась за карандаш, спешила выговориться, поделиться с родными тем, что увидела и услышала, заодно ответить на тревожные письма сестер, успокоить их:

«Умирать не собираюсь и проживу еще более полсотни лет. И вообще какой дурак будет сейчас умирать, когда дел по горло. Когда надо и раненых перевязать, и в тыл их отправить, и снаряды подать, и подворотнички пришить, и газеты друзьям почтить. Одним словом, и так времени не хватает, а тут умирать! Даже смешно и говорить об этом.

Чудаки вы все-таки, честное слово! Разве можно умирать, когда война? Да еще на чужой территории. Разве русский человек согласится, чтобы его похоронили где-то в Карпатах? Ни за что! Сюда и ветер-то

с Урала не долетит, и цветов наших нет. Тут, пожалуй, в могиле с ума сойдешь, тоскуя по Родине, и, чего доброго, с тоски поседеешь.

Так вот, Надюша, и передай привет Верушке, пусть в панику не ударяется, ничего со мной не случится до самой смерти. Запомните эту истину».

«Напишите, как учится Верочка. Сегодня я сделала перевод на ее имя. Пусть эти деньги пойдут ей на учение.

Очень прошу вас, как бы ни было трудно, не отрывайте Верушку от учебы. Пусть она учится и заканчивает образование. Я, чем могу, буду помогать. Скоплю денег, вышлю еще. Здесь мне они совершенно не нужны.

А у вас с деньгами, конечно, туговато?»

И снова вперед. Войска Второго украинского фронта, куда входил и полк противотанковой артиллерии, где служила старший сержант Ирина Лапина, в те дни прорвали, как гласила оперативная сводка, «сильную, глубоко эшелонированную оборону противника северо-западнее города Яссы». Ира писала домой:

«13 сентября 1944 года.

Здравствуйте, дорогие мои папа, Мила и Верушка! Ну вот, мои родные, и наш фронт двинулся в наступление, долго стояли мы под Яссами, но пришел день, когда земля задрожала от наших орудийных выстрелов. Два часа длилась артподготовка. Из-за порохового дыма и пыли не было видно солнца. Фашисты дрожали, и мы радовались. Мне не забыть возбужденных лиц бойцов и офицеров. Враг огрызнулся. Я стрелой летала на своей санитарной машине и перевозила раненых. Через два часа мы двинулись вперед.

Остались позади Бырлад, Текуг, Бухарест и Плоешти. Раньше румыны были врагами, и сейчас рядом с нашими частями двигаются вооруженные части румын. Много я увидела за это время. Сейчас мы прошли почти всю Румынию и вышли в Трансильванию. Здесь все села в садах. Такого множества фруктов я еще не видела. Громадные яблоки, груши, сливы, виноград, абрикосы. Да разве все перечислишь?

Нас встречают с цветами, с фруктами. Ночевать часто приходится в садах и виноградниках. К фруктам так привыкли, что не обращали на них внимания. А ребята у меня замечательные. Не все, конечно, сейчас живы, но те, что живы, долго будут помнить Румынию и прорыв под Яссами.

Я вам писала, что работаю старшиной санчасти. Во время прорыва был убит санитар Миша Балувев, мой хороший друг. Я заменила его на батарею. Сейчас я опять на батарею. Мои хлопцы гордятся своей «партизанкой». Здоровье неплохое.

Правда, нервы пошаливают не на шутку. Да это не страшно.

Родные, ведь я уже седая. Не совсем, конечно, но много седых волос. В этом отношении я обгоню мамочку.

Настроение отличное. По-прежнему бодр и жизнерадостна. Ну, а пока крепко целую.

Ваша седенькая Ира.

Приеду — многое расскажу. Писать некогда, надо гнать врага.

Старший сержант Лапина.

Р. С.

Верочка! Я знаю, трудно тебе сейчас учиться, но убедительно прошу тебя, не бросай техникум. Будь упрямой, добейся своего и закончи учебу. Как здоровье наших дорогих тетюшек?

Берегите их и папу. Я не писала вам о своей контузии. А ведь я больше месяца пролежала в медсанбате. Не слышала и не говорила. Сейчас все прошло. И я опять стала человеком. Привет от моих друзей. Следующее письмо пришло из Венгрии».

Письмо Иры из Трансильвании, которое вы сейчас прочли, датировано 13 сентября 1944 года. Ира не написала из Венгрии.

С 16 по 24 сентября 1944 года шли тяжелые бои.

Немецкие дивизии с танками и самоходными орудиями тщетно пытались пробиться к переправам, вырваться из котла. Военные историки назовут потом сентябрьское сражение в горах Трансильванских Альп одним из самых упорных и ожесточенных, а всю операцию советских войск — одной из самых крупных и выдающихся по стратегическому значению в Великой Отечественной войне.

Противотанковая батарея, где неотлучно находилась в те дни и ночи Ирина Лапина, стояла на главном направлении, куда устремились вражеские бронированные машины.

В конце месяца почтальон доставил в Нижний Тагил, на Первомайскую улицу, в дом № 8, письмо, написанное незнакомой рукой.

«22 сентября 1944 года.

Здравствуй, Феодорит Иванович! Пишет Вам воин Красной Армии, защищающий социалистическую Родину от ненавистного врага, комсорт части.

Феодорит Иванович! В нашей части служит Ваша дочь, Ирина, которая показала себя дисциплинированным, мужественным санинструктором, не жалеющим своих сил и самой жизни для разгрома немецко-фашистских извергов, достойной защитницей нашей Родины, до конца преданной делу партии...

Феодорит Иванович! Два часа назад мы понесли тяжелую утрату... Вашу дочь Ирочку сразили вражьи осколки в Трансильвании, в четырех километрах от села Луна. Ваша дочь Ирочка погибла вместе с нашими боевыми друзьями. В этих боях участвовал и я лично. Похоронена она хорошо, как честный воин, защищающий нашу социалистическую Родину. Пока, дорогие.

Знаю, тяжелое для вас это письмо. Но что же делать, сообщить нужно.

Надеюсь, дорогие, что мы отомстим за своего боевого друга Ирочку.

Пока! Мы идем вперед!

Незнакомый Вам Митя.

Полевая почта 44022».

Ирина Лапина...

Бродят по тайге и пустыне, по тундре и горам геологи. И нет среди них той, кто больше всего на свете хотел стать геологом-разведчиком.

Встают зори и опускаются ночи над Трансильванией. Месяц за месяцем. Год за годом...

Здесь лежит в земле русская девушка. Вечная ей память, сероглазой девчонке из Нижнего Тагила!

★

НА ТОМ СТОЮ И НЕ МОГУ ИНАЧЕ...

В городе Атланта, столице штата Джорджия, живет почти пол-миллиона человек, и каждый третий — негр. Телефонов там больше, чем людей, по улицам мчатся современные машины. И вот по этому городу 9 апреля 1968 года шли похоронные дроги, запряженные мулами. Медленно передвигались животные чуть-чуть пониже лошади, чуть-чуть повыше осла. Казалось, будто снимается фильм о старой Америке.

А это хоронили Мартина Лютера Кинга.

Он был негром, он не занимал высоких государственных постов, но в стране были приспущены государственные флаги, закрыты театры и кино, по телевизору не показывали спортивных состязаний: был объявлен национальный траур. У могилы убитого собрались члены правительства, кандидаты в президенты. Никогда еще в истории Америки смерть частного гражданина не отмечалась так необычно.

Кинг родился в 1928 году, свое имя он получил в честь великого немца Мартина Лютера, монаха, который в XVI веке бросил вызов церкви. «Отрекись!» — кричали ему, грозили пытками, смертью на костре. А он ответил: «На том стою и не могу иначе».

Это имя Мартин Лютер Кинг носил с честью.

Для того, чтобы учиться в школе и колледже, мальчик работал: продавал газеты, как только смог поднять кипу, в тринадцать лет уже помогал начальнику газетной экспедиции, во время студенческих каникул работал на почте, на железной дороге, на матрасной фабрике, на табачной плантации. Стал священником, как его дед, как его отец. Поступил учиться в богословную семинарию, был блестящим студентом, первым негром — председателем класса.

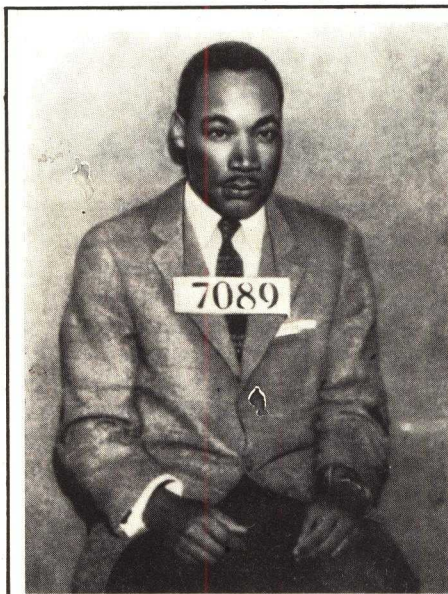
Негритянская церковь на Юге (в Атланта — шестьсот сорок церквей) — единственное место, где негр мог чувствовать себя в безопасности, человеком.

В городе Монтгомери, где Кинг начал работать священником, как и повсюду на Юге США, негры могли жить только в особых домах — отдельно от белых, есть в особых закусочных, учиться в особых школах, молиться в особых церквях, сидеть в автобусах на особых местах.

Это называется сегрегацией.

Мир делился стеной и вовсе не поровну, не по-братски: неграм предоставлялось не только отдельное, но и худшее.

Однажды работница швейной фабрики в Монтгомери, негритянка Роза Паркс, усталая возвращалась домой с работы. На задней половине автобуса (где больше трясет) все места были заняты. И она села на недозволенное место, на белой половине. Кондуктор предложил ей встать, она отказалась. Тогда ее вывели из автобуса силой, полицейские арестовали ее. Какое дело священнику до этой истории? Но Мартин Лютер Кинг всерьез принимал евангельские слова: «Вера без дел мертва есть». И он призвал негров Монтгомери к сопротивлению. На следующий день негры на работу пошли пешком — был объявлен бойкот автобусам. Бойкот продолжался триста восемьдесят один день и увенчался успехом. Сегрегация в авто-

Бойкот автобусов суд признал преступлением против закона — Кинга арестовали.

бусах Монтгомери была отменена. Имя двадцатилетнего священника, возглавившего ненасильственное сопротивление, приобрело известность. Когда говорят «ненасилие, непротивление злу», часто это понимают так: идет драка, а ты не вмешивайся, отойди в сторону, не пачкай руки. Идет война, а ты не участвуй, укройся, стань над схваткой. Оставайся добрым, чистым, а зло пусть себе торжествует.

Кинг понимал это иначе: негры не должны больше терпеть. Негры должны сражаться против угнетателей. «Мы, не колеблясь, называем свое движение армией. Но это армия, вооруженная только искренностью, у которой нет другого мундира, кроме решимости, нет другого арсенала, кроме веры, нет других материальных средств, кроме совести...»

Проповедник гражданского неповиновения становился все опаснее правителям Америки. Опасного человека там прежде всего пробуют купить. Оказалось, что купить Кинга невозможно.

Значит, надо его оклеветать и запугать. По смехотворному обвинению его сажают в тюрьму (всего он сидел в тюрьмах двенадцать раз). Сейчас, после убийства, о нем говорят и пишут только хорошее. Но еще

несколько лет тому назад глава полиции Эдгар Гувер назвал Кинга «самым бессовестным лжецом», а бывший президент Трумэн сказал, что Кинг — «зачинщик бунтов черни».

И его враги вовсе не ограничивались словами. Бросали бомбы в дом его брата, в гостиницу, где должен был остановиться Кинг, в его собственный дом, где в это время была Коретта Кинг с маленьким ребенком. В 1958 году, когда он давал автографы, в грудь ему вонзился нож. Рана прошла в нескольких миллиметрах от аорты, но тогда он выжил. В речи после убийства президента Кеннеди в 1963 году Кинг говорил: «Негры знают, что такое политическое убийство. Для людей, сражающихся за гражданские права, ночную тишину слишком часто нарушал свист пули из-за кустов или взрыв бомбы».

Кинг возглавил массовые выступления негров — в Монтгомери и в Атланте, в Бирмингеме и в Сельме. Он говорил в церквях, по радио, по телевидению, печатался в газетах, шел впереди демонстрантов.

В движение вступали не только взрослые, но и дети. Двенадцатилетний мальчик, которому отец запретил идти на демонстрацию, ответил: «Я ведь пойду не только потому, что я сам хочу быть свободным. Я пойду и потому, что я хочу, чтобы ты и мама стали свободны и чтобы это произошло, пока вы еще живы».

Кинг стал популярен у молодежи. В 1960 году в городе Гринсборо четыре студента-негра вошли в закусочную, где обслуживали только белых. Они вежливо попросили по чашке кофе, им, разумеется, не подали, но они не ушли, а разложили на столиках учебники и стали готовиться к экзаменам, просидев до закрытия. На следующий день в ту же закусочную пришли двадцать четыре человека. Так начались сидячие забастовки протеста против дискриминации, охватившие много городов Юга.

В 1964 году тысяча молодых американцев, черных и белых, отправилась в штат Миссисипи, самый расистский штат Юга, организовывать школы Свободы, чтобы подготовить негров для участия в выборах. В самом начале похода трое юношей (двое белых и один негр) были убиты, но рыцари свободы не отступили и не изменили своим принципам. Одно из обязательных правил для участников похода было —

Мартин Лютер и Коретта в день свадьбы. Коретта не знала тогда всего, что ей предстоит: что в дом ее бросят бомбу и она с трехмесячной дочкой чудом спасется, но не оставит мужа; она не знала, что на него будет совершено нападение, что ей предстоит самое тяжелое — потеря любимого. Она не знала тогда, что сумеет пережить и это и найдет в себе силы заменить Кинга в борьбе за освобождение негритянского народа. Пока же она просто счастлива...

держат руки за спиной, чтобы и соблазна не возникло ударить. Оголенные расисты нападали на ребят, били их, бросали в тюрьмы, судили. А они продолжали свое дело. Кинг мог гордиться своими духовными детьми — они с честью выдержали испытание.

Была ли у Кинга возможность прожить жизнь по-иному? Конечно, была. Он родился в состоятельной семье, у него был хороший дом. Он женился на одаренной певице Коретте Скотт, у них было четверо детей. Издавалась книга за книгой, он становился все популярнее, он добился того, что выше всего ценится в Америке, — успеха. В 1964 году он удостоился высочайшей награды — Нобелевской премии мира (все деньги он пожертвовал в фонд защиты гражданских прав). В Стокгольме его чествовали писатели, ученые и король Швеции.

Расистская Америка не хочет дать заслуженных прав неграм, но умные и хитрые политики понимают, что сегодня нельзя не бросить хоть какие-то подачки: один негр — сенатор, один негр — посол, один негр — мэр города, один негр — член Верховного суда... Вот Кинг вполне мог попасть в число этих немногих избранных. Мог, но не хотел.

Недаром его убили в Мемфисе, куда он приехал потому, что там началась стачка негров — уборщиков улиц, самых обездоленных людей богатейшей страны мира. Потому что для Кинга слово по-прежнему было неотделимо от дела. В церквях Америки, как и повсюду, по воскресеньям говорили, что все люди — братья. Кинг был в числе тех немногих, кто не забывал об этих словах и в понедельник.

Кинга волновали не только страдания негров. Он резко осудил войну во Вьетнаме. «Почему, — гневно спрашивал он, — наша страна ставит себя в положение военного представителя бога на земле? Почему мы превращаемся в мирового жандарма вместо того, чтобы навести порядок в своем доме?»

Кинг был признанным вождем негритянского народа. Но недаром в день его похорон был объявлен *национальный* траур. Он верил в Америку, в страну, которая была его родиной. Он был убежден в том, что завтрашнюю, лучшую Америку могут создать только черные и белые вместе. Первый корабль с невольниками прибыл к берегам Америки в 1619 году — триста пятьдесят лет живут негры в США. Труд и талант, пот и кровь черных американцев вложены в эту, в сегодняшнюю страну, в ее города, дороги, в ее искусство, в ее нравы и обычаи.

Выстрел 1968 года, оказавшийся роковым, готовился долго, тщательно. И сам Кинг об этом знал. Знал, но не сворачивал с раз избранного пути. Потому что не мог иначе. «Я научился философски смотреть на угрозы и приготовил себя ко всему, что может случиться».

Когда Кинга убили, в стране наступило смятение. Американцы плакали, американцы молились, американцы раскошеливались. (Уолтер Рейтер, вождь тред-юнионов, пожертвовал пятьсот тысяч долларов уборщикам Мемфиса, фонд Форда — миллион долларов Лиге христианских церквей Юга, которую возглавлял Кинг, школы штата Новая Англия — бесплатные стипендии на обучение детей Кинга.) И американцы убивали. В ста двадцати пяти городах бунтовали негры. Горел Вашингтон. Созрели гроздь гнева — угнетенные не хотели больше ждать ни дня, ни часа.

Книга «Почему мы не можем больше ждать» посвящена «Иоланде, Мартину Лютеру Третьему, Декстеру, Беренике — моим детям. Я мечтаю о том дне — и надеюсь, что он не за горами, — когда о них станут судить не по цвету их кожи, а по их человеческим качествам».

Борьба Кинга и была посвящена приближению этого дня.

Он прекрасно знал, что жизнь дается всего один раз. И все же он сказал своим детям: «Жизнь, ради которой не стоит умереть, не стоит и того, чтобы ее прожить».

Вот они, Мартин Лютер Третий и Иоланда Дениз по прозвищу «Йоки», — дети Кинга.

Валентин БЕРЕСТОВ

СТИХИ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

ЗИМНИЙ БОР

В этот дымный и стынущий бор,
Под его многоверхую крышу
Я войду, как в морозный узор,
И услышу седое затишье,

Где под белою хвоей снегов
Голубая колышется хвоя
И на звук одиноких шагов
Откликается пенье живое.

ПРИЛЕТЕЛИ В ТАДЖИКИСТАН

Так быстро из царства метели и льда
Попал я в объятья жары,
Что кажется мне: я свалился сюда
Вон с той белоснежной горы.
Оттуда в сиянье весеннего дня
Зима удивленно глядит на меня.

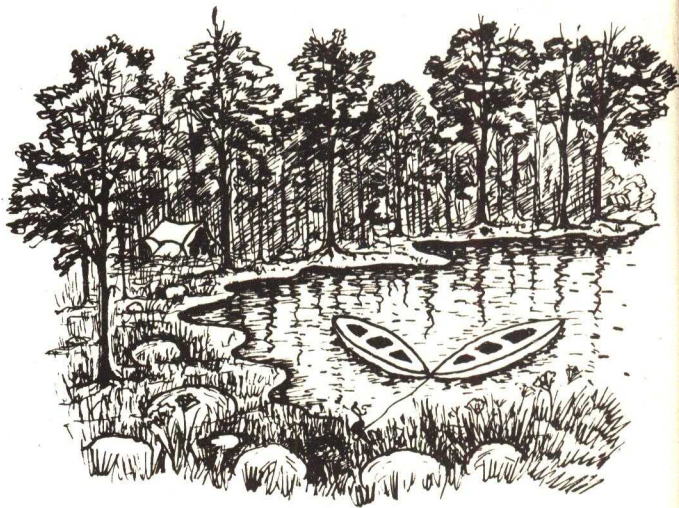
ЗЕМЛЯКИ

Птицы Севера и Подмосковья!
Вот где, милые, ваше зимовье.
Затаились среди тростника,
Не хотят узнавать земляка.

ВАЛДАЙ

Мох и сосны озерной страны.
Колокольчиком звон родника.
И лежат у дорог валуны,
Что пришли на хребте ледника.
Где, скажите, ключами со дна
Открываются Днепр и Двина?
Где тут Волга и прочая влага,
Знаменитая с первого шага?

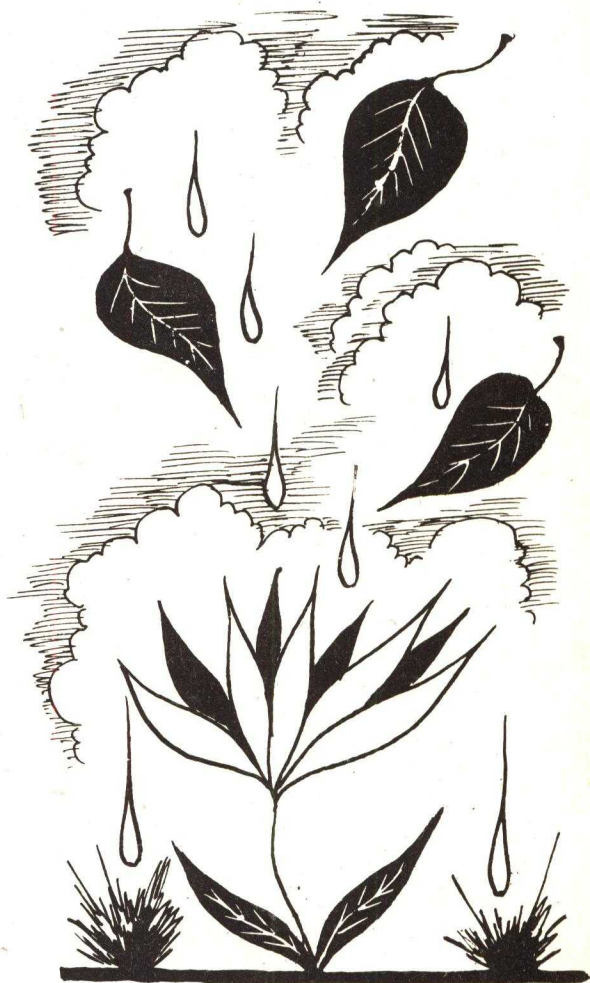
ЧАЙ С ЛИМОНОМ

Очень странный чай с лимоном
Пить приходится порой:
Чай растет за этим склоном,
А лимон — под той горой.

Нарисовал пером и кисточкой Анатолий ЦЮПА.

ЮЖНАЯ ЗИМА

Стоит декабрь. Но капля дождевая,
Листок последний с тополя сбивая,
Спешит упасть на розовый бутон,
И распускаться начинает он.

ДОЖДЬ НАД МОРЕМ

Стонет птица неизвестная,
Смотрит на море с тоской.
Хлещет пресная
Небесная
По соленой,
По морской.

ИНЕЙ

Как славно приоделся городок!
Какой наряд сверкающий и строгий!
А вместо луж на серебре дороги
Хрустит двойными стеклами ледок.

АРХЕОЛОГИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Откуда колючки воду берут?
Как птица попала в пески?
Верблюды идут
За верблюдом верблюд,
Несут на горбах тюки.
А что принесут верблюды?
А что везет караван?
Коллекцию битой посуды
Забывших веков и стран.

РАССКАЗ

Григорий ГОЛЛЕНДЕР

Рисунки Н. СТЕПАНОВА

В нашем классе все ребята имели прозвища. Не потому, что один другого хотел оскорбить или унизить. Нет! Просто мы считали, что так удобнее. Например, учатся у нас двоюродные братья Козленковы: Колька и Димка. Как их различать? Очень просто: Кольку прозвали «Братишка», а Димку — «Сестренка». Или сидит на задней парте такая тихая девчонка по фамилии Гробокопатель. Вообще-то с такой фамилией и прозвища никакого не надо! Но не скажешь же: «Эй, Гробокопатель, проконсультируй по «Природе»». Сложно. А «Могила, дай содрать по «Природе» — совсем другое дело. Просто! Доходчиво! Ясна главная мысль!

Другие тоже имели свои прозвища. Меня, например, звали «Замбези». За то, что я собираю марки колоний. Правда, Замбези давно уже не колония, но для Банана, который придумал такое прозвище, это детали.

Сидим мы как-то во время перемены и обсуждаем разные мировые проблемы. Вдруг влетает Сашка Пирожков по прозвищу «Брэндбатер» и кричит во все горло:

— Последние новости! Николай Иванович записывает всех желающих в поход.

Как только мы услышали такое, сразу помчались в учительскую, потому что давно мечтали пойти с Николаем Ивановичем в горы.

Первой влетела в учительскую Маринка Щукина. Остановилась перед Николаем Ива-

новичем, открыла рот, а сказать ничего не может: дыхание перехватило. Кстати, за это ее прозвали «Рыбой».

— В чем дело? — улыбаясь, спрашивает Николай Иванович.

— В поход хотим, — закричали мы, — запишите, запишите!

— Давайте по порядку, — попросил Николай Иванович.

А какой может быть порядок, если каждый хочет записаться раньше другого. Шум, крик, ничего понять невозможно.

— Раз все хотят говорить первыми, пусть каждый запишет своего товарища, — сказал Николай Иванович.

Тут сразу наступила мертвая тишина. У всех пропала охота говорить.

— Ну, что же вы? — удивился Николай Иванович. — Говори ты! — И показал на меня.

— Банан хочет, — без энтузиазма произнес я.

— И Братишка, — добавила обретшая дар речи Рыба.

— Замбези, — подключилась Могила.

Николай Иванович сразу помрачнел и сказал:

— Сколько раз я вам говорил, чтобы вы не употребляли прозвища!

А он действительно сто раз нам об этом говорил. И другие учителя говорили. И даже родителей в школу вызывали. При учителях

мы старались сдерживаться, а тут вошли в азарт.

— Я ведь могу не взять вас в поход из-за этого, — продолжал он.

— Мы больше не будем, — застонали мы.

— Интересно, а как же вы будете называть друг друга?

— По имени-отчеству, — сказал Банан.

— И на «вы», — добавила Могила.

— Сейчас вы готовы даже обещать, что все будете круглыми отличниками, — улыбнулся Николай Иванович.

— Будем, — не моргнув глазом заверили мы.

— Мне ваши клятвы не нужны! В поход я вас возьму без всяких условий. Но признайтесь, неужели вам не стыдно называть друг друга такими дикими прозвищами? Только честно!

— Не стыдно, — честно признались мы.

— Может быть, вам это даже приятно?

— Даже приятно! — согласились мы.

— И вполне можете обходиться без тех имен, которые вам дали родители?

— Можем! — закричали мы. — А зачем имена? Они только путаницу вносят. В классе два Вити, три Марины, четыре Алеши. А Банан один. И Могила одна.

— Ну что ж, — сказал Николай Иванович, — раз вам больше нравятся прозвища, пожалуйста. В походе вы будете называть друг друга только прозвищем! Договорились?

— Договорились! — в восторге закричали все.

А я подумал: «Еще бы, побывать за один поход в горах и на море, увидеть всю эту красоту и при этом Банана называть Бананом, не опасаясь, что тебе будут каждую минуту делать замечания, — о чем еще можно мечтать?!» Тогда мы и не подозревали, какую диверсию задумал Николай Иванович с этими прозвищами.

В горах было опасно и красиво. Никто из нас не может коротко рассказывать об этом. Да и речь сейчас о другом.

Перед последним перевалом, когда мы порядком вымотались, Николай Иванович предложил отправить наши рюкзаки на побережье почтой. Мы так и сделали. Николай Иванович достал длинный-предлинный мешок, на котором был уже написан адрес, и мы сложили в него рюкзаки.

Через три дня, голодные и усталые, мы вышли к морю. Николай Иванович вручил нам квитанцию, а сам куда-то исчез. По дороге на почту нас захватил ливень и вымочил до костей.

На почте мы сразу же увидели наш мешок. На нем издалека можно было прочитать адрес и надпись «Выдавать...», а дальше все наши прозвища, начиная от Брэдэнбатера и кончая Могойлой. Братишка подал квитанцию и сказал:

— Вон тот мешочек, пожалуйста!

Почтовый работник изучил квитанцию и недоверчиво спросил:

— А ты кто будешь?

— Братишка, — сказал Братишка, — там написано. Третий сверху.

— Фамилия такая? — удивился служащий.

— Вроде!

— Что значит «вроде»? Документы есть?

— Нет.

— Чей же ты братишка?

— Мой, — сказал Сестренка.

— Твоя фамилия тоже Братишка?

— Нет! — сказал Сестренка. — Сестренка!

— Ничего не понимаю! Ты мальчик или девочка?

— Разве вы не видите? — обиделся Сестренка. — Мальчик!

— Как же так? Мальчик — а друи Сестренка?

— А мы двоюродные, — пояснил Братишка.

— Тогда понятно, — сказал служащий, хотя было ясно, что ему ничего не понятно. — Кто может подтвердить, что ты Сестренка?

— Я могу, — сказал Банан.

— А ты что за фрукт?

— Я Банан! — важно сказал Банан.

— Понимаю, а вон тот беленький — Чайник. Правильно?

— Нет! Он Замбези. Чайник с нами не поехал. А я Банан!

— Документы у тебя есть? Чем ты доказываешь?

— Что здесь доказывать? Это каждому ясно! — И он протянул изуродованный дождем членский билет общества «Юный друг природы».

— Носов Вася, — прочитал служащий. — Значит, под чужим именем разгуливаешь? А здесь, между прочим, пограничная зона.

— Могу за всех поручиться! — закричала вдруг осатаневшая от лишений и неопределенности Могойла.

— Еще одна, — с подозрением сказал служащий. — Но кто ты для меня?

— Я для вас Могойла, — зловеще произнесла Могойла.

Служащий побледнел, попросил подождать и захлопнул окошко. Через тонкую перегородку послышался испуганный шепот по телефону:

— Товарищ начальник, в поселке появились подозрительные типы. Документов нет! Думаю, оттуда. На вид мальчишки. Но это маскировка. У них ведь медицина, знаете, чудеса творит: пластическая операция, раз два — и готово. У одного фальшивый документ изъят, другой выдает себя за девочку. У них где-то рядом скрывается резидент по кличке Чайник. Главара зовут Замбези.

— Дело дрянь, — сказал я. — Не хватало, чтобы нас задержали как шпионов. Бежим!

Мы побежали искать Николая Ивановича. Учителя нигде не было. Все приуныли.

— Ничего, — сказала, трясаясь от холода и страха, Рыба. — Как-нибудь выкрутимся, надо только подумать.

— Когда думать? — закричал Банан. — Нас вот-вот арестуют. Почтовый вызвал пограничников.

— Может, это и есть выход? — спросила Рыба. — Ведь заключенным харч дают.

— И вместо похода будешь доказывать две недели, что ты не верблюд!

Когда мы совсем отчаялись, неизвестно откуда появился Николай Иванович.

— Николай Иванович, — сказали мы. И больше ничего не сказали, но он, видимо, все понял.

Мы пошли за ним, и он привел нас в дом, где нас ждал дымящийся ужин. После целого дня волнений это было просто удивительно. Еще более удивительным было то, что мешок с нашими рюкзаками тоже был там.

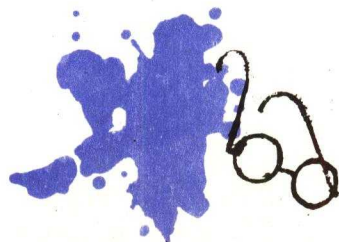
Целый вечер мы смеялись, вспоминая наше приключение. Но искренне не сразу. Потому что хозяином дома оказался тот самый почтовый служащий — фронтовой друг Николая Ивановича.

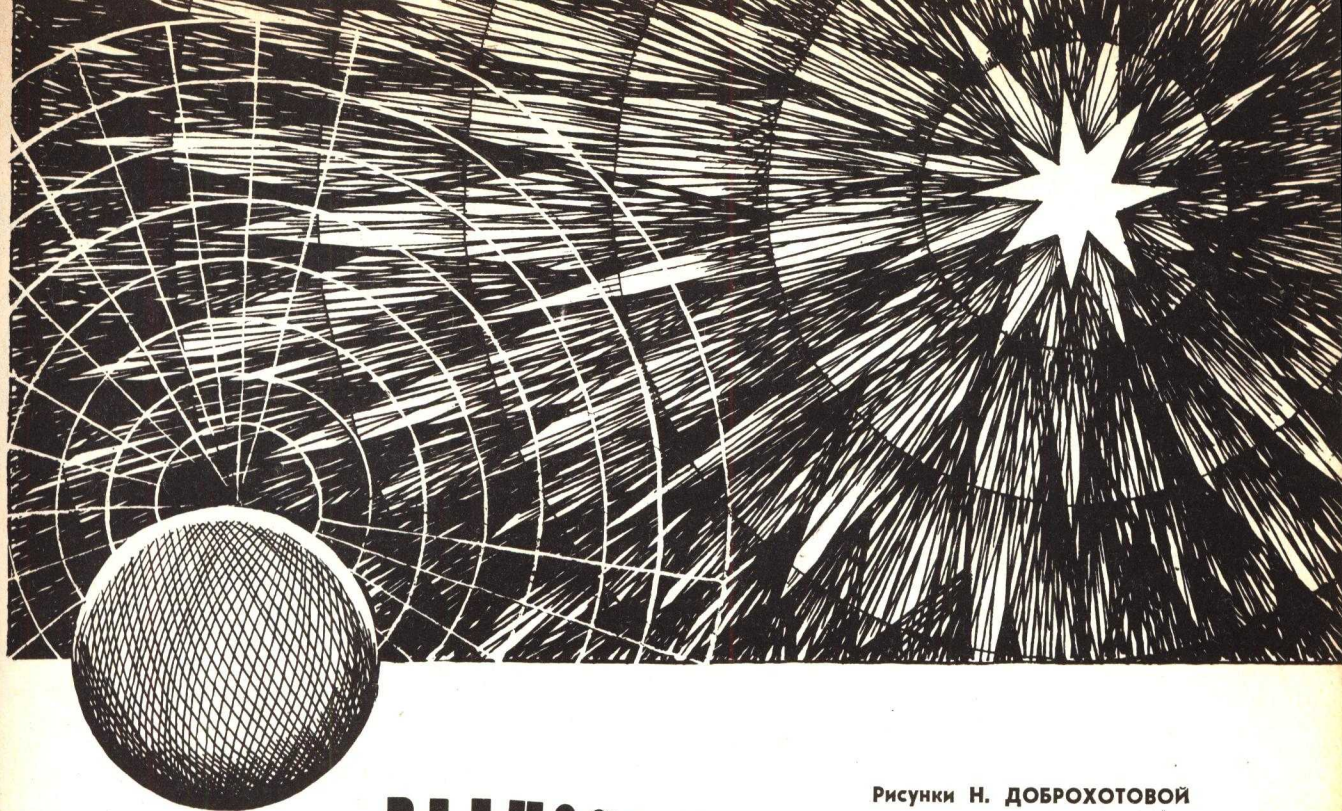
С тех пор никто из нас не называл другого прозвищем. Даже в минуты гнева. Недавно я перевернул чернильницу на своего соседа по парте.

— Алешенька, — сказал Банан (это был он). — Вы обрызгали меня чернилами. — И дал мне по уху.

— Васенька, — ответил я. — Мне очень жаль. Я не нарочно. — И дал ему сдачи.

Очень вежливые мы стали ребята.

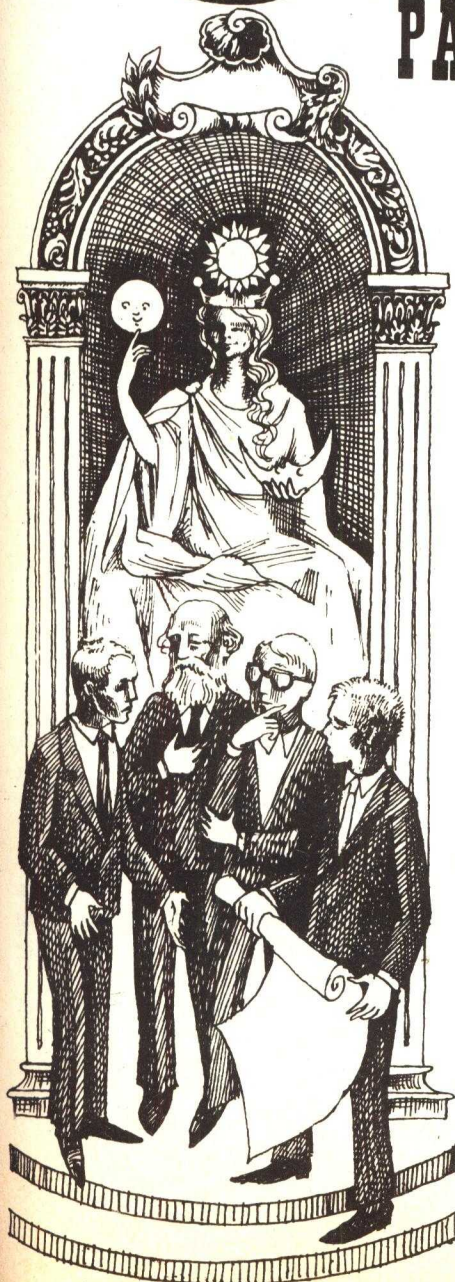

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ

РАДИОСИГНАЛЫ ИЗ КОСМОСА?

Ф. ЗИГЕЛЬ

Всего два десятилетия назад астрономы предприняли первые попытки уловить радиоволны, излучаемые небесными телами. И это удалось — выяснилось, что буквально все небесные тела можно назвать природными радиостанциями. Любое из них непременно излучает радиоволны, одни сильнее, другие слабее.

Стали строить радиотелескопы. Огромное вогнутое металлическое зеркало собирает космические радиоволны в одной точке — фокусе. А здесь помещают антенну, от которой особые провода ведут к радиоприемнику, очень и очень чувствительному — в миллиарды раз более чувствительному, чем самые лучшие приемники, имеющиеся в продаже.

Размеры зеркал радиотелескопов огромны. Под Серпуховом работает радиотелескоп, поперечник зеркала которого равен 22 метрам. А в Пулковском радиотелескопе он гораздо больше — 120 метров. Величайший радиотелескоп мира находится в Аресибо (Пуэрто-Рико). Его зеркало поперечником в 300 метров положили в кратер бывшего вулкана! Надо думать, что в недалеком будущем удастся построить еще большие радиотелескопы.

Радиопередачи, принятые из Космоса, очень разные. В основном радиоволны посылают бы-

стрые электроны, тормозящиеся под действием магнитных сил. Их очень много, этих космических электронов, и летят они со скоростями, близкими к скорости света, — 300 000 км/сек. Встретить их можно повсюду — и в атмосферах звезд и в межзвездных газовых облаках, называемых туманностями. Но, конечно, радиоволны, ими порождаемые, назвать «радиопередачами» можно только условно. Все эти радиоволны природного, естественного происхождения и никакого отношения к далеким разумным обитателям Космоса не имеют.

Но вот на общем фоне «радиошума», то есть самых разнообразных радиоволн естественного происхождения, радиотелескопы уловили странные сигналы, по ряду признаков напоминающие искусственные. Случилось это летом прошлого, 1967 года в одной из английских обсерваторий.

Из точки неба, близкой к яркой звезде Вега, исходили странные радиоволны. Их сила, интенсивность то нарастала, то убывала, причем колебания эти повторялись удивительно ритмично с периодом 1,3373 секунды! Будто пульсировал в глубине Космоса какой-то неведомый источник радиоволн. Английские радиоастрономы тотчас же назвали его пульсаром.

Иногда пульсар прекращал свою работу на несколько минут. Потом сигналы снова возобновлялись, причем прежний период выдерживался с изумительной точностью — до ста миллионной доли секунды! Выяснились и любопытные подробности: за время каждой пульсации длина принимаемых на Земле радиоволн менялась от 3,70 до 3,75 метра, а изредка и в гораздо больших пределах (в пять раз!). Невольно создавалось впечатление, что кто-то передает сигналы так, чтобы приемники, настроенные на разные длины волн, смогли их принять.

Более полугода английские радиоастрономы не решались оповестить мир о своем открытии. За это время, совершая облет Солнца, Земля сместилась в пространстве на 300 миллионов километров. Однако это никак не отразилось на положении пульсара — он остался в прежней точке неба. Отсюда астрономы сделали вывод, что пульсар очень далек — расстояние до него, во всяком случае, не меньше чем до ближайших звезд.

Когда наконец открытие стало известным, радиоволны пульсаров (их уже известно десять) были приняты на всех крупнейших радиоастрономических обсерваториях мира. Теперь нет никаких сомнений, что по крайней мере из десяти различных точек неба к нам на Землю приходят какие-то странные радиосигналы, несколько похожие на искусственные.

Так, значит, наконец обнаружены инопланетяне, представители внеземных высокоразвитых цивилизаций? Подождем делать такой скороспелый вывод. Ученым всегда свойственна осторожность, стремление снова и снова проверить факты.

Вот сейчас и пытаются астрономы и физики всеми средствами разгадать природу pulsa-

ров, узнать, что же это в конце концов такое. Высказаны разные предположения. Некоторые из ученых, например, считают пульсары очень маленькими сверхплотными быстровращающимися звездами. Допустим, что из какого-то участка поверхности такой звезды наружу бьет «фонтан» быстрых электронов. Они, как уже говорилось, порождают радиоволны. Когда струя направлена на нас, мы ловим эти волны, а так как звезда вращается с периодом 1,3373 секунды, то пульсации радиоизлучения и повторяются с тем же периодом.

Гипотеза эта, однако, маловероятна. Во-первых, не доказано, что такие маленькие (поперечник 10 км) сверхплотные звезды вообще существуют. Во-вторых, крайне невероятно, чтобы во всех случаях струи электронов били только в нашу сторону. Наконец, в-третьих, остаются непонятными короткие антракты в «радиопередаче» пульсаров да и некоторые другие их особенности.

Вообще пока никакого естественного объяснения пульсарам не найдено. И вовсе не исключено, что наши радиотелескопы действительно уловили передачи далеких братьев по Разуму, но только мы пока не умеем разгадать тот смысл, тот шифр, который заложен в принятых радиосигналах.

Пульсары не единственные космические объекты, поставившие астрономов в тупик. Три года назад были найдены не менее интересные небесные тела, тоже посылающие весьма странные радиоволны.

Вы, конечно, слышали о лазерах, квантовых генераторах, которые создают очень узкие, необычайно мощные пучки света. Лазеры прочно вошли в современную технику, им уже найдено самое разнообразное применение.

Каково же было удивление астрономов, когда внутри некоторых космических газовых туманностей они обнаружили действующие лазеры поистине необычайной мощи! Десятки и сотни световых лет отделяют нас от этих космических лазеров, и все же их радиосигналы на волне около 18 см доходят до Земли и регистрируются земными радиотелескопами. Там, где нашли эти удивительные объекты, — в разреженных газовых туманностях, нет ничего, что могло бы объяснить это радиоизлучение. Мало того, выяснилось, что это излучение меняется, и притом за короткие сроки, что почти не наблюдается у естественных тел. Вся совокупность этих странных явлений была названа астрономами «мистериумом», то есть в буквальном переводе «таинственным».

Неужели природа создала эти многочисленные лазеры? Ведь до сих пор они считались техническим изобретением человечества! Или и на этот раз радиотелескопы приняли передачи внеземных цивилизаций?

Ответ на эти вопросы наука пока не нашла. Не будем и мы спешить с выводами. Человечество еще только выходит на просторы Космоса, и его наверняка ждут самые неожиданные сюрпризы.

ФУНИКУЛЕР

Мы поднимаемся выше и выше,
Зелень Нагорного парка я вижу.

Ветер веселое облако гонит,
Как на ладони, раскинулся город.

Каспий бессонный качает вдали
Ставшие крохотными корабли.

Через тоннель хорошо прокатиться!
Песня летит к облакам, словно птица.

Эта дорога вагонам знакома,
И не устанут они от подъема.

Перевел с азербайджанского
Александр ХАЛДЕЕВ

Марис ЧАКЛАЙС

Превращения солнца

«В хлеб превращенное солнце»
Ария ЭЛКСНЕ

Зерну, как всему на свете,
Солнца дается вволю, —
Всяк бери свою долю!

Густы, как лучи, колосья,
Мы жнем их, молотим недаром —
Солнце течет по амбарам.

Размелем солнце и тут же
Опять его воскрешаем
В круглом ржаном карае.

Мы режем солнце ломтями
И радуемся, как дети:
Что вкуснее на свете!

И нет, не вино в стакане —
В стакане жгучее солнце,
Пей до самого донца!

Солнце во всем и повсюду,
Но что без людского умения
Все его превращения?!

Перевел с латышского Г. СЕМЕНОВ

Рисунки Л. СЕРГЕЕВА

география поэтическая

Н. СЛАДКОВ

Фото автора.

Таинственное озеро Городно

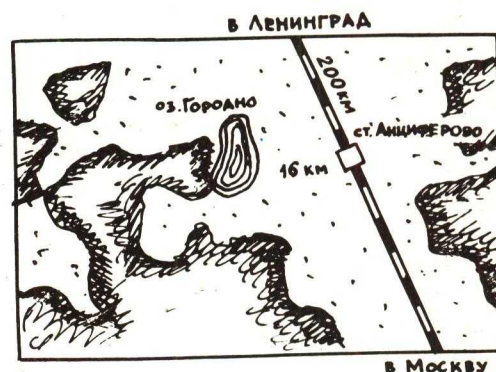
Городно — озеро красивое и большое. На нем много островов, полуостровов и заливов. А сколько разных мысов! Окуневый мыс, Долгий мыс, Перевозный мыс и даже Собачий.

Городно — капризное озеро. То тишь да гладь, и тогда все его острова и полуострова как бы повисают в млеющей дымке, отражаясь в зеркальной воде. То вдруг почернеет, взъярится, оскалится белыми гребешками, раскачает волну — и давай бухать в берега.

И берега у озера хороши: и песчаные, и каменистые, и травяные. На берегах звонкие мачтовые сосны с зелеными парусами вершин.

Но главная прелесть озера в его таинственной необычности...

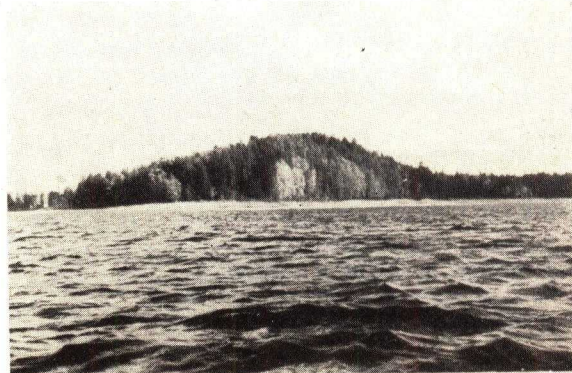
Странные события происходят на нем. Однажды вдруг все мысы его стали вытягиваться и подниматься из воды! Дальше — больше. За мысами стали расти острова. Они соединялись между собой, соединялись с берегом и превращались в полуострова. Тут и там из воды, словно спины гигантских тюленей, стали всплывать новые острова, до этого никем не виданные.

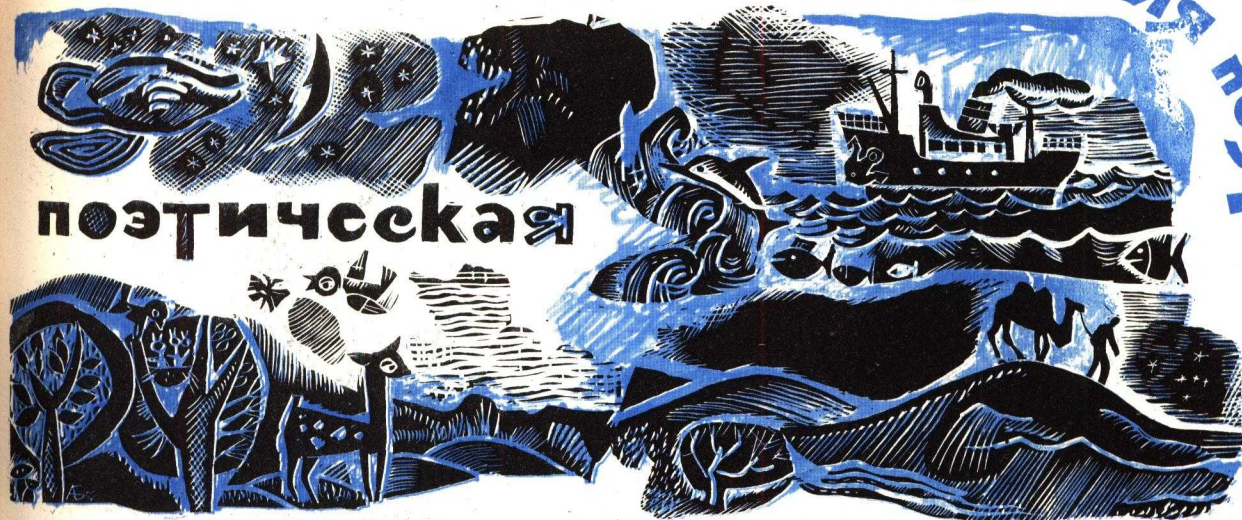

Неудержимо стали расти пляжи. Самый большой пляж Белые пески был шириною в десять шагов. И вдруг стал в двадцать, потом в тридцать, сорок шагов! Изумленные купальщики сперва радовались, а потом испугались: пляж вырос в десять раз и стал шириной в сто шагов!

Стали исчезать заливы. Там, где недавно кипели волны, стало вдруг сухо. Где плескались щуки и окуни, теперь ползали ящерицы и порхали бабочки.

Из края в край катились по озеру синие волны...

У деревень сохли мостки и причалы. За водой для банек, некогда стоявших у самой воды, приходилось бегать с ведрами очень далеко. Вода уходила из озера, как из дырявой лоханки!

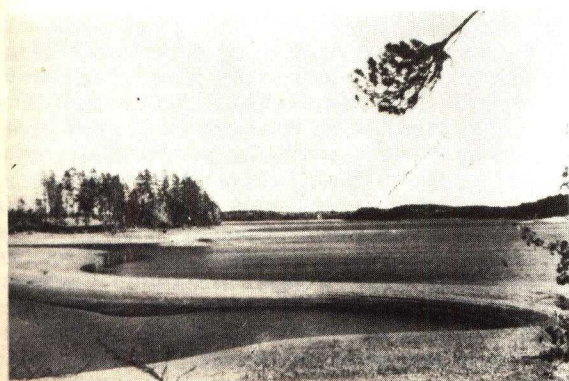
Уходила, уходила да и ушла! От озера в девять километров осталась лужа метров на сто.

Дно стало сохнуть и трескаться, словно торцовая мостовая. На другое лето все заросло травой — превратилось в луг. На дне озера стали пасти коров, лошадей и овец. Косари косили траву. Посеяли на дне овес. Пролегли по дну полевые дороги. По ним запылили телеги со снопами и сеном...

И стали уже забывать, что не так-то уж и давно над этими полями овса и пыльными дорогами качались челны рыбаков...

Но озеро напомнило о себе. Маленькая, но глубокая лужа, что осталась от озера, как-то однажды вздулась и поползла на берега! «Яма рыгнула» — так называют это местные жители. Впадающие в лужу ручьи вдруг

...А однажды вдруг все мысы его стали вытягиваться и подниматься из воды!

повернули вспять. Стали тонуть луга — странно было видеть ромашки и колокольчики... под водой! И уже не бабочки порхали над ними, а серебристые рыбки. Тонуло жнивье — жители торопливо увозили с полей снопы. Утонули дороги. Утонули шалаши и стога сена. Невысокие горки превратились в островки, а потом островки утонули. Полуострова отделялись от берега и образовывали острова. Снова появились заливы. Мыски укорачивали носки, а пляжи суживались на глазах. Снова из края в край покатались по озеру синие волны, и над утонувшими дорогами и полями снова закачались челны.

А яма неистовствовала, яма гнала и гнала воду — «рыгала»! Гнала с такой же яростью, как когда-то ее всасывала.

Вода затопила пляжи и подошла к самой деревне. Баньки теперь очутились в воде. В баню приходилось ехать на лодке, нагружая ее дровами, тазами и вениками.

За долгую историю озера так бывало не раз.

То вода куда-то уходит, то откуда-то наливается. И вместе с водой по неведомым подземным ходам и тоннелям уходит и уходит рыба. И все это через одну дыру в дне, «яму», как говорят местные жители, или «понор», «прорву», как говорят краеведы.

Ни один человек еще не видел понора озера Городно. Ни один аквалангист не стоял еще на краю этой черной ямы. Никто не знает, куда ведут и где выходят наружу подземные карстовые ходы. Куда время от времени исчезает на год, на три огромное озеро вместе со своей рыбой? Все это еще надо узнать...

Туман лег на воду. Не видно ни островов, ни берегов. Кричат в тумане гнусавые чайки. Туман. Тишина. И тайна.

НЕСТИХАЮЩИЙ СТИХ

Лев КАССИЛЬ

Вот уж сколько лет прошло с того дня, когда я в последний раз говорил с ним, живым, громогласным, по-дружески великодушно заботливым, а вот и сейчас, через сорок без малого лет после его смерти, встречаюсь с ним во сне, разговариваю, как с живым. Только я-то и во сне помню, что уже порядком постарел и стал куда старше его, а он снится мне таким же молодым, каким мы его знали и каким звучит он в своих незамолкающих стихах.

Таким вижу я его сегодня и на площади, носящей имя великого поэта, где он стоит на гранитной скале в такой знакомой нам позе, развернув могучие плечи, навсегда утвердившийся тут, как и в наших сердцах.

И как бы ни спешил я, всякий раз я останавливаюсь и заново, еще и еще раз, радуюсь, что в нашу великую пору нашелся в стране у нас поэт, голос которого оказался под стать и залпу Авроровых пушек, и торжествующему маршу Октябрьской революции, и мощному рокоту и перестуку великих строек, за которые взялся, чтобы переделать жизнь на хороший, нужный для себя лад, наш народ.

Владимир Маяковский не только поэт революции. Он сам по себе, и как личность, как человек, и как необыкновенный мастер поэтического слова, частичка нашей революции. Ведь гений, в какой бы области человеческого труда он ни работал, не только отражает свое время, утверждая или отрицая его. Великий поэт, художник, ученый сам становится крупной и выразительной приметой своей эпохи. И дело не только в том, что Владимир Владимирович Маяковский с необыкновенной силой, с грозной красотой и раскатившимся на весь мир громовым звучанием написал стихи, поэмы о Великой Октябрьской революции, о Ленине, о том, как наш народ защищал свою свободу, вырванную из хищных лап буржуев, как строил новую жизнь. Дело еще и в том, что Маяковский первый призвал поэзию служить пролетарской революции. Он вывел стихи из книг на трибуны революции. Он открыл новую, ораторскую форму стиха. Он заставил поэзию звучать

на площадях и палубах боевых кораблей, в рабочих клубах, красноармейских казармах, на собраниях революционной молодежи. И уже трудно представить себе историю тех первых революционных десятилетий без знаменитых поэм «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо!», «Во весь голос», без «Левого марша», «Стихов о советском паспорте» и многих других строк, которые и поныне не затихают в сердцах и сознании миллионов людей.

Ведь, скажем, Нева не только отражает красоту и величие Ленинграда, а Сена — прелесть Парижа. Реки эти давно уже стали в сознании человечества неотъемлемой и прекрасной частицей облика великих городов. Так и ошеломляюще новаторская поэзия Владимира Маяковского, его писательская страстная деятельность, непоколебимые позиции, которые он всегда защищал в литературе, останутся в истории примером подлинного подвига поэта-революционера.

Вы, конечно, знаете, что Маяковский был не только гениальным поэтом, но и отличным художником. В дни, когда у нас из-за разрухи, вызванной гражданской войной, не работали многие типографии, Маяковский сам нарисовал тысячи революционных плакатов и, конечно, придумал к ним остроумные, с первого же раза запоминавшиеся подписи. Он был также и боевым газетчиком-журналистом и талантливейшим драматургом: пьесы Маяковского «Клоп», «Баня», «Мистерия-буфф» идут по сей день в наших театрах и на сценах театров многих других стран. Занятый с утра до ночи громадной работой, выступая перед читателями на заводах, в клубах, в армейских лагерях как великодушный чтец, вдохновенно исполнявший свои стихи, развезжая по всей стране и чуть ли не по всему свету как «полпред», то есть полномочный представитель, новой, советской поэзии, Маяковский находил время, чтобы писать и для ребят. Пожалуй, мало кто в те годы умел так весело, умно и по-дружески говорить с юными читателями, как это делал Владимир Владимирович. Он душевно любил и очень уважал ребят. И когда меня впервые, я помню, пригласили в редакцию журнала «Пионер», он, узнав об этом, сказал:

Рисунки В. МАЯКОВСКОГО

— Идите, Кассильчик,— так он шутливо и ласково называл меня,— идите, Кассильчик, непременно туда. Это очень важно. Там хорошие люди работают и хорошее дело делают.

Да, он считал литературу, поэзию для ребят делом очень хорошим, важным, нужным. Он писал для них как будто в шутку, чтобы не скучно было читать, а на самом-то деле говорил всерьез об очень важных делах, которыми надо заняться каждому, кто хочет вырасти хорошим человеком. Помогал ребятам понять, «что такое хорошо и что такое плохо», придумывал забавные книжки-картинки, где «что ни страница — то слон, то львица». Писал ребятам стихи «про моря и про маяк», помогал юным гражданам решать вопрос, «кем быть» в жизни, какое дело выбрать себе, когда вырастешь. Недаром друзья называли самого Маяковского сокращенно и величательно: «Маяк».

Враги мешали ему, распускали про него сплетни, что он очень груб, признает в поэзии только себя, терпеть не может Пушкина... А мы-то знали, каким внимательным, добрым был он в дружбе, хотя и самому близкому товарищу не простил бы, если бы тот попробовал скалтурить в поэзии или напечатать что-нибудь, по духу, по идее враждебное нашей революции, а значит — и самому Маяковскому. А о себе он писал скромно, что полностью отдал свое перо для службы революции и готов к тому, что стих его может погибнуть, как солдат в бою: «Умри, мой стих, умри, как рядовой, как безымянные на фронте мерли наши».

Пушкина же он восторженно любил, знал наизусть десятки его стихов и мог прочесть на память чуть ли не всего «Евгения Онегина». Однажды при мне, когда он выступал в большом зале, кто-то из литературных противников его, чтобы разозлить Маяковского, крикнул: «А все-таки Пушкин лучше вас!» Владимир Владимирович, ни секунды не задумываясь, весело сказал: «Значит, вам интереснее слушать Пушкина? Отлично!.. А. С. Пушкин! «Евгений Онегин». Роман в стихах. Глава первая. Мой дядя самых честных правил...» И стал читать наизусть «Евгения Онегина». Строфа за строфой. И только тогда, когда в зале уже все вскочили, изнемогая от смеха, аплодируя, Мая-

ковский остановился: «Взмолитесь? Ладно. Вернемся к Маяковскому».

Он был человеком огромного и открытого сердца, переполненного любовью к своей стране, к революции, к людям. Его стихи учили людей большой, чистейшей и беззаветно преданной любви к женщине, к подруге. Здесь, несомненно, он по праву занимает одно из первых мест среди всех великих лириков мира, то есть поэтов, писавших о человеческих чувствах, о любви. Слово Маяковского, беспощадно грозное для врагов, приобретало необыкновенно нежные и добрые звучания, когда он говорил о любимой. Или когда просто разговаривал с «товарищем-птицей». Или сочувственно обращался к старой лошади, упавшей на улице в окружении зевак. Или когда лукаво спрашивал других поэтов: «А вы ноктюрн сыграть смогли бы на флейте водосточных труб?»

А он мог! Он умел видеть поэзию и начала стиха и в уличной вывеске, и в труде на первом революционном субботнике, и в морковке, которую он бережно нес своей любимой в голодные дни первых лет революции, и в веселом плакате, сочиненном им для Моссельпрома, наступавшего в те дни на торговлю частных.

Мне иной раз приходится слышать, что «сегодня Маяковский уже не в моде». Глупый это разговор! В моде бывают юбки, короткие или длинные, брюки, «джинсы» или клеши. А большое, истинное искусство, создатель которого отдал свой талант, свое сердце людям, бывшим его современниками, никогда не «выходит из моды», не устаревает. Потому что истинная поэзия, таящая большое искусство, не модничает, потакая настроениям с короткой памятью, а со строжайшей взыскательностью, проверяя умом и сердцем то главное, что отражает какую-то пору человеческой истории, сохраняет неповторимое звучание, тепло, голос и думы своего времени для будущих поколений.

Никогда не устареют Толстой и Пушкин, Шекспир и Гюго, Микеланджело и Рафаэль. Конечно, бывают в истории такие моменты, когда на какое-то время люди переносят свои симпатии с одного великого художника на другого, но истинный гений снова возвращает их к себе. Так было во второй половине XIX века,

например, и с Пушкиным, если уж зашла речь и о нем. Но сегодня Пушкин снова полностью с нами. Миллионы людей начинают дружить с ним со школьных лет, сделав его потом своим спутником на всю жизнь.

Не устарел, конечно, и Маяковский, великий поэт нашей революционной эпохи. Его влияние ощущается в творчестве многих талантливейших поэтов Советского Союза и других стран. И, стремясь выразить нашу любовь к Родине, ненависть и презрение к врагам, мы приводим наизусть памятные всем, никогда не стихающие строки Маяковского. Как пошутил бы сам Маяковский, его стих — нет! — не стихнет!

ТУЧКИНЫ

ШТУЧКИ

Плыли по небу тучки.
Тучек — четыре штуки:

от первой до третьей — люди,
четвертая была верблюдик.

К ним, любопытством объятая,
по дороге пристала пятая,

от нее в небосинем лоне
разбежались за слоником слоник.

И, не знаю, спугнула шестая ли,
тучки взяли все — и растаяли.

И следом за ними гонясь и сжирав,
солнце погналось — желтый жираф.

СТИХИ

О РАЗНИЦЕ ВКУСОВ

Лошадь
сказала,
взглянув на верблюда:

«Какая
гигантская
лошадь-ублюдок».

Верблюд же
вскричал:
«Да лошадь разве ты?!
Ты

просто-напросто —
верблюд недоразвитый».

И знал лишь
бог седобородый,
что это
животные
разной породы.

ВЗЯТИЕ ЗИМНЕГО

ИЗ ПОЭМЫ «ХОРОШО!»

Дул,
как всегда,
октябрь
ветрами,

как дуют
при капитализме.

За Троицкий
дули
авто и трамы,

обычные
рельсы
вызмеив.

Под мостом
Нева-река,

По Неве
плывут кронштадтцы...

От винтовок говорка
скоро

Зимнему шататься.

А в Смольном,
в думах
о битве и войске,

Ильич
гримированный
мечет шажки,

да перед картой
Антонов с Подвойским

втыкают
в места атак
флажки.

Лучше
власть
добром оставить,

никуда
тебе
не деться!

Ото всех
идут
застав
к Зимнему
красногвардейцы.

Отряды рабочих,
матросов,
голи

дошли,
штыком домерцав,
как будто
руки
сошлись на горле,
холеном
горле
дворца.

А в Зимнем,
в мягких мебелих

с бронзовыми выкрутами,
сидят
министры,
в меди блях,
и пахнет
гладко выбритыми.
На них не глядят
и их не слушают —
они

у штыков в лесу.
Они
упадут
переспевшей грушею,
как только
их
потрясут!

Голос — редок.
Шепотом,
знаками.
— Керенский где-то? —
Он?
За казаками. —
И снова молча.
И только

под вечер:
— Где Прокопович?
— Нет Прокоповича. —
А из-за Николаевского
чугунного моста,
как смерть,
глядит

неласковая
Аврорьих
башен
сталь.

По каждому
из стекол
удары палки.

Это —
из трехдюймовок
шарахнули
форты Петропавловки.
А поверху —

город
как будто взорван —
бабахнула
шестидюймовка Авророва.

И вот
еще
не успела она
рассыпаться,
гулка и грозна —
над Петропавловкой
взвился

фонарь,
восстанья
условный
знак.

— Долой!
На приступ!
Вперед!
На приступ! —

Ворвались.
На коври!
Под раззолоченный кров!
Каждой лестницы
каждый выступ
брали,
перешагивая
через юнкеров.

Какой-то
смущенный
сукин сын,
а над ним
путиловец —
нежней папаша:
«Ты,
парнишка,
выкладывай
ворованные часы —
часы
теперича
наши!»

Топот рос,
и тех
тринадцать!
сгреб,
забил,
зашиб,
затыркал.

Забились
под галстук —
за что им приняться? —
Как будто
топор
навис над затылком.
За двести шагов...
за тридцать...
за двадцать..

Вбегают
юнкер:
«Драться глупо».
Тринадцать визгов:
— Сдаваться!
Сдаваться! —

А в двери —
бушлаты,
шинели,
тулупы...

И в эту
тишину, —
раскатившийся всласть
бас,
окрепший,
над реями рея:
«Которые тут временные?
Слазь!
Кончилось ваше время».

¹ Тринадцать министров, членов Временного правительства.

АЛИ

Эту фотографию нам принес инженер-строитель В. Воскресенский. — Пожалуйста, напечатайте, — попросил он. — Али будет очень доволен. — И инженер рассказал такую историю.

С Али я познакомился в пустыне Тихама. Через пустыню прокладывали автостраду — от порта Ходейда на Красном море до крупного йеменского города Таиза. Мы, советские специалисты, руководили работами.

Как-то утром, придя на участок, я дал мудирам (старшим рабочим) задания и зашел в будку-конторку. В углу ее сидел на корточках мальчик лет десяти—двенадцати. Быстро поднявшись, он протянул худенькую черную руку и, как взрослый, представился:

— Али.

И тут же добавил:

— Кей фалик? (Как дела?)

Я ответил, что хорошо, и, в свою очередь, спросил, как его дела. И вдруг я увидел в глазах Али слезы.

Оказалось, мальчик живет в селении недалеко от строящейся дороги. У него там мать, отец и четверо младших братишек. Али очень хочет работать на стройке, а мудир Дауд не принимает его.

— Говорит, что у меня мало сил. Говорит, что кули (рабочие) ему не нужны. А я уже много работал с отцом. Я уже большой... Мне уже пятнадцать лет! — горячо заверял он меня.

Я понимал, что мальчишка преувеличивает свой возраст, но мне хотелось помочь ему, и я поговорил с Даудом. Я попросил не поручать Али тяжелой работы. Пусть он подносит воду, поливает из шланга бетон, вяжет для бетонщиков метлы. Какая же радость засветилась на лице моего маленького знакомого, когда он узнал, что принят на работу!

Потом я ни разу не пожалел, что поручился за него. Мальчик был так старателен, что я беспокоился лишь о том, как бы он не надорвался.

В перерывах между работами арабы собираются в кружок под колючий кустик: здесь хоть маленькая тень. Увидя меня, Али вскакивал, уступая свое место:

— Иглес, садык! (Садись, друг!)

А тень в пустыне дороже всего: раскаленный воздух тут буквально обжигает ноздри.

Вскоре нам пришлось расстаться. Против Йеменской Республики выступили наемники свергнутого революцией короля — имама, укрывшиеся в горах. Строительство дороги было на время прервано. Строители-арабы ушли добровольцами в армию.

Уезжали мы в знойный декабрьский полдень. Через окно автобуса я долго махал рукой мальчику, стоявшему на дороге. «До свидания, садык!» — звенел у меня в ушах голос Али.

— До свидания, мой маленький друг!

Юрий КОВАЛЬ
Рисунки автора.

В избушке на Вишере

Вишера — так называется река, которая течет в горах Северного Урала. Приятное слово — «Вишера» — плавное и шершавое. Хочется выговорить его, потрогать губами. Как в речке на перекате, шуршат в нем шероховатые камешки.

Все берега Вишеры в этих камешках. А на дне они покрыты охристой водорослью, в которой мелькают мелкие рыбешки — вандыши. Вандышей очень просто ловить. Опустить в воду банку, и вандыши сразу

наберутся туда. Иногда среди камешков на дне вдруг блеснет что-то. Надо приглядеться, может, это отблеск солнечного луча, а вдруг золотой самородок?

На берегу Вишеры мы с друзьями поставили избушку. Живем в ней и охотимся, ловим рыбу, рисуем.

Кедры, пихты, елки — тайга плотно охватила Вишеру. Над водой, раздвинув тайгу, нависли скалы-скульптуры. Они покрыты таежным узором — стелющейся травой, мхом, трещинами, в которые

Вишера извивается по тайге, глухо бурлит на порогах и вдруг застывает на разливах и кажется неподвижною.

впились корни деревьев. Рисовать интересно.

Вишера извивается по тайге, глухо бурлит на порогах и вдруг застывает на разливах и кажется неподвижною. Но подойдешь к берегу и видишь, как быстро мчится ее вода. Даже на лодке с мотором подниматься вверх по течению нелегко. То и дело надо прыгать в ледяную воду, тянуть лодку через перекаты.

От скорости вода плотная и тугая. Щелкни пальцем волну — загудит, как барабан. Под скалу волна бьет с колокольным звоном.

Недалеко от нашей избушки гора Петушиный гребень. Подножие гребня заросло тайгой, а на вершине — голые, выветренные камни. Они взгромодились друг на друга, верно, напоминают гребень петуха. На вершине Петушиного гребня пропасть сколько голубики.

С нами в избушке живет великий таеж-

ный рыболов Вася-Червячок. Он ловит хариусов.

Плывешь на лодке и вдруг видишь: растопырив плавники, идет против течения зеленая и золотая рыба. Это хариус. Мигом исчезает он, и не так-то просто его увидеть, он осторожен, держится в ямах в густо-коричневой глубине.

Вася-Червячок знает все хариусовые места. Он выключает мотор, встает в лодке во весь рост и заглядывает на дно.

— Лапоть! — громко шепчет Вася. Лаптями он называет больших хариусов, а маленьких — пацанами.

Вася ловит хариуса на червя. Но червей в тайге нет. Они не могут жить в слежавшейся и перегнившей хвое. Вася специально завез в тайгу червей, которых набрал в зарослях крапивы у поселка Приисковая. Он расселил червей у нашей избушки, за что и был прозван Червячком.

Вечерами на широких плесах хариусы выходят к поверхности. Они пляшут на волнах, выскакивают, извиваясь, из воды.

— Хариусы мушкуют, — говорит Вася. Это значит — ловят мушку.

Хариусы мушкуют, и мы мушкарим. Запускаем в воду кораблик — снасть с искусственными мушками. Хариус крепко хватается, дергает леску, выпрыгивает из воды и потом еще долго трепещет в камнях на берегу и как-то особенно хмыкает.

На охоту я хожу с двумя лайками. У них хорошие имена — Кукла и Кустик. Кукла — старая и мудрая лайка, знаток соболя. Кустик любит погонять рябчиков, облаять глухаря. Охота с Кустиком — одно удовольствие, с Куклой — трудная работа.

Хозяин собак — настоящий охотник Вадим. Он взял из-под Куклы немало соболей.

Как-то мы плыли с ним по Вишере и увидели кедровку, перелетающую реку. В клюве она несла большую кедровую шишку.

— Хочешь орехов? — спросил Вадим.

— Еще бы.

Вадим внезапно хлопнул в ладоши и громко крикнул кедровке:

— Брось!

Кедровка от неожиданности выронила шишку, Вишера поднесла ее к лодке, и через минуту я уже выколупывал из шишки орехи.

У Вадима есть ручной коршун Яшка. Довольно прожорливый тип, хотя и молодой. Он живет в пихтах, рядом с избушкой.

Однажды я сидел у порога и рисовал Петушиный гребень. Рядом стояло ведро с хариусом, очищенным и выпотрошенным для ухи.

Яшка сидел на ветке и глядел, как я рисую. Он относился ко мне добродушно.

Потом ему, видно, надоело сидеть на ветке. Он слетел вниз, устроился на краю ведра и стал клевать хариуса. Это мне не понравилось, и я прогнал его. Яшка сделал круг над моей головой и вернулся к хариусу.

Я прогонял его раз десять, и это мне наконец надоело. Я отложил альбом, взял Яшку в руки и нахлопал по тому месту, где хвост. Хариуса Яшка больше не трогал, но меня совсем разлюбил и слушаться перестал.

Вдоль берега Вишеры петляет по тайге чуть различимая тропа. Ее проложили охотники и старатели. Идешь по тропе охотой, ищешь глухаря или рябчика и вдруг наткнешься на глубокий шурф. Давным-давно вырыт он старателем в поисках золота и теперь таится в зарослях иван-чая.

Один раз я случайно свалился в такой шурф. Не заметил его в траве и грохнул-

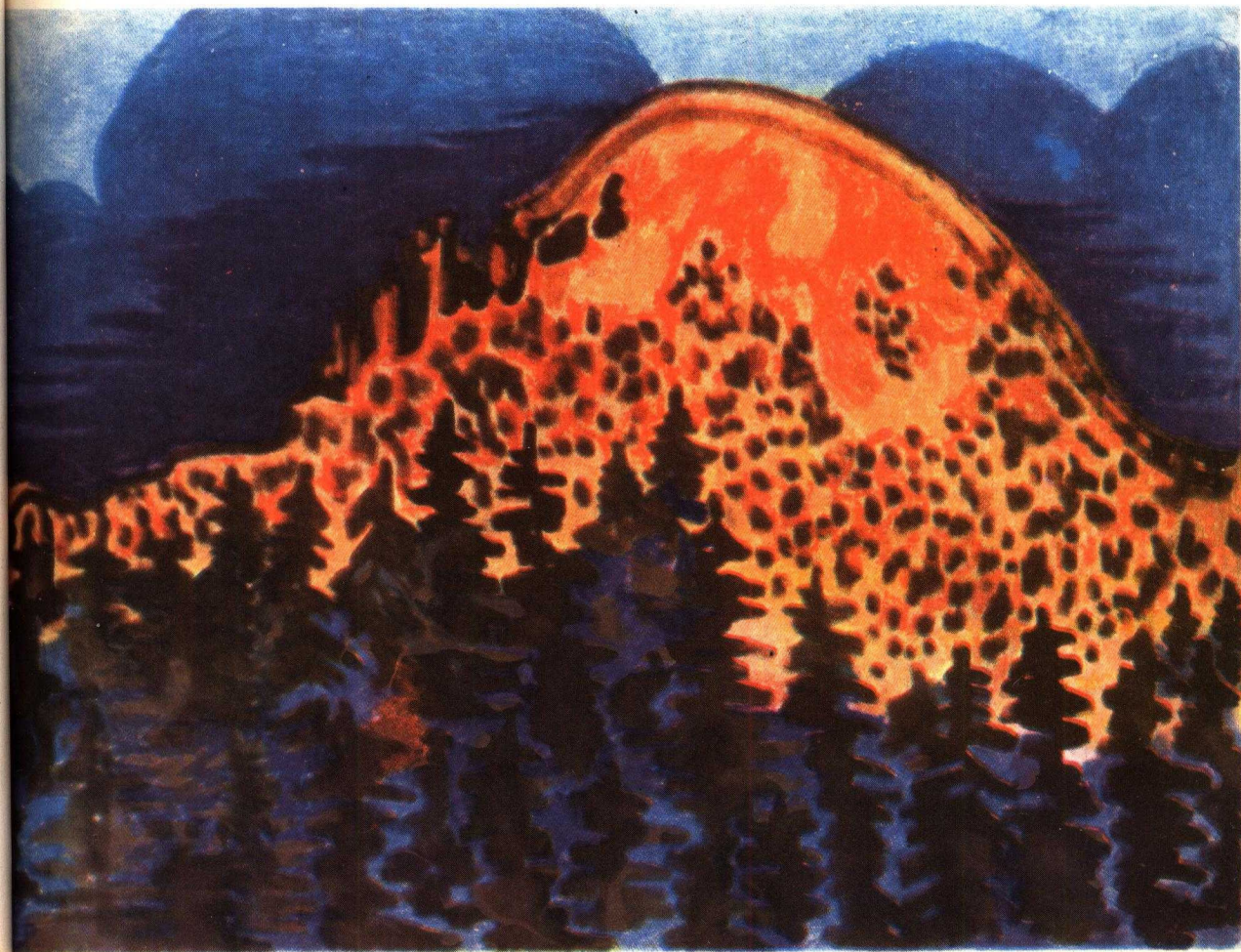
ся. На дне его я нашел сгнившую от ржавчины кирку. Потом я долго размышлял: почему старатель бросил кирку? То ли нашел много золота, то ли отчаялся его найти.

В тайге я встретил геологов. Они сказали, что нашли на Вишере алмазы. Я им верю, потому что никогда не видал такой разнообразной и такой таинственной реки. Здесь есть, конечно, и золото и алмазы, только они затаились где-то в россыпях камней, под могучими корнями кедров.

Как-то утром мы увидели снег, выпавший на горе Петушиный гребень, и поняли, что уже осень и надо собираться домой.

Мы оставили в избушке соли, сахара и сухарей и поплыли вниз по Вишере. Коршуна Яшку мы тоже оставили в тайге. Растопыбив сизые и коричневые перья, он сидел на пихте и глядел, как мы уплываем. Он думал, что мы половим рыбы и вернемся. Но мы не вернулись. Приближалась зима.

Недалеко от нашей избушки гора Петушиный гребень. Подножие гребня заросло тайгой, а на вершине — голые, выветренные камни.

ЭКСПЕДИЦИЯ

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!
Девчонкам и мальчишкам!
Важное сообщение!

Каждый, кто умеет увидеть,
каждый, кто умеет делать,
каждый, кто умеет передать
ДЕЛО, НУЖНОЕ ВСЕМ,

О НЕСЕНИИ

ЖИВОЙ МУЗЕЙ

Вот вы видите, как девочки ткут ковры. Они умеют еще делать читы. Это своего рода тапки — мягкая, красивая, простого рисунка обувь.

Не подумайте, что эти девочки каждый день носят такие тяжелые, длинные одежды. Их в грузинских семьях надевают лишь в особо торжественные дни. В школу наши «живые экспонаты» бегают в обычной форме, носят пионерские галстуки. Только ради встречи в Тбилиси облеклись они в эти старинные одеяния.

Дело, нужное всем. Откуда мы! Кто мы!

А теперь дайте слово и нам! У нас тоже новости, да какие! Кому это «нам»? Юным краоведам из республиканского Дворца пионеров.

Сколько нас? 800 ребят.

Одни живут в Хевсуретии, другие в Тушетии, третьи в Сагареджо, а иные в таких заоблачных селениях, где даже в жаркие месяцы лежит снег, а тропы проложены над пропастями.

Что нас объединяет? Музей. И музей наш вовсе не похож на другие музеи, где экспонаты сами по себе, а люди сами по себе. У нас каждый краевед — живой экспонат музея.

И вот однажды мы все встретились. Разослали приглашения, и все приехали в Тбилиси, все до единого. Конечно, нам было приятно, весело, любопытно увидеть друг друга, поучиться друг у друга. Получилось настоящее соревнование: кто кого превзойдет в мастерстве.

Вы, наверно, и не думали, что на эстраде можно представить, как перегоняют плоты по бурной реке? А вот школьники из Цаленджихи это изобразили.

Разве не интересно увидеть, как кроят и шьют кавказские бурки? И сцена превращается в мастерскую. Ребята из Ахметского района показали, как это делают, под аплодисменты зрителей, которых в тот вечер набилось в зале несметное число.

Горийские пионеры блеснули мастерством плетения корзин. Знаете, такие есть корзины для сбора и хранения виноградных гроздьев, стоячие, как бокалы, — они плели их с удивительной быстротой.

Пионеры из приморского села Кобулет так сплясали шуточный аджарский танец «Гандагана», что только полы трещали. Но это не просто танец — ожили в нем старинные грузинские костюмы. А кахетинский школьный ансамбль пел народные песни — то старинные, торжественные хоровые напевы, то озорные, задиристые частушки.

Видели вы когда-нибудь «кулы» — сосуды, выдолбленные из тыкв? Когда в них наливают вино, воду, любую влагу, они журчат, будто

ЗДРАВСТВУЙ

торопись прислать на опорную базу экспедиции «Здравствуй!»

ДОНЕСЕНИЕ

Откуда вы?
Кто вы?
На, что вы готовы?
Чем мы поможем вам?

воркуют. Мелодично получается. «Кулы» к нам привезли юные краеведы из Сачхере.

Но самым интересным «живым экспонатом» — так решили все — стало ковроткачество.

На глазах у нас рождался кавказский ковер благородного рисунка — и это делали двенадцатилетние девчонки, да так уверенно, с таким мастерством, что все ребята прониклись к ним уважением.

Набивные ткани — тоже увлекательная вещь! Манана и Мэги живут высоко в горах, в Душети. Они отыскивали в горах красящий корень эндро, сами приготовили краску (этому их научили старики) и выткали платки, а узор «печатали» камушком.

Древнее искусство — чеканка. Возродили его большие художники и научили этому искусству тбилисских ребят, а с тбилисцами соревновались пионеры древнего селения Ван: кто лучше отчеканит, скажем, герб Грузии или виноградную лозу.

Вот какие «живые экспонаты» рассеяны по всей Грузии и собираются в Тбилисском Дворце пионеров. И тогда открывается наш «живой музей».

Нравится? А разве вы сами не можете устроить то же самое: собрать краеведов своего района, области, республики и создать такой «живой музей»?

Если не справитесь, пригласите нас, мы вам поможем.

Клуб юных краеведов Грузии.

ЮРА СИМОНОВ из Узбекистана рассказывает:

У нас был день поэзии! Давно был, еще летом, в лагере. Но мы его до сих пор помним.

Мы тогда дождались вечера, зажгли костер, и Аня Бакали — видно было, как она волновалась, — объявила:

— Открываем вечер «Памяти павших бойцов — будьте достойны!». Она прочитала назусть «Реквием» Роберта Рождественского, а Люда Николаева — «Вечный огонь» Гамзатова. Очень здорово было слушать эти стихи всем вместе возле костра! Люде и Ане долго аплодировали. Но больше всего хлопали все-таки Люсе Губановой: она прочитала свое стихотворение, которое написала к этому дню. Мы давно догадались, что она его сочиняет: видели, как она пряталась от нас в беседку и чиркала что-то карандашом в тетрадке.

ИРА КАЛАШНИКОВА из города Никополя предлагает:

Хотите, девочки, связать ажурную кофточку? Я знаю красивый рисунок. Он вяжется просто, вот по такой схеме.

Если вы запомните эти обозначения, то легко расшифруете схему.

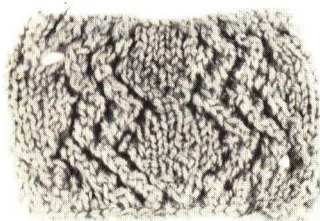
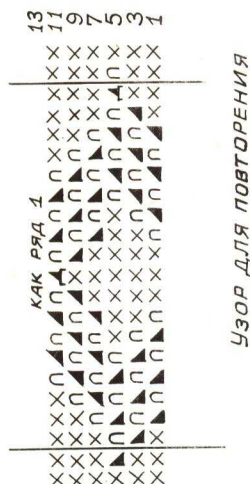

Юрий КАЧАЕВ

ВТОРАЯ ПРОФЕССИЯ

Полуденное небо над Крымом — как выгоревшая матроска... Запах влажного леса с привкусом земляники... Родниковый горный воздух, расколотый эхом... Широкие лапы пихты, даже на вид мягкие и теплые, как заячья шкурка...

- X - ЛИЦЕВАЯ ПЕТЛЯ
 O - ИЗНАНОЧНАЯ ПЕТЛЯ
 П - НАКИД
 ▲ - ДВЕ ВМЕСТЕ (ЗА ВЕРХНИЕ ДОЛЬКИ)
 ▴ - ДВЕ ВМЕСТЕ ПРОВЯЗАННЫЕ СПОСОБОМ ПЕРЕКИДКА (1 СНЯТЬ, 1 ПРОВЯЗАТЬ ЛИЦЕВОЙ, ЗАТЕМ ПЕРВУЮ ПЕРЕКИНУТЬ ЧЕРЕЗ ВТОРУЮ)
 ▲ - 3 ПЕТЛИ ПРОВЯЗАННЫЕ СПОСОБОМ ПЕРЕКИДКА (1 СНЯТЬ НЕ ПРОВЯЗЫВАЯ СЛЕДУЮЩИЕ ДВЕ ПРОВЯЗАТЬ ВМЕСТЕ ЛИЦЕВОЙ, А ЗАТЕМ 1 ПЕРЕКИНУТЬ ЧЕРЕЗ ПОЛУЧЕННУЮ ВТОРУЮ)

Все четные ряды вяжите изнаночными петлями. Прежде, чем вязать всю кофточку целиком, сделайте образец вязки. Наберите 24 петли (количество петель должно быть кратным — допустим, 18 плюс две петли за рамкой рисунка плюс две петли для края).

Может быть, рисунок вам понравится и кофточка получится красивая, тогда напишите мне. Мой адрес: Днепропетровская область, г. Никополь, ул. Дыбенка, дом 59/б, квартира 32.

ГАЛЯ ВОРОНЦОВА из города Раменское передает:

Не знаю, как у вас, а у нас ребят в Раменском прок и малым и старым. Старым помогают убрать в доме, сбежать на рынок или в магазин. Малым читают сказки, затевают игры. А для всего города и для себя самих посадили вдоль улиц цветы, окопали деревья, расчистили парк.

А вы у себя во дворе и на улице много ли успели сделать?

Но вот гаснет экран, и ты сидишь в четырех стенах. Однако чувство пережитого не исчезает, и на душе свежо, будто ее ополоснул светлый летний ливень.

Я говорю сейчас о видовых лентах, снятых студией «Юнфильм». Их создатели — вовсе не маститые «киношники», а просто ребята из московской школы № 630.

«Море и берег», «Белые камни Актаса», «Дорогами гор» — и сразу за названиями фильмов имена авторов: Николай Мельников, Евгений Гроссман, Александр Пахоменков, Юрий Нейман.

В ноябре «Юнфильм» отметил свой десятилетний юбилей. За эти годы снято более двадцати лент. На смену видовым фильмам пришли другие, более сложные, более дерзкие по замыслу. И вот первая удача, да какая! На Всесоюзном фестивале самодеятельного искусства (1967 год) фильм «Отойди от моей лошади» был признан одним из лучших, а его авторы (режиссер Коля Мельников, оператор Сережа Ткаченко, исполнитель главной роли Володя Чехлов) привезли в школу памятную медаль и приз.

Не стоит пересказывать содержание картины. Ее неоднократно показывали по Центральному телевидению, да и многие из вас читали одноименный рассказ ленинградского писателя Сергея Вольфа. Я этот фильм видел. В нем есть вставные мультипликационные кадры, сделанные настолько профессионально, что я спросил:

— А кого из художников вы приглашали с «Мультфильма»?

Ребята переглянулись и засмеялись:

— Мы варягов не зовем. Вот они, наши мультипликаторы. И показали на Сережу Ткаченко и Сашу Желгина.

Очень понравилась мне прошлогодняя картина, хроника школьной жизни — «Осень-67», детище совсем молодых членов «Юнфильма», восьмиклассников Алика Терехова и Сережи Чупарова.

Обучение в студии начинается знакомством с историей кино, потом ребята изучают фото- и киноаппаратуру, ведут операторскую работу. Резкого разделения по специальностям нет, и если у оператора, как зуб мудрости, прорезывается вдруг талант сценариста — милости просим, давай на обсуждение твой сценарий.

Одно печально: в студии только мужчины. Загадка? Да. Но на нее есть и отгадка. Алик Терехов выразился так:

— У девчонок пороку не хватает. Сниматься-то они сломя

После уроков. Портфель в сторону — и снова занятия, но уже в другой школе — «школе кино».

«А вы в кино сыграть смогли бы?»

голову бегут. И лекции по искусству слушают. А как дело доходит до техники, тут они в кусты. Тут же думать надо. (Девочки из 630-й! Неужели Алик прав?!)

Думать на занятиях студии и взаправду надо. Вот вам несколько вопросов, которые вы увидите перед собой, вытащив билет на экзамене (экзамен сдают после двух лет занятий в студии):

1. Фотосъемка портретов.
2. Деталь в киномонтаже.
1. Относительное отверстие объектива.
2. Режиссерская разработка.
1. Обработка пленки по способу обращения.
2. Работа на натуре и в павильоне и т. д.

Сдал экзамен и можешь снимать фильм самостоятельно.

Подготовка в студии ведется, как видите, серьезная, руководит «Юнфильмом» оператор Московской киностудии имени Горького Валерий Петрович Базылев, а главными помощниками у него уже знакомые вам люди: Сергей Ткаченко, Евгений Гроссман и Юрий Нейман (ныне студенты ВГИКа). Евгений Гроссман только что закончил работу над новым фильмом «Эскимо в шоколаде».

Недавно отснята и лента «Четыре страницы Болгарии» — своеобразный отчет студийцев о поездке в братскую страну.

Выбор пал на Болгарию не случайно: ведь школа носит имя Георгия Димитрова.

Сейчас юнфильмовцы пишут сценарий для новой картины. Она называется «Капитан Нырков». Это будет фильм о советском летчике, сбитом под Старой Рузой. О его подвигах в тылу врага до сих пор ходят легенды. О его гибели сведений нет. И будущим летом юнфильмовцы поедут в Старую Рузу, чтобы встретиться со старожилами, записать на пленку свидетельства очевидцев, поднять архивы. Это будет фильм-поиск.

На днях стенгазета студии «Вестник Юнфильма» поздравила со вступлением в члены кружка еще четверых ребят. Еще четыре пары пытливых глаз смотрят сейчас в объектив кинокамеры. И пусть через десять лет эти ребята будут вглядываться в звездное небо или в окуляр микроскопа, — с ними останется навсегда вторая профессия — профессия людей, умеющих видеть прекрасное.

Внимание! Снимается новый фильм «Эскимо в шоколаде».

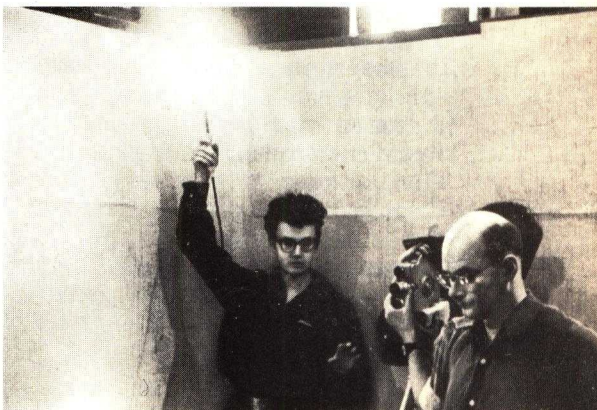
—А я, пожалуй, снял бы этот кадр иначе...

Кадр из фильма ►

«Ну, так я и знал. Опять придется делать дубль!»

«Бенгальский огонь» в руке Жени Гроссмана — как стартовый пистолет. Приготовились!.. Начали!

Домой

Стучат колеса «тук-тук-тук»,
Везут они меня не к морю, не на
юг,

А в сторону обратную — домой.
И буду вспоминать я летом и зимой
Бескрайнюю равнину моря
И ласковый прибой.

В Крыму красивы горы!
Там есть Медведь-гора,
Дворец, гнезду подобный,
И Царская тропа.

Я там училась плавать
И с маскою нырять,
Но, право, не жалею,
Что в поезде опять.

Лариса РОЩУПКИНА, 11 лет.
г. Ленинск-Кузнецкий.

Зима

Вот зима подходит,
Грозная идет.
Умирает осень
И вмерзает в лед.

А зима, преграды
Руша на пути,
Продолжает к власти
Сквозь огонь идти.

Шторм бушует зимний:
Снег не снег — туман.
Это над землею
Властвует зима.

Яша БАВИЛЬСКИЙ, 14 лет.
г. Вильнюс.

Белочка

РАССКАЗ

Лариса КАРПЫЧЕВА, 13 лет.
г. Щучинск.

Сразу около нашего дома начинается лес. На одном дереве мы прибили кормушку — и почти каждый день к кормушке прибегает белочка. Хвостик у нее серенький, сама она рыженькая. Глазенки любопытные сверкают — все понимают.

Принесешь хлеб белочке, сухарей и конфет — она на всякий случай сядет повыше на ветку и следит. Как отойдешь — так она и начинает праздновать. Хлеб съест, конфету возьмет, развернет и тоже начинает грызть.

Так она ходила и навещала нас почти каждый день. Потом белочка совсем ручной стала. Прибежит, посмотрит на нас, а мы уже знаем, чего она хочет. Дашь ей орех, а она прямо с рук берет. Потом подбежит к воде, где пьют куры, опустит головку и начинает лакать.

После, когда она уже накушается, а запасы у нее еще останутся, она возьмет их и спрячет куда-нибудь. Потом нередко сама не сможет найти — и мы ищем-ищем, да так и не найдем. А она, рыженькая, бежит себе: ей и дела мало. Свистит, как соловей.

Сильно полюбили мы белочку, очень уж она хорошая и интересная. Да и мы ей понравились.

МОЙ ПЁС

Рисунки
ВИКТОРОВА Миши,
13 лет, г. Бронницы,
Московская область

СТИХИ ИРЫ ХАЗОВОЙ

Глупый кот и цмная мышка

«Бу-бу-бу, бу-бу-бу!» —
Закричала мышь в трубу.
Кот в испуге завопил,
Завопил, заголосил,
Шапку в охапку —
И был таков...
А котова хатка —
Нынче мышкин дом.
Мышка спит на подушке,
На одеяле — подружка.

Мышки весело живут:
Сыр жуют
Да квасок пьют!
По утрам они кричат:
«Тра-та-та!»
Вот как мыши обманули кота!

Мне 13 лет. Живу я в селе Октябрьское,
Брянской области.
Ира.

Спасибо лету

Спасибо, лето, что ты пришло,
Что много света с собой принесло!
Спасибо за поляну земляники!
Спасибо за куст ежевики!
Спасибо за небо чистое!
Спасибо за солнце лучистое!
Спасибо за теплую реку,
За тень и грибы в лесу!
Спасибо за все, что дало ты мне,
человеку!

И это «спасибо» я тебе принесу!
Принесу его вместе с эхом,
Принесу вместе с песней птицы,
Принесу вместе с ручейком
лесным этим,
Из которого каждый хочет
напиться.

В лунную ночь

Приснилось Озеру: оно
аж на Луну занесено.
А в эту ночь плыла Луна
по волнам Озера одна.

Юра АРТЮЩЕНКО, 14 лет.
совхоз «Красноармеец», Луганской области.

Осень

Как красиво листья
Падают, летят!
Как красива осень!
Листья... листопад.

Оля КИРИЛИЧЕВА, 12 лет.
г. Саратов.

ПОЧТА «КОРАБЛИКА»

Мне понравился рассказ Веры Анфиногентовой «Сороки»¹. Может, какая-нибудь девочка увидела бы сорок, суеющих в мыльной пене, — она и внимания бы на них не обратила, ей бы и в голову не пришло, что об этом можно написать. А ведь это не каждый и не всегда может увидеть. Я, например, никогда не видела сорок, которые что-то ищут в мыльной пене.

Марина ОРЛОВА, 11 лет.
пос. Солотча, Рязанской области.

¹ Рассказ был напечатан в апрельском выпуске «Кораблика» (примечание редакции).

Дорогая редакция!

Я посылаю вам стихи.

Мне двенадцать лет. Живу я в городе Владивостоке.

Еще с детства я полюбила зверей, птиц и природу. Вот мой первый стишок:

Мяу-мяу! Мяу-мяу!
Я ходила по базару.
Я купила мышку,
Я купила книжку.

Хотя стих получился не совсем в рифму, я была страшно рада.

У второго моего стишка нет ни начала,

ни конца. Я начала сочинять его с середины. Вот он:

«Ах ты, глупый Крокодил,
Ты же кошку утопил!»
Отвечает Крокодил:
«Никого я не топил.
Кошку эту я поймал,
А потом ее купал».

Сочиняя эту «поэму о глупом Крокодиле» (так я назвала этот стих), я чуть не разревелась. Мне было жалко кошку...

Света ГУЛЕНКО

ОЛЕ КИРИЛИЧЕВОЙ

«Кораблик» не только печатает стихи, рассказы, сказки и рисунки ребят. Редакция «Кораблика» отвечает на письма. И очень досадно бывает нам, когда некоторые ребята не пишут в письме своего точного адреса.

Нам, Оля, понравилось твое стихотворение «Осень», и мы его напечатали. Но вот жаль, что мы не могли написать тебе подробно о других твоих стихах, так как не знаем твоего адреса полностью.

РЕДАКЦИЯ

ЭКЗАМЕН НА РЫЦАРЯ, или РЫЦАРЬ НА ЭКЗАМЕНЕ

Валерий МЕДВЕДЕВ

Маленькая трагедия...
а может быть, большая

Часть школьного театрального зала с небольшой сценой. На возвышении возле столика стоит Зина Кузнецова, в руках у нее тетрадка. Она трепетно прижимает ее к груди.

Зина. Список упражнений на Рыцаря первой и второй ступени есть! Значки сейчас будут! А от желающих получить такие значки не будет, конечно, отбоя! Молодец, Нина! Здорово придумала! Идешь по улице и сразу видишь, кто идет тебе навстречу — рыцарь или нет.

В комнату вбегает Нина Монина с коробкой в руках.

Нина (трясет на бегу коробкой, подпрыгивает и поет). Все же ей выпала честь! Рыцари были! Рыцари будут! Рыцари, рыцари есть!

Зина. Пока есть только значки!

Нина. И какие красивые! (Открывает коробку.) Первая серия!.. Продолжение следует!..

Зина (бережно берет в руки значок).

Рисунки П. БАГИНА

Ой, Ниночка, какой красивый!.. И с буквами!..

Нина. Сама придумала! Силуэт рыцаря в серебряных доспехах и надпись ВТО первой ступени! А это (раскрывает другую коробку) ...силуэт рыцаря в золотых доспехах и буквы ВТО второй ступени.

Зина. А ВТО — это что значит?

Нина. Вежливо-Тактичное Обращение! Первой ступени — ВТО вообще!

Зина. А второй ступени?

Нина. Это повышенной трудности...

Зина. Что значит повышенной?

Нина. Значит, Вежливо-Тактичное Обращение вообще... и... с родственниками... А то, знаешь, есть такие люди, вроде нашего Черепанова: он в школе со всеми вежливый, а ты бы послушала, как он дома со своей бабушкой разговаривает...

Зина. Я думаю, что девочкам будем вручать значки без экзаменов.

Нина. Здравствуйте! Никому никаких исключений. Девочки тоже разные бывают.

На сцену незаметно входит Игорь Зуев; в одной руке у него книга, в другой — булка. Подкравшись неслышно, Игорь дергает за косы Нину Монину со словами: «Два длинных, один короткий! У вас все дома?» Затем он ловко выдергивает у Зины из прически ленту, повязанную бантом, приговаривая: «В хозяйстве и веревочка пригодится!..» Зина от неожиданности ойкает, а Нина роняет из рук коробку со значками. Значки рассыпаются по полу...

Игорь (жует булку). Какие значочки! У меня таких нет! (Поднимает с пола целую горсть «рыцарей» и хочет спрятать их в карман. Зина и Нина хватают его за руку с двух сторон сразу.)

Зина. Добром отдай, а то рыцарь со своими ребятами вызовет тебя на дуэль.

Игорь (испуганно возвращает значки). Подумаешь, из-за какого-то значка такие угрозы!

Зина. А ты знаешь, что такое ВТО?

Игорь. Не знаю, что ли? Общество...

Нина. Какое общество?..

Игорь. Всероссийское Театральное...

Зина. А вот и не угадал! ВТО — это общество людей Вежливо-Тактичного Обращения.

Игорь. Вежливо-Тактичного Обращения? А разве есть такое общество? Первый раз слышу...

Нина. Чувствуется, что первый раз... Перестань жевать, когда разговариваешь...

Игорь. Девочки, ну хоть продайте значок!

Зина. Тебе сказали: значок не отбывается, не продается, не покупается, не выменивается и не дарится.

Игорь (плачущим голосом). Девочки, ну я хочу иметь такой значочек!

Зина. Сдай нормы на ВТО и будешь иметь значочек...

Игорь. Кому сдать-то?

Зина. Нам. Нина Монина — председатель приемной комиссии, я зав протокольным отделом...

Игорь (хватается за голову). Председатель... зав... протокольным отделом... А я их... Не видать мне значков, как своих ушей!

Зина. Ну что, Зуев, испугался?

Игорь. Я бы сдал, так ведь завалите...

Нина. Почему завалим?

Игорь (виновато опустив голову). За... «два длинных»... и за... «веревочку»...

Нина (улыбаясь). Ладно, мы с Зиной незлопамятные.

Зина. Мы тебя прощаем.

Игорь (пытается на радостях обнять Нину). Девочки! Большое спасибо! Я больше никогда не буду!

Нина (строго и официально). Зуев, пожалуйста, без телячьих нежностей. Идите

и готовьтесь к экзамену... Вот эти книги вам пригодятся. Тут про рыцарей и про мушкетеров... (Достает из портфеля стопку книг.)

Зина (открывает портфель и извлекает из него две папки). А здесь статьи о хорошем тоне. Это я из разных газет и журналов вырезала...

Игорь. Да не надо мне ничего! Что я, дикарь какой, что ли? Не знаю, как себя в обществе вести? Я и так сдам...

Нина (с сомнением). Судя по тому, как вы, Зуев, на переменках...

Зина. Да и на уроках... тоже...

Нина. Впрочем, давайте попробуем... Вот сборник упражнений, это нормы вежливости...

Игорь. Понятно...

Зина (читает). Упражнение номер один на примитивное рыцарство.

Игорь. На примитивное... Понятно... Подойдет...

Зина. В комнату входит девочка. Что вы делаете, Зуев?

Игорь. Я говорю ей: «Здравствуйте!», «Хау ду ю ду!», «Бон жур!», «Гутен таг!».

Нина. Правильно!

Игорь. Еще бы! Что мы, дикари, что ли? Раз входит девочка, значит, «Здравствуйте!». Уходит: «Пока». (Поет.) А риведерчи, Рома. Давайте значок...

Нина. Ишь вы какой, Зуев! Думаете, сказали «Здравствуйте» — и значок вам? Может, вам за это еще орден дать?..

Зина. Упражнение номер два. Мы с вами, Зуев, едем в трамвае... Все места заняты. Мы стоим.

Игорь. Понятно.

Зина. Наконец на одной из остановок освобождается место. Кто из нас первый занимает его?

Игорь (задумывается). Кто первый?..

Зина. Ну да. Отвечайте, Зуев!

Игорь. Вы меня не торопите... Задача не простая, надо в ней разобраться.

Нина. Пожалуйста, разбирайтесь.

Игорь. Значит, освобождается сиденье? Мы с вами стоим?

Зина. Да. Кто занимает место первым? Игорь. Первым займет место тот, кто обгонит второго...

Нина. Молодец, Зуев! Кто кого обгонит... Вот, полюбуйтесь на него — рыцарь двадцатого века. Он будет с девочками наперегонки по вагону бегать... Может, вы еще из-за места подеретесь с нами? Вы же мужчина. А муж-чи-на во много раз сильнее женщины, выносливее, проворнее, значит, по логике вещей он должен что?

Игорь. Раз проворнее, то по логике вещей и должен успеть занять место раньше!..

Нина. Зуев... Я даже не знаю, что вам на это сказать. Ладно. Переходим к третьему упражнению.

Зина (читает). «Нормы по уступанию места женщинам в метро, трамвае, троллейбусе и других общественных местах...» Итак, вы, Зуев, сидите в троллейбусе, входит женщина...

Игорь. Знакомая, незнакомая?

Зина. Незнакомая. Что вы делаете?

Игорь. Если... незнакомая... то я... это.. продолжаю сидеть.

Нина. Интересно, а что же вы, Зуев делаете, если входит знакомая женщина?

Игорь. Говорю ей: «Здравствуйте!».

Нина. Молодец! Все усвоил!

Игорь. А что мы, дикари, что ли? В грязь лицом не ударим... Вошла женщина: «Здравствуйте!» Ушла: «До свидания». (Поет.) А риведерчи, Рома... Гуд бай... Оревуар...

Зина. А место кто будет уступать женщине?

Игорь. Кто будет?

Нина. Мы вас спрашиваем, Зуев!

Игорь. Кто будет уступать? Кто сдал на значок, тот пусть и уступает, я пока еще экзаменуюсь...

Нина. Боюсь, Зуев, что так вы не получите значок Рыцаря никогда.

Игорь. Тогда разрешите пересдать упражнение.

Нина. Ладно, пересдайте!

Игорь. Значит, я сижу, входит женщина.

Нина. Да.

Игорь. А за сколько остановок до моего дома это происходит?

Зина. Какое это имеет значение?.. Ну, предположим, за три...

Игорь. За три остановки? Ясно.

Зина. Итак, женщина входит и останавливается рядом с вами, Зуев. Что вы делаете?

Игорь. Я ей шепчу...

Нина. Как шепчете?

Игорь. Шепотом, конечно, чтобы мужчины не слышали... (Шепчет.) Гражданка, вы это... Следите за мной повнимательней...

Нина. Это почему?

Игорь. Потому, что мне через три остановки сходить. Так что вы с меня глаз не спускайте, а как заметите, что я начну подниматься, сразу занимайте мое место, а то у нас, сами знаете, какие рыцари бывают: оглянуться не успеете, как место займут...

Нина (качает головой). Эх, Зуев, Зуев!.. Следующее упражнение...

Зина (читает). Вы идете со знакомой девочкой по улице... Невоспитанный парень, проходящий мимо, грубо толкает девочку... Что вы делаете?..

Игорь. Я?.. Это... Я... А парень один или много?..

Нина. Какое это имеет значение?

Зина. Нет, я, Нина, понимаю вопрос Зуева... (Игорю.) В данном упражнении для проявления рыцарского поведения чем больше группа, тем лучше. Так, Зуев?

Игорь. Я бы этого не сказал...

Нина. Ну так что вы делаете, Зуев?..

Игорь. Значит, они... ее... толкают?..

Зина. Толкают...

Игорь (делает вид, что засучивает рукава). Тогда я... это... говорю...

Зина. Так, так...

Игорь. Я говорю: «Пойдем, Маша, а то они еще и мне по шее нададут». Драться ведь нехорошо?..

Нина. Драться! Вы, Зуев, когда-нибудь читали «Три мушкетера»?

Игорь. «Три мушкетера»?

Нина. Да. Или рыцарские романы?

Игорь. Давно. В детстве.

Нина. Следующее упражнение...

Зина. Зуев, вы стоите в метро рядом с незнакомой девочкой...

Игорь. Ну... Стою...

Зина. Что вы будете стараться?..

Игорь (перебивая). А девочка симпатичная?

Нина. Какое это имеет значение?

Игорь. Как какое? Если симпатичная, я буду стараться с ней познакомиться...

Зина. Зуев, вы сначала дослушайте упражнение до конца, а потом отвечайте.

Игорь. Простите.

Зина. Вы стоите в метро рядом с незнакомой девочкой. Предположим, я незнакомая девочка. В руках у меня авоська. Из авоськи на пол падает сверток.

Игорь (задумывается). Что я делаю?

Нина. Итак...

Игорь. Я смотрю на сверток...

Нина. Правильно!

Игорь. И говорю: «Девочка, вы что-то уронили...»

Нина. Значит, так таинственно и скажете: «Девочка, вы что-то уронили...»?

Зина (возмущенно). Что-то!..

Игорь. А что я должен, этот сверток развернуть, что ли?

Нина. А кто, по-вашему, должен этот сверток поднять?

Игорь. Кто должен поднять?

Нина. Мы вас спрашиваем.

Игорь. Смешной вопрос! Кто уронил сверток, тот должен и поднять его. У нас лакеев нет.

Нина. Правильно! Лакеев у нас нет, но есть — кто? — вежливые мальчики, и они — что? — должны поднять сверток с пола... (Нина поднимает сверток.) Вот так!

Игорь. Спасибо!..

Зина. Здравствуйте! Вы, Зуев, должны поднять сверток, а она — сказать «спасибо».

Игорь. Я ей и сказал «спасибо».

Зина. За что?

Игорь. За то, что она сама подняла. Сначала запутали, а потом придираетесь...

Нина (Зине). Переходи к следующему упражнению...

Зина. Вы, Зуев, идете по правой стороне улицы. Осень. Гололедица. Скользко. Панель не посыпана песком.

Игорь. А левая сторона...

Нина. Что левая?

Игорь. А левая посыпана?

Нина. Предположим, посыпана. Впереди вас идет старушка. На углу она поскользнулась и упала. Что вы делаете?

Игорь. Сразу же перехожу на левую сторону...

Зина. Это почему же?

Игорь. Потому, что вы сказали, что левая сторона посыпана песком...

Нина. М-да. Знаете что, Зуев, вот вам разные пособия. (Протягивает Зуеву стопку книг.) Позанимаетесь дома и завтра сдадите нам с Зиной.

Игорь. Ладно, позанимаюсь... (Неохотно берет книги. Достает из кармана булку и снова начинает жевать.) Старался, старался... только проголодался...

Нина. Между прочим, когда разговаривают, то жевать...

Игорь (грубо). Да ладно, еще всякие саявки тут будут мне замечания делать!

Зина. И руки в карманах держать...

Игорь (обрывает). Не в чужих держу, а в своих...

Нина и Зина (пораженные тоном Зуева). Зуев! Вы с ума сошли, Зуев! Как вы разговариваете?! Вы же собираетесь стать Рыцарем первой степени!

Игорь (жует булку). Ну и что, что собираюсь? (Развязно подходит к Нине и дергает ее за косу.) «Один длинный, два коротких!.. У вас все дома?» (Выдергивает у Зины из прически ленту, повязанную бантом.) В хозяйстве и веревочка пригодится!..

Нина и Зина застывают в неподвижных позах с разведенными в стороны руками.

Нина. Зуев, мы просто отказываемся вас понимать.

Игорь. Что же тут непонятного? Это же я на прощание. В последний раз, завтра дам — и все!..

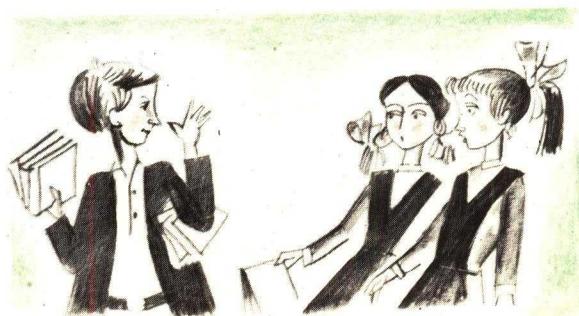
Зина (улыбаясь). Ну, если на прощание...

Нина (улыбаясь). Тогда другое дело!.. Тогда, Игорь...

Нина и Зина (вместе). Ни пуха тебе, ни пера!

Игорь. К че... ой, извините!..

ЗАНАВЕС

О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ ЗНАЧКИ...

Вл. ПАВЛОВ

2

СЕКРЕТ ГОРНОГО ТУРА *

Стоило гитлеровцам обнаружить пещеру, в которой расположился госпиталь, и раненые обречены. Доктор Валуа понимал это. Сам он мог спастись — уйти в горы вместе с отрядами. Но ему и в голову не приходило бросить товарищей.

Это рассказывал нам майор Леспо, бывший командир одного из отрядов маки, которые действовали на горе Веркор. Веркор даже не гора, а целый горный массив в Альпах неподалеку от города Гренобль — от того самого, в котором прошлой зимой происходили зимние олимпийские игры. Среди скал этого горного массива во время войны располагался крупный партизанский лагерь, в котором обосновались отряды ФТПФ — франтиреров, вольных стрелков или маки — так называли партизан во Франции.

Разумеется, у маки, как и у всех партизан, не было форменной одежды. Большинство из них ходило в штатском. И, чтобы узнавать своих, они носили на рукавах вот такие нашивки, с надписью «Verkor», которые в перерывах между боями вышивали девушки-партизанки.

Имя доктора Валуа я впервые прочитал на мраморной доске, которая вделана в стену гренобльского завода «Норпик», за минуту до начала забастовки. Почему имя доктора Валуа вписано золотом среди имен рабочих этого завода, которые в годы войны ушли в горы и погибли в боях с фашистами? Я хотел расспросить об этом, но не успел.

Заревел гудок. Двери цехов распахнулись. Наружу повалили люди в замасленных спецовках. У мраморной доски зашумел митинг.

* Первую историю о значках Вл. Павлов рассказал в 9-м номере «Пионера».

Значки и нашивка, которые я привез из Франции.

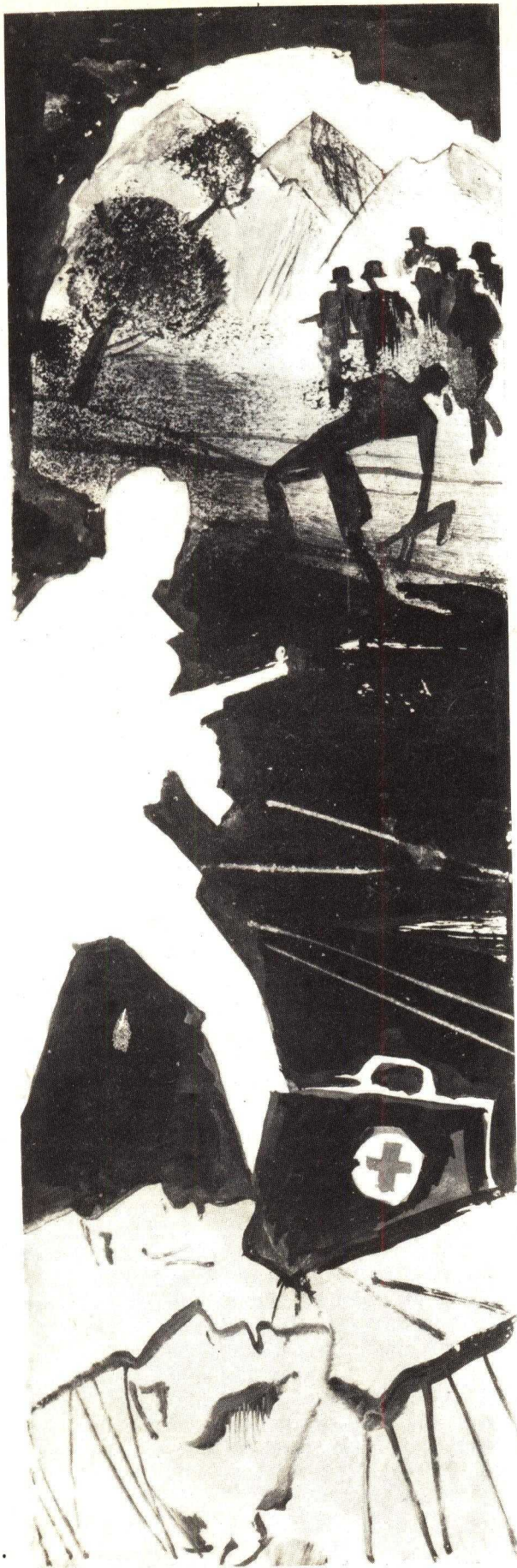
Тысячи кулаков взметнулись вверх. Забастовка началась.

Кем был доктор Валуа, я узнал только на другой день, на встрече нашей делегации бывших советских партизан с бывшими французскими маки, которые сражались с врагом в горах под Греноблем.

Встреча происходила в гренобльском пригороде, в большом, до отказа забитом зале. В распахнутые окна виднелись снежные вершины Альп, озаренные заходящим солнцем. Свежий ветерок тянул с гор, шевелил занавески и развешенные по стенам старые военные карты и схемы, на которых майор Леспо показывал, как наступали фашисты на партизанский лагерь Веркор и пути отхода партизанских отрядов.

В зале стояла мертвая тишина. По лицам присутствующих было видно, как вновь и вновь, следуя за рассказом Леспо, вспоминают они события тех далеких и трудных дней, как отходят по каменистым склонам, как огрызаются огнем от наседающих врагов.

— 13 июля 1944 года на лагерь обрушился огонь тяжелой артиллерии, — рассказывал майор Леспо. — На партизанском аэродроме, на котором мы принимали самолеты из Алжира — от французского правительства и самолеты союзников, высадился вражеский десант. С трех сторон к Веркору двинулись вражеские дивизии... Застигнутые врасплох, маки отступали в горы, с трудом сдерживая натиск фашистов, которые преследовали нас по пятам. Нам пришлось оставить немало нашего нехитрого имущества и снаряжения, но все это были пустяки по сравнению с госпиталем, в котором лежали тяжелораненые партизаны. Этот госпиталь рас-

полагался в пещере, неподалеку от нашего аэродрома, на котором высадился вражеский десант, и мы не могли добраться до него и спасти товарищей.

...Доктор Валуа и несколько раненных в ноги партизан, которые могли держать оружие, лежали у входа в пещеру и смотрели, как, извиваясь змеей, по дороге, что проходила в ста метрах, двигалась колонна фашистских войск. Остальные раненные молча, в напряженном ожидании лежали внутри пещеры на охапках душистой альпийской травы, заменявшей больничные койки.

Вражеская часть уже почти миновала пещеру, и доктор Валуа отер было пот, крупными каплями выступивший на лбу, как вдруг от колонны отделился десяток солдат и двинулся по тропинке, которая вела к госпиталю.

«Все!» — пронеслось в голове доктора, и он нажал спуск своего автомата.

Бой был неравным. Гитлеровцы ворвались в пещеру. Они сбросили раненных (среди них было несколько рабочих с завода «Норпик») в пропасть, а доктора Валуа, который отстреливался до последнего патрона, захватили в плен. Доктора отвезли в Гренобль, в гестапо, допрашивали каждый день, требуя, чтоб он назвал адреса подпольных явочных квартир и имена партизанских связных, били и пытали. Но доктор молчал. Тогда взбешенные фашисты зашили его в мешок с камнями и утопили в быстрой горной реке Изер, на которой стоит Гренобль.

— Теперь, — заключил майор Леспо, — в нашем городе открыт музей доктора Валуа. А на гренобльских заводах и фабриках его имя начертано на мемориальных досках вместе с именами бывших рабочих — тех наших товарищей, которые были ранены и погибли в пещере и жизнь которых он защищал до последнего дыхания.

Майор смолк. И все встали и застыли в молчании, чтя память погибших. И я, выстаивая эту траурную минуту молчания, смотрел за окно, на суровые отроги Альп, на которых во время войны, ни на минуту не затихая, гремели бои, и думал о бесстрашном докторе Валуа.

А потом мои мысли унеслись далеко-далеко в чащи Брянского леса, к нашему партизанскому госпиталю, к моим раненым товарищам.

Но эту историю ты узнаешь в следующем рассказе.

А тут мне остается лишь добавить, что именно тогда, в Гренобле, французские друзья — бывшие маки — подарили мне значок, сделанный в виде национальной эмблемы Франции — фригийского колпака, на котором стоят буквы ФТПФ — франтиреры, вольные стрелки, — алюминиевого тура с памятным словом «Веркор», и нарукавную нашивку, на которой это же слово вышили де-вушки-партизанки.

Такой значок носят бывшие партизаны Брянщины.

В середине августа сорок второго года мы добрались наконец до Брянского леса, до той его части, которая называется софиевскими лесными дачами и лежит на границе трех республик — Украины, Белоруссии и России. После хилых, саженных перелесков Черниговщины софиевские дачи показались нам сущим раем. В них мы надеялись передохнуть, принять самолеты с Большой земли, получить оружие, боеприпасы, питание к нашему верному «Северку» — партизанской радиции, медикаменты и письма. А главное, рассчитывали отправить раненых.

Словом, когда, тронутые первой осенней желтизной, своды софиевских дач сомкнулись над нашими головами, все мы облегченно вздохнули. А радоваться-то было нечему. Мы не знали, что фашисты готовят нам здесь ловушку. Не знали, что на соседних станциях срочно разгружаются крупные гитлеровские части, специально снятые с фронта, чтоб уничтожить наше партизанское соединение, не знали, что со всех сторон к софиевским дачам стягиваются вражеские войска. И как только мы втянулись в лес, вокруг нас сомкнулось вражеское кольцо.

Ночью мы попытались провезти раненых и обоз через небольшой лесной поселок Новый Путь. Через этот поселок проходила единственная дорога, по которой мы могли вывезти наших раненых товарищей. Шестьдесят повозок санчасти стояли наготове в голове вытянувшегося на поляне партизанского обоза, готовые в случае успеха ринуться в обрзовавшуюся брешь.

Группа прорыва, лучшие наши хлопцы, которые вызвались первыми вступить в бой, собралась вокруг штабной повозки. Командир соединения, секретарь подпольного обкома партии Алексей Федорович Федоров, прежде чем отдать приказ, молча долго вглядывался в каждого из этих хлопцев, многим из которых — мы знали — не суждено дожить до

утра. О чем думал командир? Каждый из этих хлопцев был дорог ему, как сын, как брат. С каждым он не раз сидел у костров, не раз делил последнюю корку хлеба, не раз был рядом в бою. Может быть, командир вспоминал все это?.. А может, хотел просто оттянуть на минуту, на две отдачу боевого приказа, который — это знали все — должен быть непременно отдан?.. Приказ, который бросит бесконечно близких и дорогих ему людей в неравный истребительный бой.

— Ну, — сказал наконец командир. — Есть решение обкома... Мы подбирали поименно каждого. Но имейте в виду: каждый идет добровольно.

И через час в ночной тьме грянул бой. Группе прорыва удалось выбить врагов из окопов и захватить крайние дома поселка. Но в бой пошли немецкие танки, и кольцо окружения, прорванное с таким трудом, сомкнулось вновь.

И тогда по колонне пробежал новый приказ: «Бросить повозки, перейти на вьюки. Раненых нести на руках».

Черт его знает, как нам удалось в кромешной тьме кое-как смастерить вьюки, как удалось сделать носилки из жердей, плащпалаток, одеял и домотканых крестьянских ряден! Что бы там ни было — все было сделано. И вот незадолго до рассвета головная походная застава осторожно ступила в болотную трясиину. Следом за ней двигался взвод прикрытия, а дальше самое драгоценное — 60 носилок, каждые из которых несли четверо.

60 носилок — 240 носильщиков.

Не буду рассказывать, как пересекли мы болото. Может, задержись мы еще на сутки в софиевских дачах, наш болотный марш закончился бы трагически. Гитлеровцы, видимо, просто не подозревали, что мы, потерпев неудачу под Новым Путем, тут же начнем следующую попытку.

Рассвет застал нас в мелком орешнике, в каком-нибудь десятке километров от места ночного боя. Опасность ничуть не уменьшилась: враг был совсем рядом и не скрывал своего присутствия. До нашего слуха то и дело доносились возгласы немецких часовых, лязг и рев танков, патрулировавших по дорогам. Со стороны Ново-Сергеевки, в которой, по всем признакам, располагался немецкий штаб, несмотря на рассветный час, слышались даже стонущие звуки джаза. Гитлеровцы не сомневались, что уничтожение нашего соединения — дело нескольких часов.

Мокрые, окончательно выбившиеся из сил, не выпуская из рук оружия, люди повалились там, где их застала команда «привал». Не спали только часовые. И еще командир.

Может быть, такие минуты и есть самые трудные в жизни командира и тем более секретаря обкома? Предстояло принять решение, от которого зависело, быть или не быть нашему соединению, зависела судьба не

только партизан, но и многих тысяч советских людей — жителей сел, местечек, городов того обширного района, в котором наше соединение было в то время единственным светлым островком Советской власти среди черного разлива гитлеровской чумы. И этот островок поддерживал в людях надежду на то, что фашистская ночь скоро кончится, что освобождение не за горами.

И Федоров — командир соединения и секретарь подпольного обкома партии — нес полную меру ответственности за судьбу партизан и за судьбу жителей перед своей совестью, перед Родиной, перед партией...

День тянулся долго. Я и сейчас помню бесконечные минуты страшного напряжения. Каждый звук, малейший шорох заставляли нас вздрагивать и крепче сжимать в руках оружие. Минуты, проведенные лежа (стоя нас могли заметить) и молча (говорить, и то шепотом, разрешалось лишь командирам в самых исключительных случаях), минуты, в которые было запрещено шевелиться, курить, кашлять. Партизаны лежали, смотрели вверх, в бездонное голубое небо, по которому ползли празднично белые кучевые облака, освещенные ярким солнцем.

В этот день нам не пришлось отбивать вражеских атак, прижиматься к земле под пулеметным огнем или под артиллерийским обстрелом, не пришлось ходить в штыки и кричать «ура». Ни одного раненого, не говоря уже об убитых, не принес этот день. И все-таки, если меня спрашивают, что было самое страшное на войне, в моей памяти неизменно встает именно этот день: кусты орешника, хлопотливо пошевеливающие листьями, белые облака в небе и страшное, разъедающее душу ожидание.

Многие, в том числе и старые, бывалые партизаны, не понимали, почему для останки были выбраны именно эти низенькие кусты, едва доходившие до плеча. Правда, кроме софиевских дач, кругом не было больших лесных массивов. Зато виднелось немало рощиц и перелесков, в которых росли настоящие высокие деревья. Был, наконец, в нескольких километрах и так называемый Зеленицкий лес, не раз служивший пристанищем небольшим партизанским группам. Но мы выбрали именно заросли орешника.

Около одиннадцати дня гитлеровцы начали артиллерийскую подготовку. Они стреляли по тому месту, на котором мы располагались накануне. Стреляли долго: видимо, не хотели нести потерь в наступлении, рассчитывали без боя захватить наш лагерь и взять в плен оставшихся в живых партизан. Артподготовка, которую начал враг, нас обрадовала: это означало, что наш ночной марш не был обнаружен.

Но вот смолкли орудия. А потом — сквозь ореховые ветки нам это было хорошо видно — по дорогам начали рыскать взад и вперед фашистские танки: каждую рощицу враги

прочесывали по два, по три раза. Но ночной дождь смыл наши следы. А низкие кусты, служившие нам убежищем, не привлекли ничьего внимания. И когда наступил вечер, все, в том числе и те, кто роптал, что эти хилые кусты станут местом нашего последнего привала, поняли, каким верным и мудрым был командирский выбор...

Да, страшен был этот долгий день.

И все-таки вечер был еще страшнее.

Сначала, как и всегда, мы почувствовали облегчение. Впереди была ночь — самое партизанское время. За короткие ночные часы можно было успеть перебраться в более безопасное место, выбрать лесок поболее, позицию поудобнее... И вдруг, как электрическая искра, пробежала невероятная новость: принято решение уходить без раненых.

Разумеется, каждый из нас в течение долгого дня думал о судьбе раненых. Мы понимали, что двигаться ночью с носилками невозможно. И все-таки никому не приходило в голову оставить наших боевых товарищей.

Тем не менее приказ был предельно ясен: оставить раненых с небольшой охраной на месте, остальным — немедленно выступать.

Никогда не забуду, как сгрудились мы вокруг наших хлопцев, которые беспомощно лежали на земле. Раненые молчали. Но каждый из тех, кто был здоров, чувствовал на себе их взгляды.

Только человек, пользующийся абсолютным доверием среди партизан и в то же время непоколебимо уверенный в правильности своего решения, чистый перед совестью и людьми, мог отдать этот приказ.

Алексей Федорович Федоров был именно таким человеком.

Еще раз обращаясь к партизанам, толпившимся вокруг носилок, он повторил:

— Да, раненые остаются. Но ненадолго, мы скоро встретимся, товарищи, не падайте духом.

Лицо командира было бледно. А глаза, скрытые под строго сведенными бровями, в сумерках догорающего дня было невозможно разглядеть.

Почти не таясь, с боями, совершая по пути налеты на фашистские гарнизоны и диверсии на железных дорогах, пересекли мы железную дорогу Гомель — Брянск, вдоль которой чуть ли не через каждые сто метров стояли немецкие посты, форсировали реку Ипуть и Беседь и укрылись в чащобах большого Брянского леса.

Расчет командира оправдался: фашистские карательные отряды ринулись следом за нами, а раненые и их охрана остались никем не замеченными. Прошло небольшое время, и все они вернулись в соединение, а затем были отправлены на Большую землю.

*

Вот о чем я вспоминаю, когда смотрю на значок с красной партизанской личкой на зеленом поле... Значок партизан Брянщины.

Конкурс «Черный диск» был объявлен в третьем номере нашего журнала. Мы просили читателей: расскажите о своей фонотеке (собрании пластинок), о любимой пластинке, о том, как она пришла к вам в дом и как вы ее слушали.

Восемьсот одиннадцать ребят набрались храбрости и сели за сочинения. Одни писали большие, подробные работы; другие — всего несколько строчек; некоторые просто отвечали на вопросы по порядку, в нескольких словах. Но мы не обращали внимания на размер сочинений: читать их было интересно все подряд. Когда объявляли конкурс, редакция собиралась присудить десять премий, но письма пришли такие хорошие, что мы решили увеличить число премий втрое.

В списке любимых — очень разные пластинки. Одни ребята любят классическую, симфоническую, серьезную музыку, другие — современные песни, третьи — русские народные песни или довоенные советские песни — «Тачанка», «Каховка», «Тучи над городом встали». У кого какой вкус. Мы вовсе не отдавали предпочтение тем, кто любит классическую музыку; но само собой получилось так, что среди победителей больше ребят, любящих музыку серьезную. Почему это? Возможно, потому, что тот, кто приучил себя слушать серьезную музыку, кто чувствует ее и любит, тот и сам становится человеком более серьезным и глубоким, и сочинения таких ребят выделяются.

Писать о музыке очень трудно. Если бы музыку можно было полно и точно передать словами, тогда и музыка была бы не нужна. Поэтому лучше поступили те

В ПЛЕНУ У ФЕИ МУЗЫКИ

★ КОНКУРС ★
★ ЧЕРНЫЙ ДИСК ★

ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА И ИХ ЛЮБИМЫЕ ПЛАСТИНКИ

Банний Александр. Песня «Наш сосед». Ленинград, Л-218, Комсомольская ул., д. 8

Батулина Софья. Первый концерт для фортепиано с оркестром Чайковского. Узбекская ССР, Кашнадарьинская обл., ст. Карши, Кузарское шоссе, д. 3/4

Войтович Люда. Романс «Я встретил вас» в исполнении И. Козловского. О. Сахалин, Тамаринский район, пос. Ильинское, Мехколонна № 98

Вересова Ира. «Лунная соната» Ветховена. Вологодская область, п. Устье, Комсомольская ул., д. 16, кв. 1

Горелик Ира. Песня «Хромой король» в исполнении Вадима Муллермана. Саратов, 2. Михайловская ул., д. 36, кв. 45.

Ерохина Валя. Записи Ф. И. Шляпина. Тула, 32, Ленинский район, д. Малевка, д. 78

Замалетдинов Рустэм. Первый концерт для скрипки с оркестром Паганини в исполнении В. Третьякова. Башкирская АССР, г. Октябрьский, ул. Горького, д. 15, кв. 64

Занин Алексей. Песни Александры Пахмутовой. Читинская обл., Сретенский район, село Усть-Курлыч

Коваленко Татьяна. «Будь со мною прежним» (просит для тети Шуры «Тополя» и «Наш сосед»). Луганская обл., г. Краснодар, пос. Мирный, ул. XX лет Октября, д. 1

Коган Андрей. Токката и fuga Баха. Москва, Ж-172. Народная ул., д. 4, кв. 24.

Рисунки Ю. ВЛАДИМИРОВА и
Ф. ТЕРЛЕЦКОГО

ребята, которые и не пытались описывать музыку. Они просто рассказывали о том, как живет пластинка в их доме и как ее слушают. Но оттого, что они любят музыку, любят доставать, собирать и слушать пластинки, эта их любовь сама по себе сказала в сочинениях, и они победили.

Многие ребята рассказывают, что они слушают музыку с товарищем или с товарищами. Это понятно. Ведь по-настоящему музыку слушают в концертном зале, где много народа. Настроение одного передается другому, музыка действует на всех сразу. Мы были рады обнаружить в почте конкурса целую пачку сочинений из одного класса — 6-го «В» (теперь уже 7-го «В»), 130-й школы Новосибирска. Хотя каждый писал, конечно, о своей любимой пластинке, но эти ребята вместе с учительницей Ириной Яковлевной Гуниной часто слушают музыку всем классом и пишут сочинения о музыке.

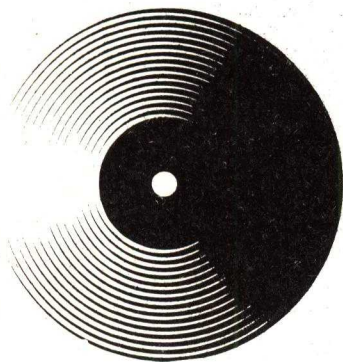
Итак, конкурс закончен. Мы печатаем сочинения некоторых ребят и высылаем победителям конкурса награды. Несколько ребят попросили такие пластинки, каких не достать даже в Москве. Мы думаем, они на нас не обидятся, если мы вышлем им другие, тоже хорошие пластинки.

«Однажды я случайно услышала одну песню. И меня околдовала фея «Музыка», — пишет Лена Садовская из г. Амурска.

Мы рады за всех ребят, которые испытали на себе чары музыки.

РЕДАКЦИЯ «ПИОНЕРА».

ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА И ИХ ЛЮБИМЫЕ ПЛАСТИНКИ

Каргаполов Саша. Песня из кинофильма «Вертикаль». Новосибирск, 90, школа № 130, 7-й класс «В».

Нуксов Вячеслав. Песня «На взлет». Грузинская ССР, г. Рустави, Проспект Дружбы народов, д. 14, кв. 61.

Лебедев Винтор. Песня «Тучи над городом встали». Иркутская обл., Нижнеилимский район, п/о Шестаково, С-Анг. ЛПХ, ул. Мира, д. 1.

Лоскутов Володя. Песни в исполнении Людмилы Зыкиной. Сумская обл., г. Шостка, ул. Карла Маркса, д. 21, кв. 55.

Мазирова Инна. «Шехерезада» Римского-Корсакова (просит для брата Шестую симфонию Чайковского). Пермь, 10, ул. Куйбышева, д. 103, кв. 29.

Мерзлянова Наташа. «Времена года» Чайковского. Кемерово, 2, ул. Ю. Смирнова, д. 30, кв. 7.

Маханькова Лена. «Петя и Волк» С. Прокофьева. Восточно-Казахстанская обл., Зыряновск, ул. Ленина, д. 94, кв. 17.

Нестерова Гая. «Полонез» Огинского. Крымская обл. с. Адагум, Краснодарский край.

Полякова Ира. Интродукция и рондо-каприччиозо Сен-Санса. Новосибирск, 90, школа № 130, 7-й класс «В».

Пронин Владимир. Песня «Первые шаги».

Татарская АССР, Высокогорский район, д. Шигали.

Саакян Гаянэ. Интермеццо из оперы Визе «Кармен». г. Кафан, Армянская ССР, ул. Ленина, д. 3, кв. 37.

Садовская Лена. Песня «Вернись» в исполнении Эмиля Горовца. Хабаровский край, г. Амурск, Амурская ул., д. 16, кв. 12.

Сеничкин Женя. Песни Бюль-Бюль Оглы. Тула, ул. Мира, д. 27, кв. 40.

Серинбаев Пулат. Пластинка «Комсомольские песни». Каракалпакская АССР, гор. Турткуль, ул. Кирова, д. 2.

Скирневская Таня. «Крошечка-хаврошечка». Пионерские песни «Синие ночи». «Песня про барабанщика». Жданов, 26, Пр. Победы, д. 72, кв. 4.

Федоров Владимир. Рондо из «Концерта для валторны» Моцарта. Москва, И-221, Проезд Шокальского, квартал 7, д. 51, кв. 29.

Халмиразева Алла. «Аппассионата» Бетховена. г. Душанбе, 29, ул. Айни, д. 72/2, кв. 17.

Цыбендоржиева Валя. Песни И. Дунаевского. Бурятская АССР, Селенгинский район, С. Ново-Селингинск, ул. Ленина, д. 59.

Шлянова Лена. Сюита из балета Глазнова «Раймонда». Свердловск, С-121, ул. Вазова, д. 14, кв. 15.

Моя любимая пластинка

У меня дома много пластинок. Я и мой старший брат Сергей (ему двадцать один год) очень любим музыку. Он любит классическую и джазовую. Я люблю пока только классическую, но Сережа говорит, что я еще маленький и не понимаю джазовую музыку, а когда вырасту, она мне понравится. Вряд ли! Но, как говорится, — каждому свое! Я играю на фортепиано. Мои любимые композиторы — Моцарт, Бах, Гайдн и Гендель, а любимые инструменты — король инструментов — орган, скрипка, фортепиано.

Самая любимая пластинка — это токката и фуга Баха (орган). Все пластинки покупает Сережа. Это тоже его любимая пластинка, и он купил ее.

Я люблю слушать хорошую музыку, когда в комнате темно и никто не шумит. В первый раз я слушал свою любимую пластинку, когда папа вернулся из командировки и привез одному дяде проигрыватель. Пока проигрыватель стоял у нас, я воспользовался этим.

Я люблю в основном грустную и торжественную классическую музыку. Токката и фуга Баха вызывают эти чувства. Вообще органная музыка (чье бы это произведение ни было) вызывает торжественное настроение.

Слушать эту пластинку друзей я не звал. У меня нет друзей, которые хорошо бы понимали музыку. Научить их вникать и понимать музыку очень сложно. Они сразу же переводят разговоры на другую тему, а иногда бросают оскорбительные фразы в адрес музыки. Значит, из удовольствия слушать музыку получается просто гадость какая-то. Но я надеюсь найти друзей по музыке!

Учусь я в 4-м «А» классе 8-й спецшколы города Москвы. Мой адрес: Москва, Ж-172, ул. Народная, д. 4, кв. 24, Коган Андрей.

Дорогая редакция!

Я тоже собираю пластинки. Их у меня много. Среди них есть хорошие и плохие, скучные и веселые. Но, по-моему, песня или музыка не может быть плохой, потому что она выражает какую-то мысль. Среди моих пластинок мне больше всего нравится одна. Это «Интермеццо» из оперы «Кармен» Бизе. Эту музыку нельзя слушать без волнения. Эта пластинка хранится у нас давно. Ее купил мой папа еще в студенческие годы. Она ему очень нравилась.

Когда у меня не выходит задача, я всегда включаю и слушаю эту музыку и всегда вспоминаю, в какой тяжелой обстановке писал Бизе эту музыку и как не ценили его произведения, но, несмотря на это, он добился своего. И как после концерта Бизе окружают и поздравляют, но в ответ на поздравления Бизе печально произносит:

— Вы первые это говорите, и я очень боюсь, что вы будете и последними.

И после этого я уверенно берусь за задачу, и, на мое удивление, задачка у меня выходит.

Впервые эту музыку я услышала по радио. Она мне очень понравилась, а потом оказалось, что у нас тоже есть эта пластинка. В тот же день, когда наша семья собралась, я ее включила, она всем понравилась. Позже, когда подруги ее услышали, им тоже очень понравилась. И с тех пор эта пластинка стала моей любимой. Слушая эту музыку, скажешь, какую большую силу воли имел композитор Бизе!

СААКЯН Гаянэ,
гор. Кафан.

Дорогая редакция!

Я не надеюсь на подарок, но все-таки решил написать. Журнал «Пионер» я выписал в 1968 году, прочитал его и нашел в нем премию «Черный диск». И вот мое сочинение:

У нас дома семьдесят шесть пластинок.

Самая любимая попала в наш дом так: когда мой папа ездил в Москву в командировку, то он привез девять штук, и среди них была «Тучи над городом встали», моя любимая пластинка.

Первый раз мы слушали ее вечером. Сидели мы вечером, я только что кончил учить уроки, а мама гладила белье, вдруг в сенях раздался стук, и в хату вошел папа и сказал мне:

— Получай.

Я открыл и увидел ее прямо наверху.

Когда пластинки отогрелись, мы их и сыграли в первый раз.

Чувство она вызывает вроде веселое.

Друзей, конечно, звал. Некоторым понравилась, а некоторым нет.

Если я выиграю, прошу прислать мне пластинку «Три танкиста».

С пионерским приветом

ЛЕБЕДЕВ Виктор,
Иркутская обл., п/о Шестаково.

Для тети Шуры

У нас в доме много пластинок, и у каждого жителя своя любимая. В субботу я всегда кручу пластинки на улице, а соседи, как бы они ни были заняты, выходят слушать песни, а иногда и танцуют даже «летку-енку». Все с субботнего вечера уходят очень довольные. Но вот я однажды купила пластинку «Будь со мною прежним». Всем жильцам она очень понравилась, в том числе и мне. Первый раз все слушали эту песню как-то особенно: тетя Шура что-то вспоминала, а бабушка Нелля потихоньку плакала.

На следующий день приходит ко мне тетя Шура и говорит:

— Спасибо, Таня, за песню, я ее никогда не забуду. Да вот если бы ты достала песню «Наш сосед», я бы очень была благодарна тебе.

А я говорю:

— Тетя Шура, ведь вы говорили на той неделе, чтобы я вам достала пластинку «Тополя», а теперь просите «Соседа». Ну, ладно, я поеду в город, куплю, если будут, обе пластинки.

Но в городе их нет.

Дорогая редакция! Если сможете, то пришлите одну хотя бы из двух пластинок. Мне хочется обрадовать тетю Шуру: ведь у нее на фронте погибло два сына и муж.

С пионерским приветом

КОВАЛЕНКО Татьяна,
15 лет, гор. Краснодар, пос. Мирный.

*

У нас дома много пластинок. Когда я был маленький, мне мама покупала детские оперы «Мойдодыр», «Репка», «Мухоморок», «Морозко». Я их любил слушать. И моим товарищам мама дарила пластинки. Когда я пошел в музыкальную школу по скрипке, то мне мама покупала уже другие пластинки. У нас есть пластинки Бетховена, Чайковского, Бизе, Глинки, Паганини, Шостаковича, Прокофьева, Хачатуряна и другие. Это оперы, симфонии, концерты. Но самые любимые мои пластинки — это скрипичные концерты Мендельсона, Паганини, Хачатуряна, Чайковского в исполнении Когана, Третьякова, Ойстраха. Но самая любимая пластинка — это концерт № 1 для скрипки с оркестром Н. Паганини в исполнении В. Третьякова. Мы купили ее в нашем городе. Сначала мы слушали ее только сами, потом носили ее в музыкальную школу № 2. А другую такую же пластинку подарили своему учителю по скрипке. Она ему очень понравилась. Моим товарищам детские оперы нравятся, а концерты они не понимают. А мне концерты нравятся. Когда я слушаю, мне приятно. У нас в городе можно купить пластинки с эстрадной музыкой, песней, а мама нам выписывает пла-

стинки по почте. Я очень хочу иметь пластинку «Кампанелла» Паганини. Мама заказывала по почте, а нам не прислали.

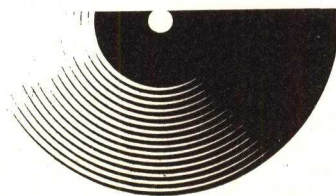
ЗАМАЛЕТДИНОВ Рустэм,
Вашкирия, г. Октябрьский.

Дорогая редакция!

Мне десять лет, зовут Леной. Живу я в городе Зырянске, на самой большой улице. У нас вся семья любит музыку. А если все любят музыку, то и пластинок много — семьдесят пять штук. Особенно много детских. Самая любимая моя пластинка: «Петя и волк». Такая чудесная пластинка. Вот идет Петя — слышится бодрая, веселая музыка. А вот, переваливаясь с боку на бок, идет утка — и музыка переваливается. Вот скачет синичка — и музыка играет, как птичка щебечет. Вот идет дедушка — и музыка строгая, повелительная. Вот волк показался из лесу — и музыка играет страшно. Как попала к нам эта пластинка, я не знаю, но было так. У меня был день рождения. Ко мне много собралось подружек. Мы сели за стол. Все стали меня поздравлять и вручать подарки. Вдруг мама включила пластинку. Я не знала ее и слышала первый раз. Девочки оставили все сласти и побежали слушать пластинку. Мы слушали ее, затаив дыхание. Потом мы слушали музыку эту в классе всем классом, и всем она понравилась, как и на моем дне рождения. Мне нравится пластинка «Наш сосед», но я не могу ее достать.

МАХАНЬКОВА Лена,
гор. Зырянск.

Настоящие муж- чины

Мирза ДАВИДОВ

РАССКАЗ

Мама заболела. Утром она не могла встать с кровати. Пришел доктор из аульской больницы. Его звали Султан Магомедович. Он быстро облачился в белый халат, вытащил из кармана пластмассовый футляр и достал оттуда очки. Я взглянул на этот халат, на очки в роговой оправе, и мне до смерти захотелось стать доктором. Меня бы уважительно звали Гасан Керимович. Я бы ходил в белом халате, носил очки, а из футляра сделал бы лодочку. Уж такая не потонет!

Доктор попросил маму открыть рот.

— Скажите «а-а-а», — потребовал он.

Но у мамы это «а-а-а» не вышло. Получилось: «а-ик».

Доктор обернулся ко мне и попросил:

— Ну, джигит, покажи маме, как надо открывать рот!

Я открыл рот так широко, что в скулах затрещало.

— А-а-а! — рванул я во всю силу легких, и красивые чашки в буфете испуганно задрожали: дзинь-дзинь-дзинь! Даже доктор, кажется, испугался.

— Это ты слишком, — сказал он мне. — Так недолго и скулу свернуть...

Он выписал маме бюллетень, что-то объяснил папе и, попрощавшись, ушел.

У мамы оказался вирусный грипп.

С той минуты, как мама заболела, все в нашем доме пошло кувырком. Во-первых, некому было вскипятить мне молоко и сварить яички — утром я обычно съедаю два яйца и выпиваю кружку молока.

Пришлось довольствоваться одним хлебом. Папа разыскал еще кувшин с простоквашей, но я от нее отказался.

Первые два урока о еде я не думал — наверное, потому, что уроки были интересные — история и природоведение. А я

жутко люблю слушать про старые времена и про разных животных!

Но потом была арифметика, и я все чаще возвращался мыслями к пище. И представлял я себе почему-то не простоквашу и хлеб, а самые вкусные блюда, которые делаются лишь по праздникам: вареную баранью голову, шурпу из куриного бульона...

— Чего это ты все глотаешь? — спросил меня сосед по парте, рыжий Махмуд, с тревогой глядя на мое горло.

— Хочу и глотаю! — сказал я.

Не стану же я говорить, что в голове у меня не деление составных именованных чисел, а баранина и шурпа из куриного бульона!

Еле высидел я два последних урока. И как только прозвенел звонок, схватил портфель и бросился со всех ног к дому.

Мне почему-то казалось, что мама уже выздоровела. Я ведь тоже быстро выздоравливаю: утром у меня ангина, голова болит, налеты в горле, а вечером — ни жара, ни налетов, хоть сейчас беги в футбол играть.

Но мама с постели не встала. Я потрогал ее лоб — горячий, как угли в мангале. Видно, температура большая.

— Сыночек мой, ты, верно, совсем голодный, — тихо и грустно заговорила мама. — Сбегай к тете Фаризе, пусть придет на часок и приготовит обед...

Но идти к тете Фаризе на другой конец аула мне не хотелось. Пока она придет, пока сварит обед, живот к спине прилипнет! Обойдусь без тети Фаризы...

Я сказал маме:

— Ты не беспокойся. Я сыт...

Но на самом деле каждая моя клеточка кричала: «Хочу есть! Хочу есть!» Я по-

шел на кухню, отрезал целых полбуханки хлеба и стал обгрызать корку. В глаза бросился кувшин, из которого утром папа ел простоквашу. Вдруг там что-то осталось? И правда: осталось! Больше половины кувшина...

Никогда бы не подумал, что простокваша с черным хлебом может так мне понравиться! Баранья голова — да. Но черствый хлеб и кислая простокваша — я раньше на это и глядеть не хотел!..

Съел я полбуханки, а простокваши немного оставил — решил ее маме дать. Только мама от простокваши отказалась.

— Не хочется мне есть, — сказала она. — Совсем не хочется...

Вечером вернулся домой папа — он механиком в колхозной ремонтной мастерской работает. Постоял около мамы, вышел на кухню.

— Эй, Гасан, что бы нам перекусить? — тихо спросил он у меня.

— Хлеб есть и немного простокваши осталось, — так же тихо ответил я.

— Плохо наше дело, — грустно сказал папа. Он отрезал ломоть хлеба и подсел к кувшину. — А мама голодная?

— Предлагал я, не хочет она. Сказала, что надо тетю Фаризу позвать!..

Папа задумался. Не знаю, что пришло ему в голову, а я в этот момент мысленно уже шел длинной и пыльной дорогой к тете Фаризе — действительно, другого выхода нет, надо ее позвать, не станем же мы, мужчины, браться за женскую работу!..

— Уроки сделал? — спросил папа.

— Нет.

— Садись и делай. Тетю Фаризу звать не будем — у нее своих забот хватает — семеро детишек на шее. Сами что-нибудь придумаем...

Потом папа заглянул в ту комнату, где лежала мама. Я услышал его голос: «Что бы тебе хотелось съесть? Может, галушки с чесночной подливой? Или кислый суп с томатом?» Слабый мамин ответ до меня не добрался — растаял в воздухе.

Вышел ко мне папа.

— Идут уроки? Хорошо. Как кончишь — сразу ложись. Утром рано разбужу. Дело есть...

— А какое дело? — не выдержал я. — Скажи, папа!

Папа укоризненно посмотрел на меня.

— Терпением гору построишь, нетерпением душу разрушишь, — ответил он пословицей.

Я замолчал. Сложил учебники и тетради и разобрал постель...

Еще не рассвело, когда папа разбудил меня. Я глазам своим не поверил: ну и вид у папы! Лицо чем-то белым испачкано, руки тоже, в белом, а на груди мамин фартук!

Мне много чего несурзального снится: как наша собака варенье ложкой ест, как я на

самолете лечу, а потом мы падаем, и у меня самого крылья вырастают, будто у орла, как мамина мама, бабушка Майсарат, до сих пор верящая, что где-то в небе, наверное, в безвоздушном пространстве, живет аллах, ведет меня к мулле Ризвану, а у муллы во рту пламя искрится, словно там экскаватор работает. Но это же во сне! А тут все наяву: папа мамин передник напялил, домашним хозяйством занялся! Чудо, да и только!

Надо бы объяснить, почему я так удивился, заметив на папе мамин фартук. Есть в нашем ауле люди, которые считают, что мужчина не должен заниматься женскими делами. Не дай бог, сетовала бабушка Майсарат, если мужчина начнет комнаты убирать и пищу варить, — позор такому мужчине, и не мужчина он совсем, а женщина в штанах! И хотя я понимал, что в бабушкиных словах правды мало, а все-таки, признаюсь, не так уж часто видел я аульских мужчин у плиты. На конях — видел. В колхозной кузнице — видел. Тут мужчины от работы не отказывались!..

Да что там зря говорить, ведь и мне на коне скакать приятно, а за то, чтобы поработать в кузнице, я бы отдал все на свете!

А убирать и стряпать — нет, это не для меня!

Так я думал не раз. Правда, вслух своих мыслей не высказывал — не хотел маму обижать...

Я не отказывался помочь маме, когда была нужда. Но, клянусь чем угодно, я бы не послушал ее, если б она приказала мне надеть женский фартук! Все, только не это! А папа сам, по доброй воле, надел да еще к плите стал!

— Что ты на меня так смотришь? — спросил папа.

Я принялся объяснять:

— Бабушка говорит: кто за женское дело берется, тот и не мужчина совсем...

— А кто же он? — невозмутимо спросил папа.

— Женщина в штанах... — еле слышно произнес я.

Папа поднял на меня глаза.

— Тебе не стыдно? — спросил он, и голос у него странно дрогнул. — Можно подумать, что ты сын муллы Ризвана, а не сын коммуниста! Я недавно книгу про Ленина читал. Знаешь, Владимир Ильич не стыдился помочь Надежде Константиновне. А вот не помочь женщине он считал стыдом!.. Мама у нас больна...

— Прости меня, папа! — быстро сказал я. — Ты правильно говоришь! Я все сделаю, что надо, честное слово! Даже фартук могу надеть — хочешь?

Папа улыбнулся, дружески и ласково потрепал меня по плечу.

— Не надо, — сказал он. — Не можем же мы разорвать фартук пополам. Маме это не понравится... Вот что, побыстрей вставай и беги за водой.

И пошла у нас работа!

Я сбежал за водой, а папа взялся за сито, чтобы просеять муку.

Я принес дрова, а папа поставил деревянное корытце и бросил в сито несколько горстей муки.

Я растопил печку, а папа начал трясти сито, и в корытце будто снег повалил.

— Будем делать галушки? — спросил я. Папа кивнул.

Я поставил на печку кастрюлю с водой, а папа все еще продолжал трясти сито: ведь для теста, из которого потом получатся галушки, нужно много муки.

Я притащил новую порцию дров, а папа отложил сито и сказал: «Уф!»

Поглядел я на него и не мог сдержать улыбки — весь он белый. Нос белый, щеки белые, подбородок белый, ресницы тоже белые, только глаза знакомые — папины. А глаза у папы — две шоколадки...

— Смешно ты сито трясешь, — сказал я папе. — У мамы лучше получается...

— А как? — В голосе его чувствовался интерес.

— Ты сито качаешь, а мама его из руки в руку перебрасывает, как баскетболист. Быстро-быстро, даже глазам больно становится.

Папа сказал: «Гм». Потом взял сито в одну руку и попробовал перекинуть в другую. Только не поймал. Упало сито в корытце.

— Не получается, — вздохнул папа и почесал белыми пальцами белую щеку. — Да, это тебе не гайку привернуть! — Он взглянул на меня. — Но хорошо или плохо, муку я все-таки просеял. А дальше что? Ты не знаешь, что мама дальше делала?

— Подожди, подожди, — сказал я. — Кажется, мама бросала муку в воду...

— Муку? — не поверил папа.

— Нет, не так, — заговорил я. — Наоборот, бросала воду в муку!

— Бросала?! — поразился папа.

— Ну, не бросала, так лила!

— И много?

Тут я все вспомнил: сначала надо бросить в муку яичко, потом налить немножко молока, потом...

В общем, после того, как я все рассказал папе, дело двинулось.

Тесто вышло мягким, но упругим. Папа нарезал его длинными лентами, а ленты, в свою очередь, рассек на много частей — получились коротенькие толстенькие кусочки, и каждый был

похож на обрубленный хвост нашей собаки... Вода в кастрюле уже кипела. И папа позволил мне бросать туда кусочки теста...

Через десять минут галушки были готовы. Мы выложили их на блюдо.

— Можно, я подам маме завтрак? — спросил я.

По папиному лицу было видно, что это хочется сделать самому. Но он сказал:

— Хорошо.

Я с тарелкой пошел впереди, а папа — сзади.

Мама только проснулась. Глаза у нее были больные, а на щеках краснели пятна:

— Здравствуй, мама! — торжественно начал я. — Мы сделали тебе галушки. Будешь есть?

Мама взглянула на папу и улыбнулась.

— Буду! Очень даже буду! — Она присела на кровати. — Нелегко вам дались эти галушки: один поседел, а другой — почернел...

Папа быстро провел ладонью по волосам, и облачко мучной пыли понеслось и рассеялось в воздухе.

— Вот и пропала моя седина! — весело сказал он.

А я поглядел на себя в зеркало и не узнал: весь в саже. Нос черный, щеки черные, подбородок черный, только глаза знакомые, мои. А глаза у меня, как у мамы, серые...

Умылся я и снова стал таким, как всегда. А потом сели мы с папой за стол и придвинули блюдо поближе.

— Ой, — вспомнил папа, — а чесночную подливку забыли сделать.

— Ничего, — сказал я. — Без подливки обойдемся.

Съел я одну галушку и тут же вскрикнул:

— Ой! А соли не положили! Совсем не соленые...

— Ничего, — сказал папа и подмигнул мне. — Без соли обойдемся...

Сидим мы, едим галушки, а мама в своей комнате повторяет — нарочно громко, чтобы мы слышали:

— Хорошие галушки! Замечательные галушки! Лучше этих галушек в жизни ничего не ела! Муж и сын у меня — молодцы, настоящие мужчины! Это — мое счастье, что у меня такой муж и такой сын!..

Говорит мама свои слова, а мы ей верим... Так, слушая маму, мы незаметно съели все галушки. Потом встали и разошлись по своим делам: я — в школу, а папа — в ремонтную мастерскую...

Перевод с лакского
Цезаря ГОЛОДНОГО.

ЛЮСИК ЛЮСИНОВА

В дни революции ей исполнилось девятнадцать. Она училась в Московском коммерческом институте. Была большевистским пропагандистом, связной Военно-революционного комитета, дружинницей, одним из организаторов молодежи Москвы.

ПИСЬМА ЛЮСИК МЛАДШЕЙ СЕСТРЕ АНАИД:

Тогда я Человек...

9 мая 1917 года.

...Я работаю очень много — в смысле пропаганды. Когда с помощью моих рук сырой материал обращается в сознательного рабочего, когда я пробуждаю в нем классовое самосознание... тогда я удовлетворяюсь, тогда у меня прибавляются силы, тогда я живой человек. Это сознание помогает мне заниматься много, регулировать свою жизнь, откалываться от веселого общения с моими товарищами и заниматься, заниматься. Как я рада, что работа моя применялась еще в подполье, что я имею сейчас навыки! Приходится много бороться со всеми, кто против нас, большевиков...

...Обо мне не беспокойтесь. Я держусь крепко и бодро. Кажется, многое во мне переменялось. Но не беда, еще много изменяться придется...

Целую крепко. Люсик.
Анаид, помни, что я живу полной жизнью.

Слышишь, масса сил у меня...

...Счас весна и самая настоящая... Она здесь какая-то стихийная, все забирает под свою власть...

Анаид, слышишь, масса сил у меня, я чувю все, что скрыто во мне. Эти силы не только во мне, но и в каждом из нас — всех тех, кто является работниками новой, зарождающейся эры, класса, который принесет эту эру.

ПИСЬМА И ДНЕВНИКИ... ОНИ ВСЕГДА ВОЛНУЮТ, А ЭТИ — ОСОБЕННО. НА НИХ — ДАТЫ ПЕРВЫХ НЕДЕЛЬ, ПЕРВЫХ МЕСЯЦЕВ, ПЕРВЫХ ЛЕТ ОКТЯБРЬСКОЙ ЭРЫ. В ЭТИХ ВЗВОЛНОВАННЫХ СТРОКАХ ЗВУЧАТ ЖИВЫЕ ГОЛОСА ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК, ОТВАЖНЫХ, ПЫЛКИХ, БЕЗЗАВЕТНО ПРЕДАВАННЫХ РЕВОЛЮЦИИ, НАРОДУ, КОММУНИЗМУ.

ПРОЧИТАЙ, НАРОДУ, ВСЛУШАЙСЯ, И ПЕРЕД ТОБОЙ ОТКРОЕТСЯ МИР СВЕТЫХ МЫСЛЕЙ, ВЫСОКИХ ЧУВСТВ И СТРЕМЛЕНИЙ, ДУШЕВНЫЙ МИР ТЕХ, КТО СОЗДАВАЛ КОМСОМОЛ. ГОЛОСА ЮНЫХ И СИЛЬНЫХ...

Нет, она не искала безопасных мест! Эти строки написаны, чтобы успокоить мать.

В трудные дни Октябрьских боев, находясь в самой гуще событий, мужественная и нежная Люсик помнила о ее тревогах. Но революция звала туда, где опасно. Люсик бесстрашно шла на этот зов. Шла, не стигаясь под пулями, и белоохранительская пуля настигла ее. Это случилось 1 ноября 1917 года.

Завтра будет бой...

...Может, завтра в Питере Советы возьмут власть в свои руки... Да, конечно, потом, а может, теперь будет страшная кровавая баня... Еще не было случая, чтобы буржуазия без боя слала бы хоть одну свою позицию, не то, что власть, так что надо с этим примириться, как с неизбежным спутником всех пролетарских революций.

...Аник, хорошо мне! Знаешь, бывает и грустно, тяжело, а все-таки хорошо — такovy уж все мы. Понимаешь, кто? Наша группа, тесная группа социал-демократов. Ну, ладно, прощай.

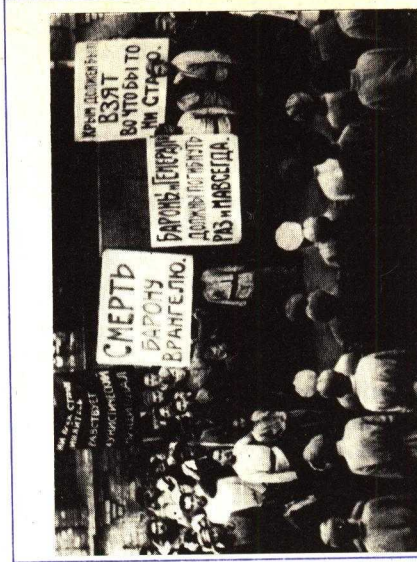
Ты за меня не волнуйся...

Последнее письмо, написанное в дни Октябрьских вооруженных боев. Люсик так и не успела отправить его.

«Наконец-то я дома, наполнилась чаю и лягу в постель. Ходила, не переставая, целый день, провела три митинга по заводам, организовала Красный Крест и союз молодежи, сходила в Совет рабочих депутатов...

Ночь темная, дождь, снег и ветер, но состояние бодрое. Сейчас в Кремле стоят юнкера и наши войска. Может, ночью будет бой. На чьей стороне будет победа?

Мамочка, дорогая, ты за меня не волнуйся, я ни в каком опасном месте не буду... Мамочка, даже на заводские собрания я не буду ходить, так как уже всех оповестили о положении дел. Ну, прощайте, пока всего хорошего...

«Белая армия, черный барон

Снова готовят нам царский трон...»

Так пелось в одной из песен о гражданской войне. «Черный барон», генерал Врангель, — последний из вереницы белоохранительских главарей, пытавшихся задушить Советскую власть. Юные коммунисты, дети рабочих и крестьян, шли в бой вместе с отцами. Вот фотография 1920 года. Комсомольцы отправляются на фронт против «черного барона», против Врангеля.

АЛЕША СТОЛЯРОВ

Друг Люсяк Люсиновой, ее товарищ по учебе и по революционной борьбе, член Московского союза рабочей молодежи.

Выдержки из дневника:

«5 ноября 1917 года.

Я не знаю, можно ли мне писать. Может быть, Люся была бы недовольна тем, что в момент напряженной ответственной работы отдаешься грусти и воспоминаниям. Но пусть простит Люся... Она была хорошей марксисткой и замечательно умной девушкой. Когда мне было тяжело, я обращался к ней, и она умела разрешить многие вопросы, какие я разрешить не мог. Она очень хорошо разглаживала людей и судила о них. Я не замечал у нее ошибок, исключая одного случая: она называла меня умным, сильным, радостным и хорошим. Она всегда предвещала радость. Для радости и солнца живут люди...

...Люсю послали в самое отчаянное место: мимо конюгеров, мимо кремлевских ворот пройти на трамвайную электростанцию с приказом о выводе бронированных автомобилей. Всюду стреляли, и она все же прошла.

На другой день пришли в ВРК¹. Я стал на посту при входе. Люся стала записывать донесения разведчиков. В три часа нам предложили отделиться по делу в другой район...

Запрятали документы ВРК (Люся — под разорванную подкладку шапки, я — под стельку башмака) и пошли. Шла отчаянная пальба... Попала к Камоиническому Совету. Люся зашла и перела поручение. Как раз в это время площадь перед Советом обстреливалась из окон высоких домов белогвардейцами. Я старался пройти как-нибудь стороной, но Люся шла так прямо и спокойно, с презрением к опасности, что мне стало стыдно...

На другой день... Люся упростила взять ее с собой в окопы, если штаб опустит. Штаб отпустил, и она была очень рада. Мы вышли втяером. Все, кроме двоих новиков, были испытанные воики² и имели, кроме винтовок и револьверов, массу ручных бомб.

«Ну,— сказал Николай серьезно,— из нашего отряда или никто не возвратится или...» Он не докончил. У меня мелькнула мысль: зачем Люся с нами? Но Люся этого хотела. Она хотела быть

¹ Военно-революционный комитет.

² В этот день Люся и была убита.

с нами, с теми, кто борется вперед. Это было ее право — пойти туда.

Мне больно и трудно писать дальше, но Люся была бы недовольна таким малодушием. Смерть на поле битвы — святой акт. И надо отнестись к нему, как к подвигу, — с благоговением и преклонением.

Люся, джан, дорогая, мне остается только мужественность страданий в будущем, чтобы отдала кровь своего сердца, принадлежащего тебе, храбрая, святая, бесконечно великая девочка!»

Этот снимок сделан в сентябре 1918 года. Перед вами первый отряд комсомольцев Красной Пресни.

АНАТОЛИЙ ПОПОВ

Сын писателя Серафимовича — один из организаторов Московского союза рабочей молодежи на Пресне. В дни Октября сражался на баррикадах Москвы. В 1918-м уехал на фронт добровольцем. Комиссар Северо-Двинской речной флотилии, комиссар ардивизиона на Южном фронте. В свои девятнадцать лет он вызывал восхищение коммунистов старшего поколения мужеством, твердостью, талантом вести за собой людей.

Из записей, сделанных Анатолием на фронте, в перерыве между боями:

«Ты спросишь, что должен сделать... чтобы стать счастливым. Я скажу тебе: бороться... Бо-

роться, пока сил твоих хватит, пока рука твоя поднимается, а глаз видит кругом. Все, что ты можешь сделать дурного врагам твоим, сделай. Делай с отвагой, страстно делай. Нет средства та-кого, от которого ты бы мог отказаться, лишь бы достигнуть цели... А цель твоя — счастье. Любовь людей, их жизнь, их свобода. Разве не чувствуешь ты наслаждения, что рожден для этого подвига?

...Не правда ли, жить стоит! Новое, что только мерещилось, как мечта, как несемное и несбыточное, вырисовывается все больше и больше — социализм. Мы летим в историю. Все старое, обычное для глаза, осталось позади. Новые формы, новая жизнь, новые обычаи, новые огни. А там, за огнем, за разрушением, сквозит огонь, кровь, сквозят слезы и отчаяние уже просвечивается будущее... Мы сейчас в огне, в дыму. Каждую минуту нам грозит гибель. Клянусь вам, мне сейчас жизнь недорога. Борьба, победа только и волнует!»

Вскоре после того, как были написаны эти строки, Анатолий умер от тифа.

ДОРА ЛЮБАРСКАЯ

Дочь богатых родителей, она порвала с семьей и ушла в революцию. В Одессе, захваченной белой армией Деникина, возникла подпольная комсомольская организация. Молодые подпольщики вместе со старшими товарищами — комсомольцами готовили восстание. Одинадцать комсомольцев были схвачены и после пыток расстреляны деникинской охранкой. Среди них — Дора. Вот предсмертное письмо:

«Славные товарищи! Я умираю честно, как прожила честно свою маленькую жизнь. Через семь дней мне будет двадцать два года, а вечером меня расстреляют.

Мне не жалко, что погибну так, — жаль, что мало мною сделано для революции. Только теперь я действительно чувствую себя сознательной революционеркой.

Как вела я себя при допросе, при приговоре, вам расскажут мои товарищи. Мне говорят, что я была молодцом.

Целую мою старенькую мамочку. Чувствую себя сознательной и не жалею о таком конце. Мы все, приговоренные, держим себя бодро. Сегодня читаем в последний раз газету. Уже на Борислав, Перекоп наступают. Скоро, скоро вздохнет вся Украина и начнется живая созидательная работа. Жаль, что не смогу принять участие в ней.

Ну, прощайте. Будьте счастливы.

Дора Любарская».

Вл. ПАНКОВ

Рисунки Л. СЕРГЕЕВА

Ух, сколько у меня фантазий в голове! Я, наверно, когда школу кончу, фантастом стану. Мне отец говорил, что я, наверно, буду единственным человеком, который, увидев марсиан, скажет, что представлял их себе именно такими.

Ну, а пока я тренирую свою фантазию в земных условиях. Родители у меня уехали в дом отдыха, а меня отправили на месяц к тете на Третью Перцовскую улицу.

Вышел я утром в незнакомый двор, а там только одна девчонка из первоклашек пасется... Хотел я ей щелчка отвесить, а она, как назло, конфеты ест.

— У тебя что, — спрашиваю, — за конфеты?

— Медовые, — отвечает, — а что?

— Нет, ничего, — говорю так безучастно, — я б тебе рассказал кое-что, да боюсь, проболтаюсь.

— Я? Проболтаюсь? Вот честное-пречестное...

Я заглянул ей в глаза.

— По глазам вижу, что язык за зубами держать умеешь. Ну, садись, расскажу. Так и быть...

Я оглядел двор, остановился на двух тощих деревьях, оставшихся от весенних лесов.

посадок, и с печальным таким вздохом сказал:

— Страдаю я...

Потом взял с деревца лист, помял его.

— Тоскую по лесу. По шишкам. По дуплу...

— Ты что, в лесном лагере был? — спросила девчонка.

Я посмотрел на нее с сожалением.

— Ты знаешь, кто я? Никогда б не догадалась. В это трудно поверить в наше время... Я ведь был еще совсем малюсеньким медвежонком, когда злая колдунья превратила меня в человека, чтобы отомстить мне за то, что я съел у нее весь мед.

— Врешь, — раскрыла рот девчонка.

— Весь мед, — грустно подтвердил я.

— А как же ты, — заморгала девчонка, — а как же ты... зимой?

— А что зимой... Зимой я целыми днями сплю и сосу лапу. Как в берлоге. И во сне мед вижу... Хозяева мои — по-вашему, родители — мне иногда покупают немного меду, но разве это то? Эх, если бы мы сейчас попали с тобой в родимые края, в дремучий лес, эх, и угостил бы я тебя настоящим медком... У меня там и пчелы знакомые есть.

— А они кусаются? — еле дыша, спросила девчонка.

— Кто, пчелы? Незнакомых медведей, конечно, кусают, но я когда-то спас их маленького пчеленка из паутинки, и его мать поклялась, что вовек мне этого не забудет... Но здесь, в городе, мне, конечно, меду очень недостает.

— Хочешь конфетку? — растрогалась девчонка.

— Медовая? — безразлично поинтересовался я.

— Нет, «коровка». Я же не знала и все медовые уже съела.

— Жаль, не медовая. Ну, давай, все равно. Спасибо... У меня зато есть шишки. Настоящие, из дремучего... Я тебе их могу подарить, хочешь?

— Ой, хочу, — подпрыгнула девчонка. — Настоящие, из дремучего?

— А у тебя дома больше нет конфет?

— Ой, я сейчас принесу!..

Мы разошлись по домам. Я пошел за шишками, девчонка — за конфетами. Шишки я заметил на буфете, как только приехал. Они были такие красивые, что мне даже жалко было забирать их от тети.

Пока я колебался — брать или не брать, во дворе уже собрался целый детский сад во главе с парой первоклашек.

— Вон он, вон он! — зашебетали они, как только я появился в подъезде.

— Шишки грызет, шишки грызет, — услышал я и на всякий случай укусил шишку.

— Ой, мамочка, а он не укусит?

— Он же заколдованный.

— Ага, заколдованный, а зубы настоящие.

— Я никогда еще живого медведя в глаза не видел.

— Только вы его не пугайте, — сказала моя девчонка, — он ко мне уже привык, я его и кормить с рук буду.

Она положила мне в рот одну за другой очищенные от фантиков конфеты, я с удовольствием сжевал их и повалился в песочницу.

— Ой, как медведь...

Потом я встал.

— Я ведь, дети, могу и в клетке сидеть. Помню, в цирке... Но в клетке медведи любят сидеть, если только их будут кормить медом, по крайней мере конфетами.

— А дрессироваться вы можете? — спросил какой-то шкет с веснушками.

— Могу. Только мне ласка нужна. Уход, доброе слово. Я хлыст не понимаю. Злиться сразу начинаю, рычать. Могу загрызть...

К середине дня радостная малышня сколотила мне клетку из фруктовых ящиков, принесла из дому варенья, купила мороженого.

— Начинаем дрессировку, — крикнул шкет, — после каждого номера — конфета!

— Мы, медведи, — сказал я, лежа на стружках из фруктовых ящиков, — мы, медведи, — люди ленивые. Учиться не любим. Нам не всякая учеба по нутру.

— А на велосипеде хотите научиться? — спросил тот же шкет с веснушками.

— На велосипеде можно. Помню, в цирке... А у кого велосипед есть?..

Через полчаса я приводил малышня в неописуемый восторг.

— Косолапый на велосипеде!

— И не падает!

— А задом можете?

Я ездил и задом, и передом, и сидя на руле, и просунув ногу под раму...

«Вот даю, — думал я про себя, — чистый медвежий цирк!»

— Все, на сегодня хватит, — слез я с велосипеда, — могу переутомиться. Будет плохая усвояемость. Давайте сначала варенье.

Я зашел в клетку, закрылся ящиком... Объялся я так, что на какое-то время действительно почувствовал себя медведем...

Потом у меня поднялась температура... Потом я ничего больше не помнил, а очнулся только на третий день. У моей постели стояла мама и плакала.

— Больше так продолжаться не может. Даже в доме отдыха от тебя нет покоя. Мне приходится по телеграмме вылетать к тете на подмогу. Я сойду с ума... Завтра же ты уедешь в пионерский лагерь, слышишь? Вот путевка. Я думаю, там на тебя найдут управу.

...В пионерлагере я, как всегда, проснулся чуть свет. Вышел из палатки и вижу: сидит на скамеечке девчонка и общипывает апельсин.

«Та-ак, — подумал я, — апельсин сам лезет мне в рот».

Дальше все пошло как по маслу. Я оглядел лагерные постройки, вздохнул и сказал, что тоскую по городу... Там я жил в клетке, нас кормили южными плодами: мандаринами, лимонами, бананами... Как, кто я такой? Никому не скажешь? Злая колдунья заколдовала меня, когда я еще был ма-аленьким орангутанчиком, за то, что я обтряс в ее саду все апельсины.

— Правда? — подняла на меня глаза девочка.

— Как сейчас помню, — ответил я.

— Ой, как интересно! — заморгада она глазами. — А ты по деревьям прыгать умеешь?

— Чего? — осекся я. — По деревьям? — Но быстро нашелся. — Нет, я ручной. В цирке выступал... Между прочим, поддаюсь дрессировке. Только мне ласка нужна и доброе слово. Хлыст я не понимаю. Сразу начинаю злиться, предметы швырять... Но за пару апельсинов и доброе слово могу что хочешь...

— Ой, как интересно! — взвизгнула девочка. — А ты волком никогда не был?

— Волком? — опешил я, не зная, что ей ответить. — Не помню... Может, и был...

— А вот я, когда маленькая была, — вдохновенно сверкнула глазами девочка, — шла однажды по лесу... В красной шапочке... Иду, а навстречу мне...

— К бабушке шла? — перебил я ее.

— К бабушке. А ты откуда знаешь?

— С корзинкой?

— С корзинкой.

— А в корзинке пироги?

— С вишнями. А ты откуда все это знаешь?

— Так навстречу-то тебе кто попался?

— Ну, волк.

— Я это был, а никакой не волк...

— Правда? Так, значит, это ты мою бабушку съел... То-то я смотрю, лицо мне твое знакомо... И глаза и уши...

Я понял, что плакали мои апельсинчики. Волки, ведь они что в основном едят — только бабушек...

— А вот еще однажды, — продолжала девочка, — когда я была совсем-совсем маленькая, шла я по чистому полю... с братцем Иванушкой...

«Как же противно, когда такая маленькая, а уже так врет», — подумал я и пошел в свою палатку досыпать до зарядки.

Заготовка

Печка топится, лампа горит,
Крышка чайника бьется в ознобе,
За столом Загогулин сидит,
А по крыше ноябрь гремит —
Конь да всадник, как злоба на злобе,
Снежный ветер в безумном галопе
Страшным посвистом ночь леденит.

Но Антон не пугливого толка —
На стене у окошка двустволка.
А товарищ придет к старичку,
Вместе выпьют чайку-крепочку,
Там, глядишь, и метель поунялась,
И луна в небесах показалась.

* Ночью я это и сочинил. Буран был, а мне не спалось. А. З.

ВЕРСТАК

Я в прошлый раз говорил, что меня звали кружок вести в школу. Согласился я и вот что хочу сказать. Кто желает у меня столлярничать, тот пусть знает наперед: мастерить мы будем стол-секретер. Работу начнем с января, а заготовки пора уж теперь делать. Нужны нам будут и досточки сухие — лучше всего от старой, негодной мебели; годятся и ящики — их много выбрасывают.

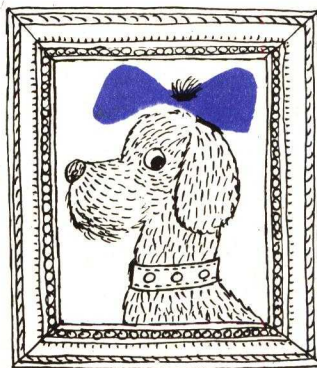
Знаете? А собачка-то моя отыскалась! Где и как? Сайчас...

НАШЛАСЬ!

Дня три назад иду я в Москве по Цветному бульвару, там, где цирк. Ветер гонит под ногами листья, и, смотрю, билетик катится, в трубочку свернут. Я его тюк своей палочкой, она у меня с гвоздиком на конце. Взял в руки и вижу: это же на сегодняшнее число билет, а на часы глянул — батюшки, опаздываю я! Через пять минут представление! Ну, я бегом к входу, да не сразу на место пошел, а до третьего звонка в дверях простоял: может, думаю, кто-нибудь билет искать станет. Нет, никого нету, и последний звонок соловьем заливается.

Сел я на место. Вот музыка грянула, вспыхнул свет, запрыгали клоуны. Очень было смешно. Потом лошади побежали ученые, были и медведи на мотоциклах, слон сидел за партой, а под конец выкатили на тележке сундук. Тут желтый свет погас, вспыхнул синий, и крышка сундука сама отскочила, а оттуда как стали выпрыгивать одна за другой разные собачки, и большие и маленькие. Все хлопают, смеются, а я чуть не заплакал. Одна собачка-то вылитый Рекс. Помните, у меня щенка увели? Ну, я тут как закричу на весь цирк: «Рекс, Рекс, ко мне!» Рекс мой так и завертелся, ищет, откуда же это его зовут старым именем. А артисты на манеже все в один голос: «Бантик, Бантик! Фу! Не смей!»

Публика недоумевает, на всякий случай хлопат, а Рекс бегом ко мне. Я его скорей под мышку —

и ходу. А кругом уже хохот стоит. Народ-то думает, что и я тоже из клоунов и заодно с артистами их потешаю. Один солдат так смеялся, что со стула на пол съехал, я и полетел через него кувыркком вниз по лесенке да прямо на манеж и вывалился. Встал, опилки отряхиваю, а мне аплодируют: вот, мол, старичок так старичок, какие курбеты выделывает! Игрет музыка, все цветные фонари на меня направлены, Рекс у меня на руках, а кругом другие собачки прыгают, но, чувствую, уже под локоток меня взял кто-то крепко и ведет!

Всего не расскажешь — длинно выйдет. А если покороче, так вот как дело было. Доказал я им там, за кулисами, что Рекс, а не Бантик он никакой и что мой это песик, мой! А они мне на это, что «охотно верят», да знать об этом не могли, собаку продали, а они ее тут, в цирке, разным трюкам выучили, и теперь Рекс — артист и необходимый номер в программе... Что делать будем?

Как что делать? «Заберу я его домой», — хотел я им сказать, а потом думаю: «Нет, что-то несправедливо выходит...» И решили мы так: пусть Рекс мой у них остается, пусть он учится дальше и выступает на сцене, а мне они пропуск выпишут, чтобы я в любое время мог посмотреть на собачку...

Так вот и стал я в цирке своим человеком, хоть каждый день могу приходить. Я и хожу. А что, интересно ведь. Даже очень!

Антон Загогулин

Однажды вечером

Однажды вечером Трое Неизвестных читали рассказ Антона Павловича Чехова «Репетитор». Рассказ, как ты, наверно, помнишь, начинается так:

«Гимназист седьмого класса Егор Зиберов милостиво подает Пете Удодову руку. Петя, двенадцатилетний мальчуган в сером костюмчике, пухлый и краснощекий, с маленьким лбом и щетинистыми волосами, расшаркивается и лезет в шкаф за тетрадками. Занятие начинается».

Во время урока в комнату входит Петин отец, отставной губернский секретарь Удодов. После латыни переходят к арифметике.

«Учитель берет задачник и диктует:

— «Купец купил 138 арш. черного и синего сукна за 540 руб. Спрашивается, сколько аршин купил он того и другого, если синее стоило 5 руб. за аршин, а черное 3 руб.?» Повторите задачу.

Петя повторяет задачу и тотчас же, ни слова не говоря, начинает делить 540 на 138.

— Для чего же это вы делите? Постойте! Впрочем, так... продолжайте. Остаток получается? Здесь не может быть остатка. Дайте-ка я разделю!

Зиберов делит, получает 3 с остатком и быстро стирает.

«Странно... — думает он, ероша волосы и краснея. — Как же она решается? Гм!.. Это задача на неопределенные уравнения, а вовсе не арифметическая...»

Учитель глядит в ответы и видит 75 и 63. «Гм!.. странно... Сложить 5 и 3, а потом делить 540 на 8? Так, что ли? Нет, не то».

— Решайте же! — говорит он Пете.

— Ну, чего думаешь? Задача-то ведь пустяковая! — говорит Удодов Пете. — Экий ты дурак, братец! Решите уж вы ему, Егор Алексеич.

Егор Алексеич берет в руки грифель и начинает решать. Он заикается, краснеет, бледнеет.

— Это задача, собственно говоря, алгебраическая, — говорит он. — Ее с иксом и игреком решить можно».

Когда рассказ был прочитан, Икс неожиданно сказал:

— Мне кажется, что можно решить эту задачу так, как хотел Петя.

— А по-моему, надо делать, как предлагал учитель: сложить 5 и 3, а потом делить 540 на 8, — сказал Игрек.

— Чепуха! Самый простой способ — алгебраический! — уверенно заявил Зет.

Что же делать? Конечно, проверить все предположения. Где-то кроется отгадка?

Находчивый Зонщик

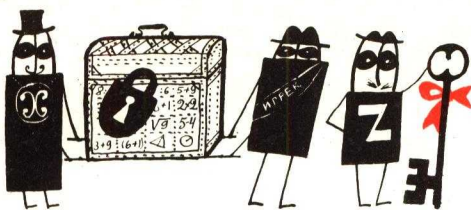

Одному из Трех Неизвестных (кажется, это был Игрек) однажды пришлось решать такую задачу. Нужно было объехать кольцевое шоссе длиной в триста километров. Сделать это было непросто: на шоссе не было ни одной бензоколонки. Зато на разных расстояниях друг от друга стояли три автомашины одной марки, и общего количества бензина в них хватило бы на триста один километр. Игреку надо было выбрать, по свое-

му усмотрению, одну из машин и отправиться в путь.

Достигнув какой-то другой машины, он направляется, забирая из ее баков весь бензин.

Надо доказать, что Игрек может выбрать такую машину и объехать шоссе, не прибегая к услугам бензоколонки. При этом ему, конечно, заранее известно, какое количество бензина в каждой машине.

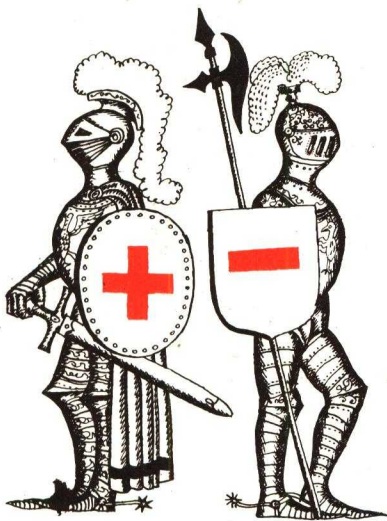

Неизвестные раскрывают
свои тайны

Ответы на задачи из № 10

ВРАГ ИЛИ ДРУГ?

Условимся обозначать рыцарей из одного
и из другого стана знаками $+$ и $-$ и объ-

единим в группы всех сидящих рядом рыцарей из одного стана. При этом придем к схеме, подобной той, какая изображена на рисунке 1. Удалим теперь всех рыцарей

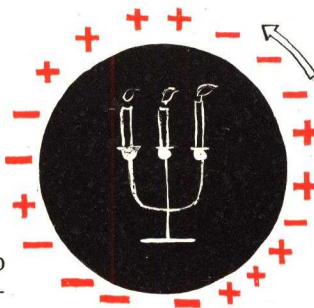

Рисунок 1.

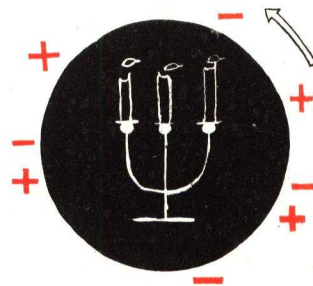

Рисунок 2.

каждой группы, кроме последнего (считая рыцарей в направлении, противоположном часовой стрелке). При этом мы придем к схеме рисунка 2, на которой, очевидно, имеется одинаковое число рыцарей 1-го и 2-го стана. Следовательно, общее число рыцарей на этой схеме четно. Но переход от рисунка 1 к рисунку 2 как раз и означает, что мы удаляем всех рыцарей, справа от которых сидит друг, оставляя лишь таких, справа от которых сидит враг. Согласно условию задачи, число удаленных рыцарей равно (четному) числу оставшихся. Отсюда и следует, что общее число всех рыцарей делится на 4.

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

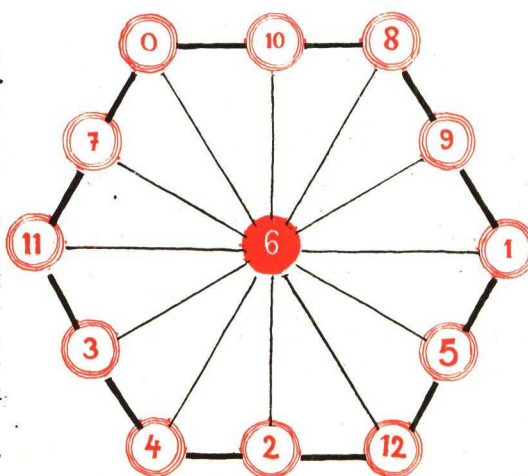
ЧТО БЫЛО НА ДОСКЕ?

Сложив все десять сумм, получим 72. Так как каждое из пяти искоемых чисел входит в четыре суммы из десяти, то сумма искоемых чисел равна $72 : 4 = 18$. Сумма наименьших двух, очевидно, равна 0, а наибольших — 15.

Значит, третье по величине число равно $18 - 0 - 15 = 3$. В ряду сумм второе место занято, очевидно, суммой первого и третьего. Поэтому эта сумма равна 2, а наименьшее число равно $2 - 3 = -1$. Ясно, что второе число равно $0 - (-1) = 1$. Аналогично находим, что наибольшие два числа равны 5 и 10.

Итак, на доске были написаны числа -1 , 1, 3, 5 и 10.

ПО ВСЕМ НАПРАВЛЕНИЯМ — 18

Klub

pod Wesołym Kotem

На страницах польского детского журнала «Пломик» есть клуб «Под Веселым Котом». Наш Смехотрон подружился с Веселым Котом и пригласил его в гости в «Пионер».

как поймать слона

Нужно написать на табличке большими цифрами: $2 \times 2 = 5$ и потом повесить эту табличку на видном месте, там, где ходит слон. Он увидит эту табличку, остановится перед ней и начнет долго думать: «Что за ерунда такая написана!..»

Здесь и нужно пользоваться моментом и ловить его.

в кулинарной школе

Девочка пришла домой из кулинарной школы.

— Мамочка, мы сегодня сготовили целый обед на уроке! — хвастается она.

— А вам разрешили его потом съесть?

— Разрешили?! Что ты? Заставили!

хвостун

— Вчера я упал с тридцатиметровой лестницы!

— И остался жив?!

— Я ведь сорвался с первой перекладины.

модное сочинение

— Послушай, Ковальский, почему ты написал такое короткое сочинение?

— А это мини-сочинение! Такая сейчас мода...

на уроке географии

— Ковальский, как называется столица Болгарии? Что же ты молчишь? — спрашивает учитель.

— Со-фия... — подсказывает кто-то с первой парты.

— А, вспомнил! Софи Лорен!

сочинение

о любимой собаке

— Войтек, — спрашивает учитель польского языка, — почему твое сочинение о собаке точь-в-точь такое же, как у Марка?

— Извините, пан учитель, но я не виноват. У нас с Марком собаки одной породы.

канарейка

— Вы обещали награду тому, кто вернет канарейку?

— Я. Но ведь это же кот, а не канарейка.

— А канарейка здесь, в коте.

в пустыне

Двое идут по пустыне. У одного в руках клетка, у другого тяжелый стальной рельс.

— Зачем тебе клетка? — спрашивает тот, что с рельсом.

— А вот как встретится нам лев, так я его сразу и посажу в клетку. А ты зачем тащишь рельс?

— Я сразу брошу его, как только увижу льва. Представляешь, как мне легко будет убежать!

любимая работа

— Что ты дома любишь делать больше всего?

— Готовить.

— Почему?

— Потому что мама не разрешает мне готовить.

КНИГА МОЕГО ДЕТСТВА

Мне очень хочется, чтоб ты прочла эту повесть. Правда, мне хочется, чтоб ты прочла все книжки, которые нравились мне в детстве. И еще лучше — чтоб мы читали их вместе.

Я даже помню, как мне выдали ее в юношеском зале Библиотеки имени Ленина. Сначала я жевала травинку — шел сорок четвертый год, и есть хотелось постоянно. А потом забыла про все, и отправилась вслед за Сашей и Серафимом в лагерь, и сочиняла с ними пьесу, а потом ночью ждала удара часов, чтоб вылезти из окна и идти через лес, через мокрый овраг — в ночное. И чувствовала себя Никой, порывистой, неожиданной в настроениях. Хотя я была острижена почти наголо, все равно чувствовала себя Никой.

Я ушла из библиотеки, когда прочла всю повесть. Двор и кусты, словно конфетти, были осыпаны жестяными кругляшами — следами салютов, но я не стала собирать их. В окнах домов расцветали желтые и оранжевые абажуры — пыльные матерчатые цветы. К твоему детству они почти вымерли и стали редки, как белые носороги. Такой абажур висел в комнате у Саши.

Но никакие вещи в моем представлении с Никой не связывались. И не только потому, что она была дочерью командира и часто меняла города и школы — движение жило в характере девочки. Она и ворвалась в повесть, в Сашину жизнь, летя по дорожке лагеря «с такой стремительностью, что платье трепетало у нее за спиной». И так же стремглав, неожиданно уехала, хочется сказать, исчезла, как Золушка, как исчезает обычно первая любовь.

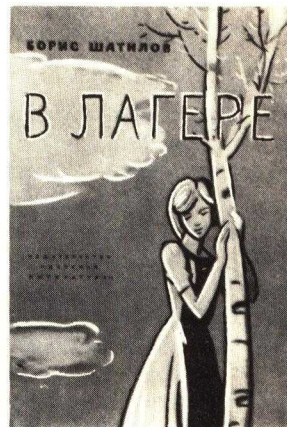
Наступал час салютов. В то лето они почти каждый вечер вспыхивали в московском небе. Я тогда не знала, что автор повести «В лагере» Борис Шатилов, как и мой отец, на фронте, но все равно это был близкий мне человек.

И вот что любопытно. Жизнь вокруг была напичкана приключениями, как какой-нибудь многосерийный телевизионный фильм. В свои двенадцать лет я успела объехать полсвета: и среднеазиатские верблюды в меня плевали, а потом в ледоход мы переезжали Волгу на саях, и сани опрокинулись прямо в ледяное

крошево, и фашистский бомбардировщик гнался за нашим эшелоном.

А в повести Шатилова, в общем, ничего не случилось. Дружба двух мальчиков — вот что в ней происходит, и первая влюбленность, которую оба они испытывают к Нике. А рассказано об этом в повести как о событиях первостепенной важности.

Теперь, много лет спустя, когда я прочла другие книги Б. Шатилова, я увидела, как

серьезно относился он к детской дружбе: долгим прогулкам, внезапным вспышкам озорства и совместно пережитому горю, к беспорядочным разговорам, необходимость которых не всегда понимают мамы.

«Два друга» называлась одна из первых книг Б. Шатилова. И в «Пушкине», написанном после повести «В лагере», на первый план неожиданно выступила дружба. Начавшаяся в детстве с шалости, с легкого прикосновения, она оборвалась в час смерти, когда Пушкин, смертельно раненный, говорит: «Как жаль, что со мной нет Пушина, мне легче было бы умирать». У других биографов я этих слов не встречала.

Между прочим, работу о Пушкине Б. Шатилов посвятил своему другу писателю Борису Житкову, с которым они любили бродить, читать стихи, играли на скрипке — оба были музыкантами — и спорили, спорили... О спорах друзей до сих пор вспоминают в редакции «Пионера», где Шатилов одно время работал. И повесть «В лагере» впервые была напечатана в нашем журнале.

Но одно дело — Пушкин, Житков, а герои повести — обыкновенные мальчишки, может быть, чуть постарше тебя, ничем они не прославились, подвигов совершить не успели, а писатель рассказывал о них с той абсолютной серьезностью, с таким вниманием к оттенкам отношений, что невозможно было усомниться в значительности происходящего с ними.

— Разве ты сама никогда не думала, — как бы говорил мне автор повести, — что чувства, которые ты испытываешь сейчас, сегодня, то, как ты дружишь, как ведешь себя, будучи влюбленной, как откликнешься на беду или радость, определяют твою жизнь?

Честно говоря, я считала, какой я буду — мамина забота или пусть учителя об этом думают, пусть себе воспитывают на здоровье.

(Помнишь, ты мне тоже недавно сказала: «Такой вы меня воспитали», — значит, тебе тоже кажется, что ответственность за тебя лежит на других, а ты ни при чем.)

И я удирала с уроков, могла соврать при случае, легко дружила и раздруживалась — ведь это все пока, — оставляя за собой право начать новую жизнь с понедельника. У меня было твердое ощущение, что все можно переиграть, ведь в запасе оставалось будущее, когда я совершу подвиг или сделаю что-нибудь замечательное.

— Что значит будешь? — спросил у меня писатель. — Ты можешь стать учительницей, врачом, получить профессию. Но человеком ты уже стала, ты есть, и какая ты — зависит прежде всего от тебя.

Его пятнадцатилетние герои жили в полную меру ответственности: беспощадно к себе, ни в чем себе не уступая. Очень трудно пришлось Серафиму, когда он увидел, как подружились Саша и Ника. Саша был его другом, Ника ему нравилась, и он вдруг ощутил недоброе чувство к Саше. Но как только ребята стали дразнить Нику с Сашей, Серафим стал рядом с друзьями и, как умел, защищал их.

И Саша было нелегко, когда ребята стали подсмеиваться над ним. Как злы и изобретательны бывают в насмешках ребята — ты знаешь.

Все, что возникло в Саше при встрече с Никой, казалось ему прекрасным: как будто зрение его очистилось, и этим новым зрением он вобрал в себя разом красоту леса, стихов, музыки — мира. А в шуточках, улыбочках чувство его отражалось искаженно, как в кри-

вом зеркале, казалось пошлым и стыдным. Даже у смелых мальчишек в подобной ситуации появляется искушение спрятаться, отступить. А Саша не уступил ребятам своей любви.

Эпиграфом к одному из рассказов Б. Шатилов поставил пушкинские слова: «Он уважать себя заставил». Герои его с такой яростью воюют против мелкого, трусливого в себе, с такой смелостью отстаивают независимость убеждений, что вызывают уважение.

И еще один секрет открыл мне автор: в каждом человеке рядом с добрыми чувствами живут трусость, и честолюбие, и, может быть, зависть, они ждут своего часа, своей поры, чтоб вырваться наружу. Но это не беда: надо только вовремя разглядеть их, не дать им укрепиться, завладеть тобой. Я стараюсь помнить об этом, став взрослой.

И вот прошло четверть века. Снова у меня в руках книга Шатилова «В лагере», а открывать ее чуть страшно. Время старит не только людей, но и книги. И бывает даже, что книги умирают. Правда, нам известны произведения долгожители, которые живут и сто, и двести, и даже тысячу лет.

Конечно, с тридцать восьмого года, когда была написана повесть, изменилось многое — дома, улицы Москвы, стоят в домах другие вещи. Мы с тобой, даже если бы захотели, уже не могли бы проехать вслед за Сашей и Серафимом на Воробьевы горы. До чего же странный выбрали они маршрут: «На трамвае мы доехали до Новодевичьего монастыря с малиновыми башнями, потом, уже пешком, миновали ровные грядки огородов и сели под ивой на берегу Москвы-реки, ожидая перевозчика». Станный, с нашей точки зрения: ведь теперь от Арбата до Ленинских гор — рукой подать — несколько станций метро.

И все же по настроению повесть читается как современная. Обратите внимание, когда будете читать ее, что художник нарисовал героев, идущих сегодняшним Арбатом; вдоль высотных зданий. И мне часто кажется, что в одном из арбатских переулочков, в мезонине под тополем, живет Серафим: читает наизусть «Евгения Онегина» и так же насмешлив и так же неподкупно, до нелепости правдив.

Если, конечно, он не погиб во время Отечественной войны. Я знала героев Шатилова подростками, но не сомневаюсь, что на фронт они пошли в первые же дни войны, и вместе выходили из окружения, и делились последней пайкой хлеба. Я не сомневаюсь, что и Ника была на фронте. И даже не медсестрой, а снайпером: ведь она же отлично стреляла.

Впрочем, они не могли погибнуть. И даже постареть не могли ни на один день. Они точно такие же, как в тот день, когда я познакомилась с ними. Ведь им еще предстоит встреча с тобой.

Мне очень интересно, станете ли вы друзьями?

И. АНДРЕЕВА

КАРУЗО И КРУЗО

Известный итальянский певец Энрико Карузо рассказывал о любопытном курьезе, случившемся с ним во время путешествия по дорогам США.

«Мы проезжали по штату Нью-Йорк, когда у

меня неожиданно испортилась машина. Я поставил ее на ремонт и отправился ночевать на близлежащую ферму. Я застал фермера за обедом. Он спросил, как меня зовут. Я ответил: «Карузо».

Услышав мой ответ, фермер вскочил из-за стола, подбежал ко мне и, радостно пожимая руку, воскликнул: «Я счастлив, что вам довелось побывать у меня в доме. Мне даже не верится, что сам великий путешественник Робинзон Крузо посетил мой скромный очаг».

В. ПЕСКОВ

БЕЖИН ЛУГ

В прошлом году летом занесло меня в тургеневские места в Орловской и Тульской областях. И я подумал: где-то ведь должен быть Бежин луг...

Стали искать. И нашли. На краю Тульской области стоит деревня с названием Бежин луг. А за деревней, в низине, мы нашли то, что искали.

Ну, правда, ведь удивительно пройти по Бежину лугу! У меня даже сердце стало колотиться сильнее. Впрочем, если кто из вас, ребята, еще не читал «Записки охотника», тот может и не понять, почему я так волновался... Удивительно видеть тот самый луг, на котором у огня ночью сидели деревенские ребята. Я стоял, припоминая, как было там в книжке... Костер горел где-нибудь у тех дальних кустов. Там течет чистая тихая речка Снежедь. Она и при Тургеневе так называлась. Вы помните, как все было той ночью? В темноте фыркали лошади, кричали ночные птицы. Помните разговор ребятшек у огня?

— А ведь вот и здесь должны быть русалки...

— Нет... здесь место чистое, вольное. Одно — река близко...

Сто лет прошло с той ночи. И вот я с любопытством разглядываю обычный российский луг, ставший знаменитым после тургеневского рассказа.

Да, обычный луг. Цветы, травы, такие же, как везде. Роса. Идешь, и за тобой остается темный след по траве.

Кусты лозняка, вблизи зеленые, а издали глянуть — синие с золотой от солнца каемкой. Кричат желтые трясогузки, летают шмели и пчелы, пастух гонит стадо коров. Примерно так же мог выглядеть луг и сто лет назад. И все-таки луг необычный! Оттого, что сто лет назад тут сидели у огня ребята? Нет, пожалуй. В старину по многим лугам мальчишки стерегли лошадей. Луг потому необычен, что о нем так хорошо рассказано в книге. Слово писателя сделало это обычное место необычным и дорогим для каждого из нас.

Встретил я на лугу ребятшек. По их лицам я старался догадаться: как выглядели сто лет назад их прадеды, бывшие тогда мальчишками. Федя, Павел, Ильяша, Костя и Ваня. Белоголовые ребяташки катили к реке звонкую шину от большого автомобиля. Они бежали купаться. Я спросил у них, так, для того, чтобы еще раз убедиться, где я стою:

— Как этот луг называется?

— Бежин луг, — сказал старший.

— Бежин луг, — повторил я, поднимаясь на горку и все время оглядываясь. — Бежин луг...

Очень интересное дело — узнавать свою землю.

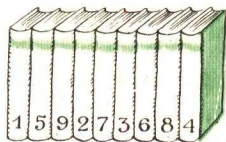

Стража в замке

В одном старинном замке было шестнадцать квадратных комнат, расположенных так, как показано на рисунке. Войти в замок и выйти из него можно было через двери в четвертой и тринадцатой комнатах. Стража ежедневно обходила замок, осматривала все комнаты, но никогда не заходила в одну и ту же комнату дважды. Впрочем, исключение составила тринадцатая комната: она пользовалась дурной славой, и ее полагалось осматривать два раза.

По какому маршруту шла стража?

РАССТАВЬТЕ ПРАВИЛЬНО

— Посмотри, в каком беспорядке стоят у тебя тома в девятитомном собрании сочинений Жюль Верна! — сказала мама Борису.

— Ничего, — ответил он, — я их в три счета расставлю правильно.

...И расставил действительно в три приема. Каждый раз Боря брал по два тома и ставил их на другое место.

Вырежьте эту игру из картона и попробуйте расставить книги в нужном порядке в три приема, как это сделал Боря.

ГДЕ ЦИТАТА ЗАРЫТА?

Давление (2), поза (2), игра (1), штаны (2), упражнение (2), темнота (2), маргаритка (1).

Из каждого слова возьмите столько рядом стоящих букв, сколько изображено в скобках. Из этих буквенных блоков у вас получится цитата из басни Крылова.

«СКАТЕРТЬ—САМООБСЛУЖКА»

Порывшись в архивах и произведя раскопки в местах, где пировали герои сказок, я обнаружил недавно секрет скатерти-самобранки. Оказывается, на ней появлялись блюда и яства, название которых можно было составить из букв, входящих в слова «скатерть-самобранка». Я решил, что такой предмет будет очень полезен для ребят, которые и зимой и летом любят ходить в походы.

Перед вами созданная мною «скатерть-самообслужка», усовершенствованная модель «скатерти-самобранки». Посмотрите, что вы можете получить, расстелив ее на привале. К вашим услугам и тарелка, и ложка, и котелок, и такие вкусные вещи, как торт, кекс, мусс, какао, масло, морс, котлета и многие другие, которые вы можете найти, порывшись в буквах «скатерти-самообслужки». Но это еще не все. Мои скатерти разных цветов — голубая, красная, синяя, фиолетовая, зеленая, оранжевая, желтая. Буквами, которые входят в цвет скатерти, можно также пользоваться при составлении своего меню. Я взял с собой на прогулку фиолетовую, но вскоре убедился, что с ее помощью я не могу получить своего любимого лакомства. И теперь я кладу в рюкзак только оранжевую. Оранжевая «скатерть-самообслужка» — единственная, которая меня отлично устраивает. (Не забудьте, что для получения блюда каждой буквой можно пользоваться лишь столько раз, сколько она употреблена в названии скатерти и ее цвета.)

Как вы думаете, что же я больше всего люблю на десерт? Какого цвета «скатерть-самообслужка» выслать вам? Приложите к вашему письму названия вкусных вещей, которые вы хотите получить с ее помощью.

ОСТОРОЖНО! ИГРАЕМ СО СПИЧКАМИ

Три спички

Выньте из коробка три спички и предложите вашему другу уложить их на столе так, чтобы ни одна из спичек не касалась стола головкой. Нелегкая задача!

Но прежде чем предлагать ее товарищам, попробуйте решить задачу сам.

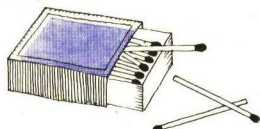
А ну-ка!

Из девяти спичек каждый без труда может сложить три треугольника. А теперь попробуйте-ка расположить девять спичек так, чтобы получилось три четырехугольника!

Кто-то из енота

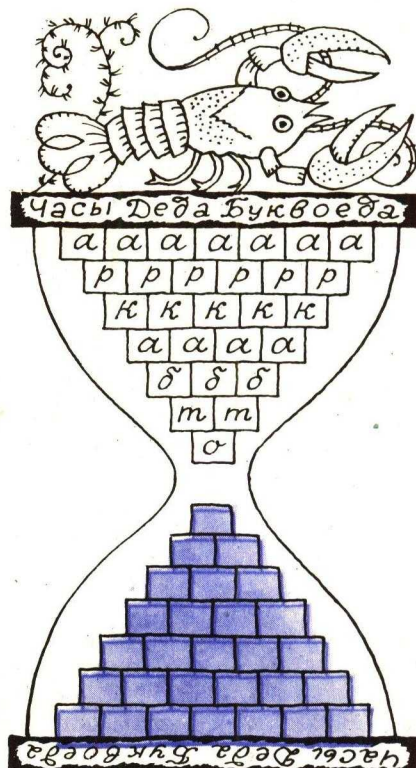
Сложите из спичек слово ЕНОТ.

А теперь, перекладывая спички в каждой букве (но не перенося их из одной буквы в другую), попробуйте получить название другого животного.

Как действуют часы, мы писали в седьмом номере «Пионера». Для тех, кто забыл, я напоминаю, как пользоваться часами. В самое нижнее слово (семь клеточек) должно войти по одной букве из всех семи верхних слоев, в следующее — по одной из всех шести (считая сверху) и т. д.

Жду от вас ответов.

Рисунки В. СТАЦИНСКОГО

Ответственный дежурный Никита РАЗГОВОРОВ

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ № 10

Слома голову

На этот раз барон Мюнхаузен сказал правду. Вот какие были у него маршруты: **первый** — 3Г-8-6-5-4-10-9-1-2-3-12-11-16-15-18-17-20-21-25-24-23- 22 - 19-13-14-7-3Г.
и второй — 3Г-7-14-13-19-22-23-24-25-21-20-17-18-15-16-11-12-3-2-1-9-10-4-5-6-8-3Г.

Ключ еще не найден

Вот ключ к загадочному письму из космоса:

Часы Деда Буквоеда

Дед Буквоед на этот раз насыпал в часы такие слова и буквы: сатирин, стирна, искра, риск, инс, си, и.

Чертova дюжина

Чертенку дали три гири весом в 9, 1 и 3 килограмма. А пользовался он ими так: 1 кг: 3-1=2, 3 кг: 3+1=4, 9 кг: 9-1=8, 9-3=6, 9+1=10, 9-1=8, 9+1=10, 9+3=12, 9+3+1=13.

Ахум

Вы догадались, что художник Кисточкин рисовал муху, и вот какие десять изменений внес он во второй рисунок:

1. У kota на картинке стали гуще усы.
2. Количество веток у елки тоже изменилось.
3. В подрамнике, который стоит у стены справа, нет одного клинышка.
4. У кисти, лежащей на полу, стало больше ворсинок.
5. Хвостик на берете художника повернут в другую сторону.
6. У тюбика с краской Кисточкин нарисовал темную этикетку.
7. Рулон бумаги за вешалкой свернут по-другому.
8. У куртки, которая висит на вешалке, внизу нарисовано больше волнистых линий.
9. У маленького столика черная ручка, а не белая.
10. У мухи на всех лапках по 4 «пальца».

Забавные случаи из своей жизни рассказывает молодой харьковский художник Юрий Никитин. Это произошло, когда он работал с геологической экспедицией в Уссурийской тайге.

ВСЕ К ЛУЧШЕМУ

Произошла неприятность. Я потерял тетрадку, где были записаны результаты наблюдений прошлой недели.

Где я только ее не искал! Перевернул все вверх дном: перетряхивал постели, рюкзаки, но тетрадку так и не нашел.

Утром наш отряд ушел на геологическую съемку местности. Вернулись мы усталые, голодные, но довольные. Приборы показали аномалию — богатые залежи руды.

Но что случилось с лагерем? Палатка свалена, кастрюля превращена в блин. И ни одной целой банки сгущенного молока не осталось: все смяты и раздавлены.

У нас в гостях побывал медведь! Ему так понравилась сгущенка, что он всю ее съел: наверно, брал банку лапами, сдавливал, банка лопалась, и лакомство лилось медведю прямо в пасть.

Как только не ругали все медведя! А я помалкивал. Сгущенку и мне, правда, было жалко. Но когда медведь разбрасывал наши книги, из какой-то выпала тетрадка, которую я так долго и безуспешно искал.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ НАЗВАНИЕ

С вертолета нам сбросили большой пакет с продуктами. Последние галеты мы съели неделю назад и шли через Сихотэ-Алиньский хребет, питаюсь исключительно одним мясом, так как дичи в Уссурийской тайге — видимо-невидимо. Но одно мясо, да еще без соли!

Вот почему мы так обрадовались сброшенному пакету. Там оказалось несколько килограммов шоколада, пачки печенья, галет, сухое и сгущенное молоко и семнадцать килограммов сливочного масла!

Чтобы масло не растаяло, мы его положили в горный ручей с кристально чистой и холоднющей водой.

Ночью мы проснулись от страшного грохота. Началась гроза. Молнии сверкали прямо над головой.

Утром мы бросились к ручью... а ручья не было. На его месте бурлила грозная горная река. Она с грохотом тащила по течению громадные валуны. Наше масло поминай как звали...

После этого мы нанесли эту речку на карту и долго раздумывали, как ее назвать. Река Масляная — было единодушное решение.

В управлении название утвердили как «Ключ Масляный». Вот так родилось географическое название.

СОДЕРЖАНИЕ

Декабристы. — Главы из повести С. Алексеева.	2
Рисунки В. Котанова	7
Встречи, которых не забыть. — Р. Евгеньева	10
Пионерский глобус	12
Вперед, вперед, и не сдавайся! — Б. Медовой и Т. Яковлев. Окончание. Рисунки Е. Медведа	23
На том стою и не могу иначе... — Р. Орлова	26
Стихи из записной книжки. — В. Берестов. Рисунки А. Цюпы	28
Прозвища. — Рассказ Г. Голлендера. Рисунки Н. Степанова	31
Радиосигналы из космоса? — Ф. Зигель. Рисунки Н. Доброхотовой	33
Фуникулер. — Стихи Р. Зека. Перевел с азербайджанского А. Халдеев	33
Превращения Солнца. — Стихи Мариса Чаклайса. Перевел с латышского Гл. Семенов. Рисунки Л. Сергеева	33
Поэтическая география	
Таинственное озеро Городно. — Н. Сладков. Фото автора	34
Нестихающий стих. — Л. Кассиль	36
Тучины штучки. Стихи о разнице вкусов. Взятие Зимнего. — Стихи В. Маяковского. Рисунки автора	38
Али. — Фотоистория	40
В избушке на вишере. — Рассказ Ю. Ковалев. Рисунки автора	41
Экспедиция «Здравствуй»	44
Кораблик	48
Фонарик	
Экзамен на рыцаря, или рыцарь на экзамене. — В. Медведев. Рисунки П. Вагина	50
О чем рассказали значки. — В. Павлов	55
Конкурс «Черный диск»	59
Настоящие мужчины. — Рассказ М. Давыдова. Перевел с латского Ц. Голодный. Рисунки Н. Доброхотовой	63
Комсомольские страницы	66
Заколдованный. — Рассказ Вл. Панкова. Рисунки Л. Сергеева	68
Ноябрьский листок. — Антон Загогулин. Рисунки Б. Кыштымова	71
Встречи с Тремя Неизвестными. — Рисунки Б. Кыштымова	72
Клуб «Под Веселым Котом»	74
Что нам читать?	75
Ума палата. — Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки В. Стацинского	78
Забавные случаи	80

На обложке:

Праздник. Рисунок И. Галанина.

Главный редактор Н. В. ИЛЬИНА.

Художественный редактор
С. Ю. Сахарова.

Редакционная коллегия:

Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев (заместитель главного редактора), А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.

Оформление А. Ясинского.

Адрес редакции: Москва, А-15,
Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор В. Пархоменко.

А 09630. Подписано и печати 9/X 1968 г.
Формат бумаги 60×84¹/₂. Объем 9,33 усл. печ. л.
11,24 учетно-изд. л. Тираж 913 000 экз. Изд. № 2012.
Заказ № 2398.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

**МОЛОКО
ВКУСНО
И
ПИТАТЕЛЬНО
ПЕЙТЕ ЕГО
ОБЯЗАТЕЛЬНО!**

10-9

